

ИДЕИ И ЧИСЛА

«Всякий заблуждающийся философ подобен маяку на рифах, он говорит морякам: плывите подальше от меня; он позволяет людям ... выявлять ошибки, от которых они страдают, полно осознавать их и бороться против них. И в этом состоит существенная потребность общества, поскольку оно ... общество личностей, наделенных интеллектом и свободой».

Маритен Ж.

ИДЕИ И ЧИСЛА

ОСНОВАНИЯ И КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ
РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ФИЛОСОФСКИХ
И СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Прогресс-Традиция
Москва

ББК 87
УДК 02.01
И 29

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 15-03-16032*

И 29 **Идеи и числа.** Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований. — М.: Прогресс-Традиция, 2016. — 272 с.

ISBN 978-5-89826-448-2

Что такое «результат» в философии, в гуманитарном знании, можно ли его измерять и оценивать так же, как в позитивной науке? Какие ограничения при этом необходимо иметь в виду, оценивая результат, а тем более принимая управленческие и даже политические решения, касающиеся науки? Как можно сделать такого рода оценки более корректными? Насколько можно доверять зарубежным базам данных, их репрезентативности в отношении российских исследований? Эти и ряд смежных вопросов поставили перед собой авторы данного издания.

УДК 02.01
ББК 87

На переплете:
В. Кандинский. Композиция VIII

ISBN 9785898264482

© Коллектив авторов, 2015
© Прогресс-Традиция, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	9
РАЗДЕЛ I. ИЗМЕРЕНИЕ ФИЛОСОФИИ	13
ГЛАВА 1.	
Философия, социогуманитарное знание и власть:	
ЗЕРКАЛЬНАЯ ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ	15
1. Установление и разрыв дистанции с предметом.....	15
2. Внешняя оценка результативности как дисциплинарная техника	17
3. Регулярная отчетность и защита от прессинга как философско-методологическая коллизия в науке	20
4. Специфика социогуманитарного знания с точки зрения анализа его ценности и оценки результативности исследований.....	25
5. Особенности жизни философского и гуманитарного текста. «Расширенное воспроизводство» и «негативная герменевтика»	29
6. Философия в истории знания. «Ценность изделия» и «модели прогресса».....	32
7. Философия в себе и в публичном пространстве. Критика очевидностей и воспитание рефлексии	36
8. «Гуманитарный разворот» в публичной активности власти. Реабилитация идеологического	40
9. Наука и власть: зеркальная самооценка	47
10. Государство или общество: проблема госзаказа	52
11. Оценка результативности отечественной науки в свете реформы РАН. Репутационные издержки и политические последствия	54
ГЛАВА 2.	
МОЖЕТ ЛИ ФИЛОСОФИЯ БЫТЬ НЕАКТУАЛЬНОЙ?.....	60

ГЛАВА 3.	
Бои за достоинство философии	87
1. <i>Возникновение наукометрии и апология количества</i>	88
2. <i>Апология количества</i> <i>в измерении научных публикаций</i>	93
3. <i>Поражение философии</i>	103
РАЗДЕЛ II. ИДЕИ И ЧИСЛА	115
ГЛАВА 4.	
НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННЫЕ СИГМЕНТЫ НАУКОМЕТРИИ	117
1. <i>Система кривых зеркал</i>	124
2. <i>Представленность современных отечественных</i> <i>философов в международном философском дискурсе</i>	133
ГЛАВА 5.	
РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ И ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ В ИССЛЕДОВАНИЯХ: ИСТОКИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ	142
ГЛАВА 6.	
СИСТЕМА РИНЦ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ФИЛОСОФСКИМ НАУКАМ	163
1. <i>Проблема отбора журналов по философии</i>	166
2. <i>Данные РИНЦ и действительная продуктивность</i> <i>ученых</i>	170
3. <i>Case studies</i>	171
4. <i>Выводы</i>	176
5. <i>Конкретные предложения</i>	181
ГЛАВА 7.	
ИМПАКТ-ФАКТОР: ЕГО ВОЗМОЖНОСТИ И ИЗЪЯНЫ	184
ГЛАВА 8.	
О РЕАЛЬНЫХ ФАКТОРАХ, ОБЪЯСНЯЮЩИХ НЕОПРАВДАННОСТЬ ИСТОЛКОВАНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЦИТИРОВАНИЯ КАК ТОЧНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЙ	192
1. <i>К вопросу об исторических особенностях цитирования</i> <i>в философии</i>	194

2. Об «образцовых» статьях – с точки зрения цитирования..... 198
3. Как и кого обычно цитируют ученые?..... 201
4. Общие выводы относительно фактора цитирования..... 207

ГЛАВА 9.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СЕТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ БИБЛИОМЕТРИИ
В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ..... 210

РАЗДЕЛ III. SCIENCE POLICY
ОТ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРОИЗВОДИТЕЛЯ..... 219

ГЛАВА 10.

ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ПРИЗНАНИЕ ТРУДА УЧЕНЫХ
В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУССИЙ..... 221

1. Болевые точки *science policy*..... 225
2. О конкретных выводах и предложениях ученых по определению эффективности научного труда 234

ГЛАВА 11.

ТРАДИЦИОННАЯ БИБЛИОМЕТРИЯ:
ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ ДАННЫХ 255

ГЛАВА 12.

НАУКА И ВЛАСТЬ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ..... 263

1. Регулирование науки: дисциплинарные техники 263
2. Антинаучная точность 266
3. Социальный заказ и инерция контроля 268

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Эта книга является итогом трехлетней работы по реализации проекта РГНФ «Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований». И сейчас, когда проект формально завершен, работа авторского коллектива над темой продолжается, что вызвано как неисчерпаемостью предмета, так и развитием ситуации с академической наукой в России.

Когда проект в 2010 году еще только затевался, на горизонте российской науки уже сгущались тучи экспансивной наукометрии и, в частности, плохо переваренных библиометрических методик. Тогда казалось, что издержки процесса в основном связаны с излишним оптимизмом неопитов, считающих, что найдена отмычка от главных секретов в оценке количества и даже качества научной работы. Вместе с тем уже тогда были серьезные и небезосновательные опасения, что такого рода инструменты могут быть использованы грубо, а то и просто не по назначению. В 2011 году уже поступала информация о планах использования на местах формализованных показателей в целях едва ли не автоматического перераспределения ресурсов и вознаграждений. Пафос работы над проектом тогда был в основном задан необходимостью разгребания этой методологической и методической, а отчасти и управленческой коллизии.

Но на гребне событий, связанных с радикальным реформированием российской науки, прежде всего академической, нельзя было не обратиться и к более общим вопросам, связанным с контекстом, в котором имеет смысл и осуществляется оценка результативности процессов познания. Этот контекст имеет множество аспектов: политических, проявляющихся в связке «власть—знание»; управленческих, затрагивающих управление наукой, но и науку как инструмент управления; интеллектуальных, связанных с самосознанием и самоопределением философии, социогуманитарного знания и науки в целом в новой цивилизационной ситуации; наконец, ценностных, напоминающих, что отношение к философии и науке только как к машинам практической пользы убого и не достойно уважающего себя общества.

Если на первом этапе было важно показать некорректность методов упрощенного использования библиометрии в науке вообще и в особенности в философских и социогуманитарных исследованиях, то постепенно на первый план выходили вопросы «объемлющего» характера: как оценка результативности встроена в систему взаимоотношений в треугольнике «наука — власть — общество»; как она влияет на самосознание философии и науки и вытекает из него; как результат интеллектуальной работы проявляется не в оперативной калькуляции, а в большой истории, на которую, собственно, по-настоящему ответственное и самоотверженное познание как раз и ориентируется? С этого момента наш проект начал становиться более философским, что бывает, когда на масштабные проблемы и обобщения выводит даже не логика рассуждений, а жизненные коллизии и социальные катаклизмы.

По итогам первых двух лет работы была подготовлена и издана книга «Измерение философии. Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований» (М.: Издательство Института философии РАН, 2012). В книге было показано, что качество имеющейся в нашем распоряжении (да и в мире) библиометрии ни в коей мере не отражает реальной результативности российской науки в целом, а философии и социогуманитарных исследований в особенности. Анализ выявил принципиальную специфику философского и социогуманитарного знания, еще более ограничивающую формализованную оценку результатов. Практика, не учитывающая эту специфику, исходит из представлений, имевших место до Дильтея и Марбургской школы, то есть до концептуального и методологического различения, которое тогда выглядело как различение «наук о природе» и «наук об обществе». Даже фундаментальное различие в ориентации одних наук на универсальное, а других на большее внимание к индивидуальному, автоматически приводит к тому, что многие направления философских и социогуманитарных исследований в принципе не могут оцениваться по статистике международных баз данных, в частности, таких как Web of Science, Scopus и пр. — хотя бы потому, что эти исследования заточены на локальное и чем более они на локальное заточены, тем больше их реальная результативность в данном обществе, в том числе практическая.

То же происходит с политической составляющей. В то время как общество заинтересовано в более живом участии философии и социогуманитарной науки в жизни страны, а «партия и правительство» прямо на это ориентируют, общепринятая и оперативно внедряемая библио-

метрическая оценка результативности прямо ориентирует философов и гуманитариев на то, чтобы никакой публичной активностью не заниматься и писать тексты только для ваковских и рецензируемых журналов, а лучше для иностранных, которые тексты о самых наших животрепещущих проблемах не публикуют в принципе — и правильно делают. Мы попытались себя такими ориентирами не ограничивать, поэтому сознательно шли на сочетание фундаментальности и проблемности, на строгий анализ и элементы острой полемики, иногда почти публицистической. Иногда это сочетание может показаться эклектическим, но это представляется нам более соответствующим условиям задачи, чем искусственно нагнетаемое единство стиля.

Еще более это разнообразие подходов проявилось на втором этапе работы над проектом. С одной стороны, как уже отмечалось, логика рассуждений и событий одинаково вела к более фундаментальным обобщениям и углубленным зондажам. Например, отсутствие в стандартной библиометрии книг, оказывающихся основным модулем презентации в философии и гуманитаристике, является следствием безоглядного внедрения методик, и без того весьма условно работающих в точных и естественных науках, в совершенно иную среду. Но это же выводит и на понимание того, что в философской или гуманитарной книге одновременно присутствуют и вся машинерия «эксперимента» и обоснования, вся практика «внедрения» — то, что в естественных и точных науках вынесено за публикацию и присутствует в статьях лишь в свернутом виде.

Отсюда следует, что нынешнее подобие *science policy* в России вообще игнорирует фундаментальные особенности философии и гуманитаристики, а потому нуждается в том, чтобы его остановили впредь до проведения необходимого ликбеза и коррекции подходов к оценке, которая сама по себе составляет научную проблему. Но одновременно это и проблема управленческая, в чем-то даже антропологическая: надо иметь видовые особенности, чтобы внедрять методики, в развитых странах запрещенные к использованию (в том числе на законодательном уровне) как искусственно модифицирующие исследовательский ландшафт. Ситуация одновременно и провоцирующая на глубинный пересмотр ряда позиций, но и политически острая. Поэтому тексты, написанные на втором этапе, еще более развели (но и соединили) форматы академического рассуждения и публицистики с риторическими фигурами речи и острыми высказываниями. Если для кого-то это недостаток, то для нашего проекта это

одна из целей: показать, что философия актуальна (в обычном смысле этого слова), только когда не стесняется острых тем и живого языка.

Когда готовилась первая книга по проекту, были два названия: «Измерение философии» и «Идеи и числа». Тогда выбрали первый вариант. Но потом оказалось, что под это название как раз лучше подходят тексты, написанные в 2013 году и вошедшие в первый раздел. Соответственно, второй раздел назван «Идеи и числа», хотя в основном состоит из текстов первой книги. В третий раздел «Science policy от отечественного производителя» мы специально вынесли тексты, в большей степени содержащие отклики на события последнего (на тот момент) времени и на развернувшиеся тогда дискуссии. К сожалению, многое из написанного тогда не утратило своей актуальности и сейчас.

Исследование проведено на базе Института философии РАН в рамках проекта «Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований» (Грант РГНФ N 11-03-00442 а). Авторский состав проекта: А.Н. Баранов — доктор филологических наук, заведующий Отделом экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН; А.А. Гусейнов — академик РАН, директор Института философии РАН; Н.И. Лапин, член-кор. РАН, руководитель Центра изучения социокультурных изменений Института философии РАН; Н.В. Мотрошилова — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии РАН; А.П. Огурцов — доктор философских наук, Институт философии РАН; А.В. Рубцов — руководитель проекта, руководитель Центра философских исследований идеологических процессов Института философии РАН; Б.Г. Юдин — член-кор. РАН, главный научный сотрудник Института философии РАН; А.Ф. Яковлева — ученый секретарь Института философии РАН.

Авторы разделов и глав:

А.Н. Баранов — Главы 9, 11

А.А. Гусейнов — Главы 2, 12

Н.В. Мотрошилова — Главы 4, 6, 8, 10

А.П. Огурцов — Главы 3, 7

А.В. Рубцов — Вместо предисловия, главы 1, 2, 12

Б.Г. Юдин — Глава 5

Раздел I

ИЗМЕРЕНИЕ ФИЛОСОФИИ

ГЛАВА 1.
ФИЛОСОФИЯ,
СОЦИОГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ И ВЛАСТЬ:
ЗЕРКАЛЬНАЯ ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ

1. Установление и разрыв дистанции с предметом

Есть два взгляда на взаимоотношения философии и социальной науки, с одной стороны, и власти, политики, инстанций управления — с другой.

Первый взгляд более традиционен и академичен: философский и собственно научный подход предполагает максимальное дистанцирование от «злобы дня», от соблазнительных игр с властью и втянутости в политическое, что, как считается, гарантирует искомую объективность понимания и беспристрастность в оценках. В свою очередь, здесь также можно усмотреть две основные ветви: либо относиться к власти и политическому отстраненно, в качестве объективного и незаинтересованного наблюдателя-аналитика — либо вовсе избегать этих тем и заниматься предметами заведомо аполитичными, всего связанного с властью чурающимися по определению.

Другой взгляд предполагает известную включенность в процесс — в режиме экспертизы, креативного сопровождения или даже непосредственного участия в политике и управлении, например, с целью обеспечить взгляд изнутри, понимание процессов на основе собственного опыта. Здесь может иметь место также обычная гражданская позиция, не позволяющая выключаться по сугубо моральным соображениям или, например, в силу темперамента. Иными словами, включенное наблюдение может также сопровождаться прямым вмешательством в объект с целью выяснения его реакций, возможностей и пр. — почти в режиме эксперимента.

В обеих позициях есть свои плюсы и минусы, свои сильные и слабые стороны, однако скорее всего это альтернатива для личности, но не для профессии. Каждый вправе выбирать интеллектуальную,

исследовательскую, наконец, просто жизненную стратегию, но для вида занятий или рода деятельности это, очевидно, позиции взаимодополняющие. Здесь не нужны даже логические рассуждения — достаточно взглянуть на историю мысли и понять, что обе традиции представлены такими именами, работами, школами и системами, что исключить какую-либо из них не представляется возможным без фатальных потерь.

Более того, в этом плане есть известная динамика. Так, после Маркса мыслить социально-политическую теорию и практику как изолированные процессы так же трудно, как представить современную, неклассическую физику без позиции наблюдателя. Постсовременная парадигма и вовсе исходит из срастания знания и власти, хотя и очень по-разному, скажем, от Мишеля Фуко («знание—власть»), Жан-Франсуа Лиотара до Ричарда Рорти. Хотя еще задолго до этого такой контакт имел место, начиная с античности, через такие фигуры, как Маккиавелли и вплоть до Карла Шмитта, взаимодействие которого с нацизмом не помешало стать одним из классиков в теории политического, в наше время, пожалуй, едва ли не самым актуализированным.

Но есть особая линия взаимоотношений философии и социогуманитарного знания как института с властью и системами управления. Это отношения сугубо функциональные, организационные, во многом просто административные и экономические. Все это бывало и бывает очень по-разному, причем как в историческом времени, так и в политическом пространстве. Интеллектуальная активность нуждается в ресурсном обеспечении, в инфраструктуре, наконец, в самой санкции на существование. Если даже вообразить себе идеальный вариант совершенно самостоятельного, самодостаточного, ни от чего и ни от кого не зависящего и ни в чем, кроме средств письма и существования, не нуждающегося интеллектуала, то и здесь мы столкнемся со своего рода нулевым, предельным случаем, пустым множеством — надо, как минимум, чтобы тебя не трогали, а это тоже вырожденный вариант все той же санкции. Еще раз, это случай идеальный и скорее даже теоретический: более реально использование интеллектуалами изошренных и множественных техник ухода от такого контроля. В конце концов, каждый, считающий, что он делает именно и только то, что хочет, всегда хотя бы мысленно тестирует ситуацию, зондирует для себя пределы возможного и знает, куда именно он не ходит и что

там бывает. И соответственно, оценивает свои перспективы такого хождения на «суды нечестивых», «за флажки» и т.п. Это как решать для себя, какую пытку ты выдержишь, а какую нет (соблазн здесь тоже подходит, хотя это не совсем тот случай, поскольку честно считать себя совершенно несоблазняемым не так уже и трудно, особенно, когда никто не соблазняет).

Эта линия взаимоотношений интеллектуальной активности с властью — вещь обычно весьма неприятная, поскольку бросает тень прозаического на деятельность по определению возвышенную и такого рода бытовых деталей чурающуюся. Проще всего считать это чем-то, к работе никак не относящимся, — вынужденной причастностью к «миру сему» людей, вся уникальная ценность которых в присутствии мысли и взгляда «не от мира сего» (в высоком смысле этого выражения).

Тем не менее здесь наблюдаются весьма разные типы взаимоотношений, основанные на разных схемах превентивного, априорного, опережающего доверия, или, наоборот, навязчивого контроля. Здесь важно разделять, как минимум, цензуру содержания и контроль «производственной дисциплины». Может показаться, что это вещи практически не взаимосвязанные, однако связь тут есть и часто весьма основательная.

2. Внешняя оценка результативности как дисциплинарная техника

Прежде всего, здесь полезно лишний раз напомнить, что цензура часто (а иногда и преимущественно) работает в режиме самоконтроля и самоограничения. Не надо ничего навязывать или, наоборот, пререживать: достаточно поставить человека в такие условия, когда он сам невольно и, как правило, не признаваясь себе, будет контролировать свое письмо. Рефлексия над таким самоконтролем часто затруднена, это практика из тех, которые бессознательно вытесняются. Тем не менее это сильный механизм, и даже у фигур, выглядящих предельно свободными и независимыми хотя бы в силу нейтральности предмета исследования или концептуализации, всегда остается гипотетическое поле сработавшего самоконтроля — в зоне несказанного.

С этой точки зрения самый обычный административный контроль, проявляющийся, например, в количестве разного рода пла-

новой, справочной и отчетной документации, является не просто капризом околонучной бюрократии, но и применением (тоже часто неосознанным) особого рода дисциплинарных техник. Человеку никто не диктует, что писать, а чего не писать, но фактически обряжают в форму и муштруют. Все приемы стандартизации формы одежды, поведения, речи и т.п. приучают к нормальной реакции на приказ, для чего все индивидуальное требует сдерживания. Заполняя многочисленные формуляры, научный работник также муштруется, как рекрут на плацу. Более того, ему показывают, каково в данный момент главное настроение власти: отпустить вожжи или, наоборот, завинтить гайки. Так демонстрируется вектор изменения политики, режима. А дальше каждый делает выводы уже самостоятельно. Это не всегда срабатывает прямо, но в целом это инструмент безошибочный уже на уровне выбора характера отношений. Когда научного работника вынуждают заполнять множество бумаг с весьма странными и неожиданными деталями информации о себе и своей работе, это часто начинает напоминать «Паноптикон» Бентама — прозрачную тюрьму, в которой все заключенные постоянно просматриваются из одного центра. Конечно, это разные степени проявления такого рода практики, но природа здесь одна и содержит в себе ровно то, что Фуко здесь анализировал в качестве целенаправленной дисциплинарной техники. Когда члены диссертационных советов начинают заполнять обширные анкетные листы, в которых требуется указать даже толщину корешков переплетов в опубликованных книгах, это может быть и плодом странной фантазии управленцев, но и неосознанной воспитательной мерой — попыткой расставить статусы и показать масштаб намерений управляющей инстанции в плане наращивания контроля.

По крайней мере в этом смысле эта политическая, властная и управленческая вертикаль срабатывает как единое целое, чутко улавливающее и транслирующее вниз веяния наверху. Если построить графики политической эволюции постсоветского режима, можно с математической точностью показать, как качания между либеральными и этатистскими, условно демократическими и безусловно авторитарными веяниями в большой политике с небольшим временным лагом, а то и мгновенно подхватывались средней и низовой бюрократией. Инстанции технического регулирования или инспекции ДПС делали это быстрее, органы управления наукой медленнее, но тенденция здесь общая.

Однако это процесс асимметричный. Реакционные тенденции подхватываются бюрократическим низом быстрее, но от них гораздо медленнее отказываются, когда наверху меняется политический курс в сторону некоторой либерализации. Это можно понять. Во-первых, здесь срабатывает совпадение или, наоборот, конфликт интересов. Любые ужесточения подхватываются нижними звеньями вертикали как идейно близкие или просто выгодные, в то время как ослабление контроля всегда наносит видимый ущерб аппаратным массам, причем не только финансовый, но и организационный, статусный, морально-психологический и пр. Опыт проведения институциональных реформ начала 00-х гг. (административной, технического регулирования, саморегулирования и пр.) показал, что часто эмоциональная, сугубо статусная реакция оказывается здесь даже сильнее, нежели потери в доходах на эксплуатации административных барьеров. Во-вторых, ужесточение контроля всегда связано с институционализацией, а потому ослабление контроля неизбежно оказывается более инерционным: принцип «разрушать – не строить» в аппаратно-бюрократической логике не работает, когда это касается демонтажа административных структур и схем.

В связи с этим важно отметить, что в последнее время научное сообщество явно почувствовало на себе резкое нарастание бумажного документооборота, связанного с необходимостью представления множества планов, отчетов и справочных материалов. Эта тенденция проявила себя еще до начала открытой стадии подготовки реформы РАН, но набрала силу буквально в последние годы. По некоторым оценкам интенсивность документооборота превысила уже и советский период. С одной стороны, это может быть связано со сложностями регулирования контента без прямой цензуры, а с другой – с упрощенными возможностями саморазрастания бюрократии. Как бы там ни было, непосредственной мерой оценки, а главное, самооценки результативности аппаратной работы было и остается количество «входящих» и «исходящих», производство которых должно быть налажено в промышленных масштабах. Если убрать этот показатель, а соответственно, и само это массовое занятие, могут возникнуть подозрения в бесполезности многих подразделений и целых административных органов. В связи с этим периодически высказываются предложения наладить встречный процесс – формализованной оценки результативности работы управленческих инстанций, в том числе по количеству, качеству, а главное,

по реальной эффективности циркуляров, запросов и ответов с учетом мнения научного сообщества и с привлечением зарубежных экспертов, как это имеет место в планах по оценке результативности российской науки. Эти идеи не столь экзотичны, как кажется, поскольку формализация оценки результативности решений и действий постоянно находится в планах и самой власти.

3. Регулярная отчетность и защита от прессинга как философско-методологическая коллизия в науке

Но нельзя не отметить своеобразного мобилизующего влияния, которое периодически оказывает на научное сообщество столкновение с разного рода административным давлением. В целом это, конечно, отвлекает, а часто и крайне раздражает. Необходимость отписываться на все новые и новые задания, касающиеся планово-отчетной документации, вызывает в научном сообществе особенно эмоциональную реакцию по целому ряду причин.

Прежде всего это люди, как правило, работающие много и заведомо вне формально установленного рабочего времени. Поэтому дополнительная нагрузка, к тому же представляющаяся большей частью бессмысленной, выглядит здесь особенно несправедливым обременением, а то и просто издевательством. Выглядит это примерно так: люди, с трудом способные выдавить из себя несколько циркулярных страниц за целые месяцы напряженной умственной и аппаратной работы, вынуждают писать ненужные справки ученых (например гуманитариев), пишущих свои авторские, научные тексты не по заданию, а по долгу творчества, иногда по несколько страниц в день или в ночь.

Кроме того, здесь важно также, что ученым, связанным с точным или гуманитарным знанием, часто довольно сложно переходить на язык бюрократической формализации, вписываться в не свой стиль, а главное, участвовать в играх, представляющихся им не просто лишними, но и крайне плохо подготовленными. Усугубляет проблему также то, что конкретные позиции отчетности никак не комментируются извне с точки зрения их реального смысла; их необходимость не обосновывается, даже не проясняется, а дается явочным порядком. Если информация о толщине корешков издаваемых книг зачем-то нужна, пока это не пояснено, такой запрос выглядит в глазах ученых абсурд-

ным, а то и просто требующим диагноза. Это же обстоятельство демонстрирует и особенности стиля отношений, которые административные инстанции пытаются выстраивать как сугубо односторонние и категоричные. Отвечать на запрос положено, а разбираться в смысле запрашиваемой информации — нет. Для людей с научным стилем мышления, натренированной логикой и хотя бы некоторой долей самоуважения это серьезное испытание.

Вместе с тем представителям научного сообщества свойственно творчески реагировать на любые коллизии, в том числе и на такие примитивные, как описанные выше. По мере того, как научные сотрудники осваивают шаблонные приемы заполнения пунктов различных циркуляров, раздражение иногда начинает сменяться размышлением — уже собственно научной проблематизацией, даже рефлексией. В качестве содержательных всплывают вопросы:

— что, собственно, происходит в стране, какие социальные и общеполитические тенденции эти свежие веяния в стиле регулирования научной деятельности так убедительно выражают?

— какие особо грубые концептуальные, методологические и методические ошибки имеют место в новых стратегиях контроля и регулирования науки?

— в чем заключается специфика научной деятельности (в том числе социогуманитарных и философских исследований), запрещающая применение в этой сфере способов упрощенной формализации оценки результативности, да и методов внешнего управления и контроля в целом?

Иными словами, сама эта коллизия становится предметом эмпирической систематизации, анализа и концептуализации. Если наш проект называется «Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований», то есть посвящен прежде всего проблемам собственно науки и ее информационной обработки с соответствующими выводами, то логичным продолжением такой работы должно было бы стать научное исследование самих практик внешнего управления и контроля со сбором эмпирической информации, со статистикой и средствами визуализации (таблицами, графиками, диаграммами), позволяющими понять масштабы бедствия и сравнить нынешние практики внешнего контроля с опытом советской науки или с периодом 90-х и даже 00-х, а также с прогрессивным мировым опытом.

Такого рода компаративистика, в свою очередь, открывает целый ряд методологических и методических возможностей.

Прежде всего необходимо выяснить, каким образом может быть обеспечена здесь привязка к национальной, отечественной традиции, а также какие стратегии диктует учет особенностей местных условий и в первую очередь состояния государства, его реформаторского потенциала. Иными словами, здесь важно понять, как можно избежать очередных революций, ни к чему хорошему, как правило, не приводивших, а также выяснить, какие у нас в данном случае есть основания считать, что реформу науки не постигнет участь буквально всех прочих реформ, до настоящего времени начинавшихся в Российской Федерации и в ней же благополучно захлебывавшихся, часто с большими потерями и ударом по репутации.

Далее имеет смысл подвергнуть внешней (международной) экспертной оценке не только результативность отечественной науки, но и сам проект реформы, а главное, все, что будет происходить после принятия закона — на уровне подзаконных актов и конкретных организационно-управленческих решений.

Опыт административной реформы и реформы технического регулирования показал, что зарубежные (а у нас это почти без исключения западные, прежде всего европейские) эксперты обычно сразу делятся на две группы. Одни представляют европейскую бюрократию и родственные ей структуры, а потому подходят к сравнению ситуаций в РФ и ЕС более формально; таким специалистам бывает проще внушить, что наш план реформ в целом более чем соответствует «мировому цивилизованному». Специалисты, непосредственно, практически работавшие в российских условиях и знающие наши реалии, лучше понимают, что «формально безупречное» и почти текстуальное перенесение на российскую почву западных моделей сплошь и рядом приводит к закреплению, а то и усугублению худших сторон российской практики, связанных с неэффективностью управления, коррупцией и развалом целых отраслей.

Одним из методов, точнее приемов, позволяющих сравнительно корректно проводить такого рода компаративистский анализ, является мысленный эксперимент следующего содержания. Экспертам (российским, но прежде всего западным) предлагается не переносить в Россию западные модели и формальных схемы, а наоборот, оставить в Европе их нормативную базу и модели управления, но мысленно

перенести туда наши министерства и ведомства с их стилем общения, административными навыками и кадровым составом, наши возможности разрешения конфликтов между властью и гражданами, в данном случае представителями научного сообщества, наши экономические возможности и криминальные или полукриминальные практики их использования... После такого мысленного эксперимента лишние дискуссии, как правило, прекращаются.

Однако все это не снимает реальной проблемы нового диалога науки с обществом — важнейшей черты постнеклассической стадии развития знания. Уже сейчас видно, что формализованная оценка результативности отечественной науки используется не только как якобы валидное основание для принятия управленческих, организационных и даже политических решений, но и как средство формирования общественного мнения в отношении науки вообще и гуманитарного знания в частности. Такое отношение в период прохождения закона о реформе академической науки формировалось как заведомо негативное. Предвзятость здесь была так же очевидна, как и слабая осведомленность в самих основах научной библиометрии. Но в то же время здесь обозначился явный дефицит готового контента, который российская наука могла бы оперативно представить обществу как альтернативный материал, демонстрирующий ее реальное состояние, достижения, перспективы и востребованность — в настоящем и будущем. Выяснилось, что если наука не занимается выстраиванием такого диалога с обществом и властью, она рано или поздно все равно оказывается перед необходимостью защиты себя, но уже не как защиты проекта или диссертации, а как защиты от внешнего нападения. При этом всегда оказывается, что выстраивание альтернативной точки зрения на состояние и перспективы науки элементарно опаздывает и нередко превращается в размахивание руками после драки.

Как бы там ни было, часто именно внешние атаки заставляют научное сообщество в спешном порядке компенсировать дефицит адекватной и хорошо репрезентированной самооценки. Классический пример здесь — история с «Философским домом» — зданием Института философии РАН (Волхонка, 14), на которое два десятилетия претендовал находящийся по соседству Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Когда угроза стала реальной, Институтом была собрана огромная по объему, почти исчерпывающая и более чем авторитетная информация о достижениях отечественной

философии в лице ИФ РАН, а также о мировом статусе этой исследовательской организации, об отношении к ней и к ее работе со стороны мировой философской и социогуманитарной научной общественности. Это позитивное отношение, в частности, было выражено такими предельно авторитетными именами и исследовательскими центрами, что может рассматриваться в качестве своего рода международного аудита научной деятельности Института философии РАН. В сравнении с весом такого «аудита» все статистические выкладки библиометрии, к тому же основанной на ущербной и некорректной статистике, оказываются избыточными и создающими заведомо ложную картину¹.

При этом в любом случае надо учитывать, что сколь угодно полная и точная статистика публикаций, индексов цитирования и пр. не дает автоматической и формально исчислимой оценки, а лишь создает один из образов положения дел. С этой точки зрения переписка такого рода (подобная упомянутой выше) всегда дает другую составляющую образа интегральной оценки, причем гораздо более точную, существенную и весомую. Одно дело, когда оценку дают мировые авторитеты, а другое, когда это делает функционер на основе сомнительной статистики и с некорректным использованием методик, не говоря о методологии.

Но как бы там ни было, в целом приходится констатировать, что наше научное сообщество далеко не в полной мере оказалось отобилизованным для отражения обвинений в слабой результативности большинства исследований. Кроме того, в нужный момент не оказалось модели оценки результативности, которая была бы альтернативной грубым формализациям и вместе с тем основывалась бы на методологии, более объективной и приемлемой для самого научного сообщества.

Это обстоятельство является на данный момент весьма критичным, в особенности в связи с тем, что традиционные формы оценки результативности (репутация, признание, «кредитная история» исследователя) оказались в последнее время существенно девальвированы тем, что научное сообщество не смогло в должной мере противостоять проникновению в него сомнительных работ и персонажей под давлением политики, власти и бизнеса.

---

¹ См. перечень материалов, поступивших в адрес первых лиц государства, органов власти и самого ИФ РАН, содержащих оценку научной и общественной деятельности Института. – Волхонка, 14. Место имеет значение. М.: ИФРАН, 2010.

Но гораздо важнее тот факт, что сталкиваясь с проблемой самооценки и экспликации собственной результативности, а в более широком смысле и с проблемой обоснования своей нужности обществу (более пафосно говоря, человечеству), наука вновь и вновь, а часто и на совершенно новом уровне обращается к пониманию собственных оснований, к иному толкованию смысла научной деятельности. При этом вновь проявляются, разделяясь, смыслы утилитарные и сверхутилитарные, всплывают проблемы «ценности для» хотя бы и для самых высоких целей — и самооценности познания.

С этой точки зрения оказывается особенно важным проводить различия между двумя основными типами наук и в полной мере учитывать специфику собственно социогуманитарного знания, а тем более философии.

4. Специфика социогуманитарного знания с точки зрения анализа его ценности и оценки результативности исследований

В первом издании результатов данного проекта, в книге «Измерение философии. Основания и критерии оценки результативности философских и социогуманитарных исследований» (материалы этой книги большей частью вошли и в настоящее издание), были отмечены многие обстоятельства, делающие нерелевантным использование стандартной библиометрии применительно к философии и социогуманитарному знанию. Далее эти факторы будут описаны и проанализированы более подробно. Здесь же важно исследовать фундаментальные особенности философского и социогуманитарного знания в связи с возникновением этих факторов.

В принципе, для непредвзятого взгляда достаточно было бы сослаться на опыт ряда передовых с точки зрения развития науки стран, в которых использование библиометрии (библиометрики) просто-напросто запрещено в отношении целого ряда точных и естественнонаучных дисциплин и для гуманитарных наук в целом. В частности такой запрет введен в Великобритании, причем не каким-либо ведомственным актом и даже не правительственным решением, а именно актом парламента, то есть на законодательном уровне. В нашей ситуации такой опыт часто игнорируется; при этом применяются устаревшие, а то и запрещенные методики, выдаваемые за последнее

слово в оценке результативности мировой науки. Однако в нашем исследовании (по крайней мере в этой его части) важнее проанализировать глубинные свойства философской и социогуманитарной науки, делающие такие запреты фундаментально обоснованными. Здесь парадоксальным образом аналитическая и административная практика наводит на размышления о специфике гуманитарного, а не наоборот, когда дедукция из фундаментальных посылок дает конкретные, практические выводы.

Одна из наиболее очевидных лакун, делающая использование стандартных библиометрических методик нерелевантным применительно к нашему предмету, связана с тем, что основные используемые в экспертизах базы данных работают со статьями, но не с книгами, в то время как в гуманитарных науках и философии именно книга является основным модулем представления результатов. Далее эта проблема обсуждается в нашей книге более подробно, но здесь важно понять, с чем вообще связано это различие. От понимания этого вопроса зависит и сама интерпретация результата в науках разных типов.

Одним из аргументов, которые приводят для снятия напряжения в этом вопросе, является следующий: неявно подразумевается, что основные результаты книг сначала все равно публикуются в статьях, предваряющих сводный результат. Это позволяет апробировать гипотезы и предварительные выводы, оценить реакцию и при необходимости скорректировать текст или даже саму позицию в книге.

Контрдовод здесь заключается в следующем. Такое двухступенчатое представление результатов, конечно, имеет место, но вовсе необязательно, и если это не учитывать, из анализа выпадут целые издания, выдающиеся результаты, а то и сами авторы, предпочитающие работать в большой форме, а статейный формат считающие сугубо вторичным и служебным.

Далее, можно считать достаточно редким случай, когда книга механически нарезается на главы, предварительно публикуемые в виде статей в рецензируемых и иных журналах. Гораздо чаще, если что-то и печатается в статейном формате, то лишь часть или отдельные выжимки. И тогда возникает вопрос, можно ли в принципе сводить содержание книги как результат к такого рода экстракту или изъятиям?

Статья в естественных и точных науках является концентрированным изложением выводов большой предварительной работы, чаще многолетней. За публикацией может стоять крайне длительный и

сложный эксперимент, который, собственно, и есть та скрытая работа, что обеспечивает публикуемый результат. Этот эксперимент может быть мысленным, когда, скажем, для обоснования вывода приходится перебирать многочисленные варианты и версии, гипотезы и схемы доказательств. Это сути не меняет: работа остается за кадром, презентуется ее итог, и это нормально.

В социальных и гуманитарных науках бывает нечто подобное, но это далеко не самый частый случай и тем более не правило. Чаще сама книга, ее текст в полном объеме как раз и является одновременно и доказательством как «предварительным экспериментом» и, как ни странно, «внедрением результата». В этом смысле пресловутая проблема внедрения должна быть отчасти пересмотрена. То, что, например, в технических науках является продолжением ранее проделанной фундаментальной и прикладной работы, в гуманитарном знании сплошь и рядом входит в состав одного и того же издания, когда сначала эксперимент и эмпирия обобщаются, систематизируются, анализируются и выводят на доказуемые гипотезы и обоснованные выводы концепции, а затем тут же все это рассматривается в сугубо прикладном ключе и излагается в формате, который по аналогии с техническими науками можно было бы защищать патентами и рассматривать как опыт внедрения.

Эти сравнения отнюдь не являются упрощением и чем-то поверхностным. Здесь заложено принципиальное различие. Внедрение в точных, естественных и технических науках осуществляется вне текста. Такое возможно и в социогуманитарном знании, когда так называемые практические выводы и рекомендации получают «утилизацию» в разного рода проектах, программах и реальных действиях, например, общественно-политического или социально-экономического характера. Эта сторона «внедрения» здесь легко учитывается, в частности заполнением граф, в которых указывается, в какие органы власти были направлены те или иные материалы, подготовленные в том числе на основании исследований и разработок, представленных в статьях или книгах. Однако в философской и социогуманитарной работе гораздо важнее тот факт, что реальным и самым что ни на есть практическим внедрением текста является его... чтение. Эти области знания работают с сознанием непосредственно, а если и опосредованно, то тоже через сознание. В точных, естественных и технических науках реализация в итоге должна осуществиться в материале или, как

минимум, в проекте, который, в свою очередь, также предполагает «физическую» реализацию. В философии и гуманитаристике главным и конечным пунктом приложения усилий является изменение сознания (в самом широком смысле этого слова, то есть с учетом всех возможных изменений ментальности, поведенческих стереотипов, автоматических реакций, психологического и эмоционального строя и пр.). В этом смысле «внедренческой площадкой» для философии и социогуманитарной науки является весь объем текста, со всеми его логическими, эстетическими, психологическими и пр. нюансами. Здесь потенциал суггестии и иллюкутивная сила текста часто не менее, а то и более важны, чем чистое рации. Естественно, никакими компактными изложениями результатов большой работы в статейном формате этот потенциал книжного текста не передается.

Важно также учитывать различия в политике цитирования в обычных статьях и в книгах, а также в статьях большого и особо большого формата. В первом случае ссылка на статью означает прежде всего ссылку на полученный результат. Во втором случае не менее, а то и более часто встречаются цитаты, приводящие высказывание, но не интегральную мысль работы в целом и даже не какую-либо ее второстепенную идею. В этом случае ценность цитирования и связанных с ним ссылок с точки зрения оценки результативности резко снижается: понятно, что удельный вес ссылки на концепцию работы или цитаты отдельного суждения весьма различен. Кроме того, такой способ цитирования многократно облегчает целенаправленное взаимное накачивание перекрестными цитатами с целью искусственного повышения показателей цитируемости.

Таким образом, мы оказываемся в парадоксальной, внутренне противоречивой ситуации: с одной стороны, не учитывать книги в философии и гуманитаристике нельзя, а с другой – статистика ссылок и цитирования здесь имеет существенно иной смысл и оценочный потенциал, нежели в стандарте научной статьи в позитивных науках.

Здесь важно также учитывать, что влияние текста на сознание осуществляется необязательно в непосредственном контакте читателя и книги. Помимо непосредственного чтения есть еще расширение влияния текста через множество медиаторов разных ступеней и векторов. Этот факт не только задает новые, дополнительные требования к оценке результативности философских и социогуманитарных исследований, но и подводит к более сложному пониманию процессов

функционирования такого рода текстов в научном и общественном смысловом пространстве.

***5. Особенности жизни философского и гуманитарного текста.
«Расширенное воспроизводство» и «негативная герменевтика»***

В свое время автор данной главы специально рассматривал особенности этих процессов в своем разделе неопубликованной монографии «Бытие сознания», которая готовилась в Институте философии РАН под руководством Б.А. Грушина. Раздел назывался «Функционирование сознания. Процессы расширенного воспроизводства» (наряду с процессами производства, распространения, обмена как «простого воспроизводства» и развития). Речь шла о смысловых мутациях в процессе понимания текста и его дальнейшей ретрансляции. В живой реальности, если уж совсем без абстракций, эти содержания воспроизводятся именно расширенно: люди чего-то не понимают или недопонимают, толкуют чужие слова и тексты по-своему, ретранслируют их в измененном виде и творчески развивают в зависимости от особенностей своей ситуации или от изменений во времени. Строго говоря, в жизни только расширенное воспроизводство и есть, а если даже допустить возможность простого воспроизводства сознания, то это был бы частный, редуцированный, предельный случай или даже просто пустое множество. Как-то трудно допустить абсолютное тождество содержаний хотя бы в двух коммуницирующих сознаниях, хотя бы это и были стопроцентно родные души. Более того, рассматривалась также концепция «негативной герменевтики»: в определенных ситуациях интегративную роль может играть не понимание (как это постулировано феноменологической социологией), а именно моменты непонимания, не осознаваемого изменения смысла. В советской модели эти факторы были особенно значимы, поскольку именно они позволяли консолидировать общество на мутирующих или специально трансформируемых смыслах как в социальном пространстве (между разными социальными группами и массовидными образованиями), так и в историческом, политическом, идеологическом и т.п. времени.

Специфика такого рода процессов состоит в том, что дробление и растаскивание смысла, его видоизменение, на определенных этапах и в определенных ситуациях играет именно интегрирующую роль: текст

трактуют как свой самые разные субъекты-интерпретаторы. Схема интеграции через непонимание в полной мере работала в идеологии советского периода, когда одни и те же канонические тексты идеологии воспринимались по-разному в разных точках социального пространства и по-разному трактовались в разные периоды времени. Но при этом выявление разночтений такого рода всегда было надежно заблокировано. Нетрудно представить себе, какие трещины прошли бы в советском обществе, идеологически интегрированном на этих разночтениях, если бы политическим и социальным субъектам стали прозрачны сознания их контрагентов и они бы увидели, что в действительности эти контрагенты имеют в виду, когда озвучивают те или иные идеологические тексты. У Лессажа хромой бес «вскрывает» крыши ночных домов и показывает студенту ночную жизнь горожан. Этот образ использовался еще в рукописи четвертой главы «Бытия сознания». Если бы можно было, как снятием крыши, вскрыть черепные коробки социальных субъектов советского общества и показать их содержимое всем заинтересованным лицам, они увидели бы, насколько в действительности различно понимаются одни и те же интегративные символы. Например, в партаппарате, в отделе пропаганды, у прогрессивно настроенной интеллигенции и в мозгах пролетариата. Или, например, в разных республиках СССР, в которых идеологические модели могли превращаться во что угодно, осаживаясь на местную традицию, будь то Центральная Россия, Средняя Азия или Прибалтика. Если бы не эти скрытые разночтения, якобы «идеологически единое» общество разорвалось бы, как старый снаряд.

Феноменологическая социология пыталась решить главный вопрос: каким образом общество интегрируется посредством того, что люди каким-то образом все же понимают друг друга. Но выяснилось, что некоторые парадоксальные реалии идеологической работы и жизни показывают, что общество в не меньшей мере может интегрироваться именно через непонимание, через неосознанные мутации смысла, не воспринимаемые как таковые. Исследуя такие ситуации, впору говорить о своего рода негативной герменевтике, которая в равной мере продуктивна и в синхронных, и в диахронных контекстах. Так, марксизм по-разному понимался в разных точках социума и даже соцлагеря, что позволяло ему быть эффективно интегрирующей идеологией. Как только что было показано, он же весьма по-разному понимался в идеологическом отделе ЦК, прогрессивной партийной журнали-

стикой, представителями «философии оттепели» (например, у тех же «диалектических станковистов») и идейно озабоченной творческой интеллигенцией, или, скажем, в рабочей среде, в системе партполитпросвещения. Достаточно разный марксизм исповедывался примерно в одно и то же время в СССР, в Китае и на Кубе или в бунтующей Франции. Но этот же марксизм весьма неоднозначно понимался и на разных этапах жизни советского общества. Можно утверждать, что на протяжении советской истории мы пережили несколько разных марксизмов. За этот период Запад сменил ряд господствовавших философий и политических теорий, переходя от одной доктрины к другой, тогда как СССР все это время упорно перечитывал и переосмысливал одну и ту же философию. Или вчитывал, если воспользоваться термином Мандельштама. Идентичность «лейбла» сохранялась, но начинка активно правилась, что и обуславливало повышенные интегративные возможности идеологии.

Хотя интегративность такого рода может быть поначалу очень эффективной, в конечном счете она так или иначе оказывается весьма неустойчивой. В чем-то это напоминает российский способ ведения коммерческих дел, когда люди быстро и легко сходятся в начале предприятия, не проговорив все до конца и, по сути, сдружившись на недопонимании друг друга — а потом скандально, иногда со стрельбой, расходятся после вынужденного прояснения исходных позиций. В начале 90-х это вообще было явление повальное.

Нечто подобное произошло с марксизмом. Он не сменился в ряду других не менее достойных предшественников и преемников в идейном окормлении общества (как это бывает в спокойно «ротируемых» идеологиях), а именно обрушился: был всем, а стал ничем. Причем во многом незаслуженно — если иметь в виду суть самой философии, а не способ ее трансляции и функционирования в идеологии и политике. Если Делёз и Гваттари могут спокойно выносить термин «капитализм» как концептуальный даже в название книги, то в нашей философской и политологической лексике это слово почти перестало употребляться. Типичная для нашего этикета ситуация: капитализм есть, а слова такого нет.

Все это приводится здесь для иллюстрации и обоснования мысли о том, что философский и гуманитарный текст существует в совершенно ином режиме, нежели в прочих науках, и это нельзя не учитывать при выработке подходов к оценке его «результативности» — начиная с вы-

бора «модуля» (статья в журнале или сборнике, глава в коллективной монографии, книга). В философии и гуманитаристике, по большому счету, содержание вообще неотделимо от формы. Иначе изложенная философская или гуманитарная концепция во многом будет уже другой концепцией. В постмодернистской философии это категорично, радикально и утрировано, например, у Ж. Делёза и Ф. Гваттари в «Ризоме», в «Тысяче плато» прямо говорится о том, что форма такого рода текста в определенном смысле и есть его содержание. Это еще один довод, показывающий, насколько варварской выглядит оценка результативности философских и социогуманитарных исследований без учета именно книжного формата. Более того, дело даже не в локальной ошибке, хотя бы и грубейшей, а именно в полном непонимании специфики предмета, выражающемся в том, что вопрос о такой специфике здесь не ставился, не ставится и даже не имеется в виду.

6. Философия в истории знания. «Ценность изделия» и «модели прогресса»

Как только ставится вопрос о текущей, оперативной оценке философских исследований, тут же автоматически должна возникать и проблема гораздо более общего характера: как оцениваются философские концепции в самой истории философии, можно ли здесь вообще говорить о развитии, прогрессе и т.п., по крайней мере в обычном смысле этих слов? В итоге может оказаться, что постановки такого рода вопросов, обычные для позитивной науки, в данном случае некорректны или вовсе лишены смысла. И тогда надо искать какие-то совершенно иные подходы к оценке интеллектуальной работы в области философии.

В этом плане принципиально важно разобраться в сопоставлении того, что можно было бы условно назвать «моделями прогресса», имеющими место в истории науки, искусства и философии. Для тех, кто понимает, насколько все непросто с использованием самого понятия прогресса применительно к данным видам интеллектуального и художественного творчества, сразу оговоримся, что именно об этом и пойдет речь. Более того, здесь будет учитываться и особо критическое отношение к самой идее прогресса, с которым мы столкнулись в ситуации постмодерна. Но даже если понятие прогресса будет здесь в зна-

чительной мере дезавуировано, это не значит, что анализ истории науки, искусства и философии в этом аспекте не продуктивен. В данном случае отрицательный результат тоже будет результатом — и каким!

Для такого сопоставления надо найти общее понятие, которое могло бы включать в себя одновременно все, что производится в этих видах деятельности. Допустим, в науке это теория, в искусстве — произведение, в философии — концепция. В принципе можно было бы все это считать «произведениями», и это подчеркивало бы, что нас в данном случае интересуют прежде всего формальная оценка и форма процесса, а не конкретные содержания. В этом смысле вполне можно говорить о произведениях не только в художественном, но также и в научном и философском творчестве. Точно так же можно было бы говорить и о произведениях техники. Однако, чтобы снять налет некоторой избыточной пафосности, можно также пользоваться во всех этих случаях и вовсе приземленным, прозаическим термином — «изделия». Это слово сразу вводит возвышенные виды творчества в нормальный обиход, в котором люди так или иначе производят «вещи», даже если это шедевры искусства, научные построения или философские прозрения.

Если для начала взять техническую сферу, то здесь можно увидеть модель линейного прогресса, в котором последующие изделия по целому ряду основных параметров очевидно превосходят предшествующие. Все необходимые оговорки здесь известны, но они не отменяют именно кумулятивного прогрессизма техники. Так, каждый принципиально новый автомобиль разгоняется до 100 км в час за меньшее количество секунд и потребляет при этом меньше топлива. Понятно, что это движение к совершенству ограничено лишь скоростью света и пределом стопроцентного КПД. Еще раз: можно сколько угодно оспаривать линейность этого развития, да и сам факт прогресса (например, исходя из экологических, моральных, физиологических и прочих соображений), однако прогресс собственно технической составляющей здесь все же остается принципом, таким же неоспоримым, как, скажем, наращивание мощности вычислительных машин.

Если ограничиться классической фазой и не заходить на территорию постмодерна, то аналогичный прогресс обнаруживается и в науке, в движении познания. Схема была примерно та же: есть абсолютный умопостигаемый предел познания — сама по себе «объективная реальность» или истина в последней инстанции, к которой можно

приближаться асимптотически, никогда ее не достигая. Пределом формализации этой модели прогресса в истории науки был так называемый принцип соответствия, согласно которому каждая новая парадигма включает в себя предыдущую как частный случай: классическая механика как частный случай общей теории относительности, общая теория относительности как частный случай специальной теории относительности и т.д. Сейчас уже ясно, что все оказалось гораздо сложнее, но для целей нашего рассуждения можно принять этот принцип как основополагающий для понимания модели прогресса в науке.

Можно сказать, что искусство в этом плане устроено прямо противоположным образом: здесь нет прогресса в обычном смысле слова, и каждое новое шедевральное изделие (а только они и представляют искусство в самом строгом смысле слова) ни в коей мере не является усовершенствованием предыдущего — ни в авторской биографии, ни в истории течения, жанра, вида искусства, художественной практики в целом. Если в истории науки мы видим восходящий график, то история искусства — это горизонт, на котором располагаются равновеликие, равноценные «экземпляры совершенства».

В существовании такой практики для человека и человечества есть свой глубинный смысл. Во всем прочем человек может лишь приближаться к идеалу совершенства, но при этом всегда остается непреодолимой дистанция до этого идеала, и ее наличие рождает некоторый комплекс. Тогда возникает особый род деятельности, который в рамках культа формы («целесообразность без цели» и «закономерность без закона» в эстетика Канта) достигает этого нигде более не достижимого совершенства, производя изделия, принципом качества которых является банальное «ни прибавить, ни убавить». Смысл этого художественного перфекционизма по-разному проявляется в разных ракурсах, но он по своему значению универсален и относится даже к науке¹.

В этом смысле философия занимает некоторым образом промежуточное положение между позитивной наукой и искусством, художественным творчеством. Здесь в истории есть одновременно и лестница, и плато, восходящий график и горизонталь. Платон, Кант и Хайдеггер в истории философии, а главное, и в актуальной философии текущего времени соотносятся друг с другом не как Пракситель

---

¹ См.: Рубцов А.В. Художественное произведение как модель «завершенного» познания // Вопросы философии. 1979. № 10. С. 110–121.

с Роденом или Бах с Вагнером, но и не как Ньютон с Эйнштейном. Здесь своя модель «горизонтального прогресса», и это имеет прямое отношение к пресловутой проблеме оценки результативности. Даже если вы оцениваете сопоставимое значение того или иного философствующего автора только на фоне его коллег-современников, вы уже совершаете фатальную ошибку: в потенциале здесь диалог ведется сразу со всей историей философии, с любым автором на выбор, и никогда не известно, что именно из написанного сейчас всплывет завтра в качестве предельно актуализированного, причем не только в профессиональной философии, но и в обычной истории идей. С этим приходится считаться; если же этого не учитывать, вы попадете в положение человека, решившего заняться венчурным бизнесом на минимальном, а лучше вовсе исключенном риске. Идеология аудита результативности пока именно так и выглядит, хотя это вряд ли разумно даже на сугубо бытовом уровне. Например, среди рыболовов популярна следующая мудрость: если вы не отрываете блесен, значит, вы не там ловите.

Если же не ограничиваться классической фазой, но взять также постнеклассическую науку, более или менее новое в художественной практике (например, актуальное, серийное и т.п. искусство) и постмодернистские опыты в философии, идеология прямого рейтингования результативности окажется здесь еще более сомнительной.

На этом фоне такого рода аудиты результативности выглядят применительно к философии и социогуманитарным наукам тем более странными, что капиталоемкость этих исследований исчезающе мала в сравнении с современной наукой, требующей порой гигантских вложений, а потому и нуждающейся в осмысленном выборе приоритетов, стратегических направлений. Формализованный мониторинг результативности в гуманитаристике может оказаться много дороже, чем потенциальная экономия, а то и исследования в целом по крайней мере в проблемной зоне, то есть вне того поля, значение которого очевидно и не обсуждается.

И наконец, проблема радикального изменения моделей прогресса в постсовременную эпоху. Не говоря уже о принципиально важном отказе от идеологии линейного прогрессизма в истории вообще и в истории чего бы то ни было, в том числе философии, искусства и науки, здесь имеет место своего рода конвергенция моделей прогресса, выражающаяся в стирании отличий между ними и в их заметном сбли-

жении. Новейшая наука пересматривает модели линейного прогресса в позитивном познании; художественная практика (например серийное искусство) по-новому выстраивает взаимоотношения и между изделиями, и в их исторической последовательности; философия постмодерна и постмодернизма также существенно иначе вписывает свои произведения в процессы познания и практики, нежели это было в эпохи классики и модерна.

Все это резко меняет и характер отношения между «изделиями», но и сами способы проявления взаимоотношений между авторами и текстами, включая политику ссылок и цитирования. Стандартная библиометрия в этих условиях оказывается дважды нерелевантной.

7. Философия в себе и в публичном пространстве.

Критика очевидностей и воспитание рефлексии

Применительно к философии парадоксальным образом могут быть одинаково справедливы две прямо противоположные позиции.

Философия, с одной стороны, по праву считается одним из самых эзотерических занятий. Философские тексты, как правило, отличает совершенно особый, специальный язык, малопонятный, а то вовсе не понятный людям, философией не занимающимся и специальной подготовки не имеющим. Далее, это особая логика рассуждения, также часто не доступная обывателю (приятель как-то сокрушался по поводу моих текстов: я их иногда не понимаю, даже когда все употребленные в них слова мне знакомы). Наконец, часто не понятен сам смысл этого занятия: зачем эти умственные мучения нужны кому-то, кроме автора, да и ему самому? Практический смысл философии при этом отрицается; более того, именно практическая незаинтересованность воспринимается здесь как признак и залог собственно «философствования», и в этом есть своя правда. Согласно легенде и традиции, именно отрешенность от «суеты сует» открывает путь к мудрости, «истинному знанию», к самой сути этого мира, да и других тоже. Что-то вроде снятия конфликта интересов в самом высоком, радикальном и полном, всеобщем смысле этого слова.

Во всех рассуждениях о науке вообще, о гуманитарном знании и в особенности о философии крайне важно постоянно удерживать в поле зрения этот совершенно особый статус самоценности, более

определенно выраженный только в искусстве. В этом смысле вопрос: зачем нужна философия в его прикладном, утилитарном значении во многом просто некорректен, поскольку адресуется к высшей, предельной форме чистой интеллектуальной активности. В свое время, еще будучи в аспирантуре, я постоянно сталкивался с целой командой физиков того же возраста, требовавших ответа, зачем им как профессионалам в своей области нужна философия. Без каких-либо ссылок они, по сути, воспроизводили классическую позитивистскую формулу «наука сама себе философия». Но даже если оставить пока в стороне вопрос о том, что позитивная наука всегда неявно содержит в себе философские позиции как невысказанные идеологические суждения и постулаты, как незлеминируемые теоретические термины и положения, отчасти срабатывал в таких дискуссиях именно довод о некорректности самой постановки вопроса: с точки зрения познания как такового вопрос формулируется обратным образом — это наука работает на философию, задача которой состоит в построении максимально полной и по возможности «завершенной» картины мира, включающей сознание и познающего субъекта в качестве неотъемлемой и активной составляющей. Сейчас, после всех перипетий неклассики и постмодерна в таких терминах и понятиях уже вообще мало кто рассуждает, но тем не менее аргумент самоценности остается. С таким же успехом можно спрашивать, зачем нужны нефигуративная живопись или, скажем, музыка, если это не марши. И даже если принять, например, что музыка нужна для танцев, тут же встает вопрос о том, зачем нужны сами эти танцы. Без категории самоценности здесь вообще невозможно понять смысла целого ряда наиболее авторитетных и изысканных человеческих занятий. Если этого не понимать, «результативность» танцев придется измерять по приросту мышечной массы и числу состоявшихся знакомств, заключенных браков и вкладу в решение демографической проблемы. Идеология «аудита результативности» на начальной стадии реформы РАН примерно так и выглядела; более того, от рецидивов такого утилитаризма в полной мере не избавились до сих пор.

В качестве эмпирического аргумента можно привести тот факт, что по негласным, но всеобщим оценкам лучшие, самые сильные, изощренные и пронизательные умы в истории человечества принадлежали именно философии. В известном смысле и все по-настоящему великие ученые в какой-то момент становились в своей науке, а то

и вне ее именно философами — или не были великими. Причем они становились философами именно в тот момент, когда они, выходя на предельные обобщения, вдруг вскрывали возможность сомнения в отношении очевидностей — того, что «понятно» всем, разумеется «само собой», а потому не промышливается.

Эту функцию философии как критики очевидностей можно с полным правом генерализировать. Если гигантские слои непромысливаемого «само собой разумеющегося» присутствуют даже в науке, можно представить, какие залежи всего этого филистерского интеллектуального богатства складированы мертвым грузом в обыденном сознании. В том числе в бесчисленных архетипах и штампах сознания, имеющего дело с культурой, политикой, экономикой, социальными отношениями и пр.

В этом смысле философия работает как в отношении конкретных мыслительных клише, так и в качестве деятельности, культивирующей и собственно рефлексии, и интеллектуальную дисциплину как таковую. В таком ракурсе философия оказывается наиболее беспощадной и требовательной к себе разновидностью мышления, познания и самопознания. Даже позитивная наука дает себе известные поблажки, не доходя до предельных оснований, а то и вовсе отказываясь их обсуждать как мешающие решать текущие познавательные, исследовательские задачи. Философия по мере сил дает образцы такой бескомпромиссности и тем самым тренирует в человечестве способность прикладывать максимально концентрированные усилия по выходу за пределы очевидного.

Для России это всегда было особенно актуально: «И позже всего просыпается в русской душе логическая совесть — искренность и ответственность в познании»¹. Г. Флоровский рассматривал эту беду русского катастрофизма предельно широко — как свойство души крайне впечатлительной, а потому не успевающей вернуться к себе. Отсюда удивительная последовательность именно в отречениях и верность интеллектуальными изменам.

Если брать этот вопрос совсем контурно, можно было бы остановиться на той особой роли в деле введения в России регулярной философии, которую сыграл здесь советский марксизм. Безотносительно к содержанию этой доктрины и даже независимо от того факта, что

---

¹ *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж. 1937. С. 501.

внедрилась она большей частью нерелексируемыми штампами, идеологическими клише, важно учитывать и то движение в сторону интеллектуальной дисциплины и критичности, которое имело место и в лучших экземплярах профессиональной философии, и даже в до-революционных рабочих кружках, в которых не просто насаждалось новое клише, но именно снималось клише старое, причем с участием рациональной процедуры, хотя бы и минимизированной. Можно показать, какую поистине историческую роль сыграли рациональный марксизм и само учение об идеологии и революции в деле развенчания... самого марксистско-ленинского учения, а затем и обрушения режима в целом.

В этом плане философия всегда содержит в себе угрозу для власти и политики — даже когда она активно участвует в рациональной легитимации строя. В той точке, в которой философия отделяется от идеологии, она начинает учить человека думать — даже если она учит человека думать «правильно». Чем-то это напоминает классическое образование, в котором изучение мертвых языков, казалось бы, бесполезное, приучало мозги к систематической работе.

Тем не менее власть, как правило, покровительствовала философам, находя легитимацию даже не в философических текстах, а в самом ее присутствии. Можно, конечно, считать, что рациональное обоснование власти гораздо больше работало на консолидацию режимов, нежели зачатки критической мысли — на подогрев фронды. Однако здесь многое значила и сама модель: если эта власть от Бога, значит, она должна быть максимально плотно окружена и изделиями «божественного» качества, и авторами, дар которых тоже имеет божественное происхождение (первоначально талант как дар и был даром именно божьим). В этом смысле философия была атрибутом укорененной, сильной власти вовсе не только «просвещенной». Если же брать только идею силы, то по-настоящему сильная, уверенная в себе власть демонстрирует эту свою железобетонную укорененность всеми возможными способами, вплоть до приближенных шутов, которым позволялась едва ли не любая крамола. И наоборот, страх перед свободной мыслью — верный признак режимов в себе неуверенных, не чувствующих себя в достаточной мере легитимными.

Проблема эффективности и востребованности такого знания является двусторонней: это и способность что-то существенное дать — но и готовность (или неготовность) предложенное взять, а тем более

принять и использовать. Не будучи востребованными, некоторые функции философии если не отмирают, то во всяком случае засыпают.

Если всерьез относиться к задачам модернизации, нетрудно убедиться в том, что в интеллектуальном плане это проблема в первую очередь именно философская. Именно философский взгляд на вещи в полной мере вскрывает тот факт, что задача смены вектора развития с сырьевого на инновационный, по сути, означает преодоление извечной российской ориентации на сырьевой экспорт, начиная с леса, льна, пеньки и воска и заканчивая нашим нынешним слегка модернизированным топливно-энергетическим и нефтегазовым комплексом. Это задача много сложнее построения планового хозяйства или, наоборот, обустройства на его руинах некоего подобия цивилизованного рынка. И именно философия в состоянии в полной мере показать, что эта задача не решается только лишь усилиями в области экономики и технологий, что она также по необходимости затрагивает институты, социальную сферу, политику, идеологию и т.д., вплоть до глубинных архетипов сознания.

Сейчас в обществе ведется на редкость активная полемика по части стратегии и перспектив развития, методов выхода из назревающего тупика и пр. Специальный анализ мог бы показать, сколько во всем этом дискурсе латентной, толком не осмысленной философии, построенной на обрывках знаний и выдернутых цитатах из свежеканонизированных классиков. Профессиональная философия могла бы многое в этом потоке расчистить и сделать более фундированным и осмысленным, однако на это, как уже говорилось, помимо предложения нужен спрос.

8. «Гуманитарный разворот» в публичной активности власти. Реабилитация идеологического

В последнее время публичная активность власти явно смещается в сферу сознания, идеального. На первый план, таким образом, выходит гуманитарная составляющая: принципы, идеи, ценности. Впервые за долгие годы на высшем уровне прямо заговорили об идеологии. Ключевые понятия здесь (как бы к ним ни относиться) — духовные скрепы, идентичность, патриотизм. Можно говорить о своего рода гуманитаризации публичной политики, хотя и безотносительно к каче-

ству этого процесса, его интеллектуальному обеспечению и возможным последствиям.

Особая тема — причины такого разворота, очевидным образом связанные не только или даже не столько с духовными запросами политиков, а тем более общества, сколько с усложнявшейся ситуацией в реальной сфере — в экономике, социальной политике, в продвижении инноваций и объявленной модернизации в целом.

В анализе идеологических процессов есть понятие «прореживание дискурса»: важно, что говорится, но не менее важно, о чем умалчивается, что вдруг исчезает, становясь «идеологически несуществующим».

В текстах власти экономика явно отходит на второй план и дальше. Если и говорят об инвестиционном климате, то уже не про условия деловой активности, а про коррекцию имиджа, производство впечатления. Это важно, поскольку идеальная, психологическая и пр. тому подобные составляющие экономической деятельности долгое время недооценивались. Однако в данном случае часто создается впечатление, что таким образом пытаются не дополнить, а едва ли не заменить реальную экономику, с которой дело обстоит уже не так хорошо, как казалось совсем недавно.

Инновации, высокие технологии и другие идеологические, пропагандистские хиты недавнего времени также отодвинуты на второй план в дискурсе власти и всплывают лишь в дежурных контекстах программного уровня, когда их отсутствие выглядело бы совсем скандальным. Модернизация также стала словом «нон грата». Это очевидно связано с тем, что в данных стратегических направлениях, еще совсем недавно считавшихся приоритетными, не было достигнуто заметных результатов.

Все это имеет самое прямое отношение к философским и социогуманитарным исследованиям в стране. Не будет преувеличением сказать, что в свете таких изменений социогуманитарное знание должно было бы выйти на первый план как в русле общей переориентации, так и с известной долей прагматики: смена курса такого рода нуждается в основательном интеллектуальном обеспечении.

Однако ситуация здесь может оказаться более сложной. Сопровождение нового курса в публичной активности власти вовсе необязательно может опираться именно на социогуманитарное знание и именно в его профессиональной, научной, академической ипостаси.

Часто такого рода идеологические и «концептуальные» заготовки делаются на совсем другом уровне, силами интеллектуальной самодеятельности, результаты которой подчас проще усваиваются и созидателями разного рода документов, и спичрайтерами, и самой публикой. В этом случае интеллектуальный эскорт власти может рассматривать академическую философию и социогуманитарную науку не как источник поддержки, а наоборот, как сильного и нежелательного конкурента. В таких случаях срабатывает главный принцип идеологии: представлять частный интерес как интерес всеобщий. Тогда критика пущенных в дело содержательных заготовок оборачивается не критикой качества обслуживания, а критикой самого клиента. Полемика, направленная на «экспертное» сопровождение, переадресуется самой власти, представители которой, как правило, не являются специалистами в вопросах идеологии и социогуманитарных разработок, а потому вынуждены довериться тем, кто либо и в самом деле в этом разбирается, либо всего лишь удачно представляет себя в качестве эксперта.

Возникает конкурентная коллизия, в которой конкурирующие стороны занимают отнюдь не симметричные позиции. Академическая наука, как правило, отнюдь не рвется напрямую обслуживать власть и ее критика официальных текстов и заготовок для них носит в основном незаинтересованный, беспристрастный характер, не претендующий на оргвыводы. Но с противоположной стороны иногда это воспринимается как угроза и едва ли не как претензия занять место в интеллектуальной свите власти. Отсюда понятное желание поставить на место опасного конкурента, подавить его, а в идеале самим занять позиции в области академического знания, с тем чтобы по-своему использовать этот немалый ресурс.

Особенно уязвимы в этом плане именно философия и социогуманитарные науки, поскольку, в отличие от позитивного, точного и естественнонаучного знания, в этой сфере особенно много понимающих со стороны и претендующих на самостоятельные откровения. При этом фракция власти в состоянии навязать сколь угодно неграмотную оценку результативности профессиональной науки, в том числе методами формализованной наукометрии, статистики публикаций, цитирования и пр., в то время как околোগосударственная самодеятельность в сфере философствования и социогуманитарных изысканий подобной, да и вообще никакой экспертной оценке не подвергается. Здесь можно продавливать идеи, которые не станут публиковать не только

ваковские, рецензируемые и т.п. журналы, но и вообще любые сколько-нибудь уважающие себя издания. В результате в официальных и программных текстах руководства периодически появляются откровенные ляпы, а то и странные сентенции с далеко идущими последствиями.

Описанному выше гуманитарному развороту способствует и переориентация официальной идеологии во времени и даже в самой онтологии мировосприятия.

Теперь место светлого будущего занимает выдающееся прошлое, место инноваций — традиция. Там, где прочили движение, хвалят устои. Это сказывается и на «метафизике» официальной идеологии.

Прагматика чаще толкает человека вперед, поэтому идею прогресса можно строить на материализме. Развернуть человека вспять может скорее нечто идеальное. Прогресс эмпиричен и приземлен, его составляющие можно пощупать руками и инструментом. Ценности прошлого обычно все в сфере высокого, возвышенного, заоблачного — святого. И даже когда России прочат нравственную миссию именно в новом, будущем мире, ничего свежего изобрести не выходит и остается рекламировать свои тонкие духовные ноты на фоне Запада, который опять разлагается — как в лучшие времена, когда этими миазмами у нас затягивались через железный занавес.

Таким образом, сдвиг интереса к идеальной составляющей автоматически повышает интерес к идеологии, а с ней и к философской и социогуманитарной составляющей знания.

В связи с этим нынешний всплеск идеологической активности интересно наблюдать в глубоком историческом разрезе. Если начать с советского периода, то здесь видны «качели», бросающие страну из материализма в идеализм через паузу деидеологизации, а также раскачивающие ее между культом идеологии, идеологической идиосинক্রазией 90-х и новым увлечением идейными играми.

В СССР был диалектический материализм, но особого свойства. В вопиющем противоречии с передовой научной теорией в реальности здесь доминировала идеология, тогда как экономика, да и материальная жизнь в целом находилась в служебном положении. В 90-е и в начале 00-х не было ничего (точнее было все, что угодно, а с точки зрения идеологии государства это практически ноль). Теперь в жизни доминируют сугубая прагматика и голый меркантилизм — но государство порой напоминает идеалиста, верящего в то, что хорошие слова

отвратят людей от нехороших дел, когда жизнь ни к чему хорошему не располагает.

В СССР секретарь по идеологии был вторым человеком в государстве. В любой практической развилке выбирали самый непрактичный вариант, если это был вопрос «политический» (то есть идеологический). Всеобщий аскетизм в такой конструкции — замковый камень. Стоит свернуть с правильного пути на дорожку «растущих потребностей», как идейное меркнет как таковое. Поэтому к концу 80-х идеологию открыто высмеивали, а пауза 90-х оказалась закономерной и выстраданной. До сих пор у средневзвешенного российского интеллигента при слове «идеология» рука сама тянется к тяжелым предметам.

Надо правильно оценивать эту инерцию. В наших условиях потреблять и верить — две вещи несовместные. Это в Штатах вполне себе меркантильная «американская мечта» не противоречит патриотизму, устоям морали, духовности и религии. Но главное, ей не противоречат реалии жизни и политика государства. Все, начиная с президентского послания и заканчивая стилем низового администрирования, насквозь идеологично, как и продукция Голливуда, но и вписано в реальные отношения. Поэтому даже там, где есть проблемы с короткой историей и юной культурой, они затягиваются «дымом Отечества».

Теперь достаточно отзеркалить это на нашу реальность, чтобы понять всю глубину различий. Духовные скрепы не надстраиваются над разделяющим людей богатством. Здесь разбудили консьюмеризм, усиленный вынужденной аскезой всей советской истории, — а теперь думают, будто кого-то можно увлечь идеями, явно противоречащими тому, что видно наверху пока еще не вооруженным глазом.

Вообще говоря, деидеологизация это миф (точно как в «Рудине» — как можно быть «совершенно убежденным»... в отсутствии у себя «каких-либо убеждений»?). В этом смысле запрет на госмонополию в идеологии — сам по себе ход вполне идеологический. И плохо как раз то, что идейный смысл этого запрета не разъяснен и не усвоен. Отсюда вся эта самодеятельность при власти, в которую бросается любой обученный набирать буквы и слова, а лучше сразу чужие куски. Высшие лица государства будут удивлены, узнав, откуда их советники тянут сентенции про идеологию и сколько раз уже дезавуирована идея про миссию и полномочия администрации как распорядителя госзаказа в культуре, искусстве, гуманитарной науке и пр.

Это место пусто не бывает: либо общество имеет идеологию — либо идеология имеет общество как внушаемую массу. Но именно общество, а не администрация. Как и с госзаказом, который финансирует не «государство», а налогоплательщик. Если функционер не понимает этой разницы и не знает, как общество должно контролировать средства, идущие на «идейную продукцию», значит ему лучше сменить сферу приложения усилий, творческих и управленческих.

Далее надо понимать, что идеология это не только система идей, но и система институтов. По нашей Конституции их быть не может. Поэтому до сих пор проблему пытались решить «теневой идеологией», контрабандой. Теперь, когда людей не всегда устраивает то, что власть делает руками, возникает желание отличиться умом, душой и сердцем, причем заранее и открыто присвоив себе эту миссию, роль и должность. Но без «машины идей» это дело обреченное (как Сулов без Идеологического отдела ЦК), а заново ее создать — и вовсе утопия. Остается выходить на «идеологический рынок», а это уже совсем другие навыки и компетенции.

В СССР идеология жила до тех пор, пока в марксизм могли верить и лучшие люди. И она кончилась, как только ее стали сочинять по схеме «лишь бы нравилось самим». В нынешних опытах тоже слишком много от юношеского самоудовлетворения — и это обнадеживает.

Однако в последнее время сводки с идеологического фронта все тревожнее. Сначала власть резко повело от стабильности и инноваций к духовным скрепам, идентичности, патриотизму — теперь вузы пугают «ответственными за идеологическую работу», а общество в целом — идеей отмены запрета на огосударствление идеологии.

Здесь проявляется скрытая результативность философских и социогуманитарных исследований. Утверждая, что конституция уже есть идеология, негласно, без ссылок расковычивают знакомые тексты о мифах и тщете деидеологизации, имеющие место в научных, в том числе академических разработках. Да, идеологию полностью не извести даже логически. Элиминировать идеологию до чистого языка описания не вышло даже в науке. Кроме того, как уже отмечалось, помимо привычной для нас явной (артикулированной и эксплицитной), есть еще идеология латентная и теневая, растворенная в текстах «не идеологических». Жданов хвастал, что ему хватит задачника по арифметике. Наше ТВ идеологично насквозь и вне прямой дидактики: достаточно реконструировать скрытые смыслы.

Однако все это требует не отмены данной статьи, а наоборот, ее «распаковки» — аутентичного комментария с оргвыводами и запретом на штатную идеологическую работу как на занятие незаконное, да и зряшное (идейно окормлять страну в приступах аппаратной самодельности в первую очередь кидаются служащие с претензиями).

Далее важно учитывать, что идеология — это духовная фракция власти. В монархиях, теократиях, идеократиях и пр. идейный монополизм прямо вытекает из монополии на политику. Остальное либо маргинально, либо запрещено. Если же государство учреждено запретом на «власть власти» («Мы, народ...»), то и государственной идеологии нет по определению. Здесь конкуренция идей — такой же конституирующий принцип, как в политике и экономике: превращение частной идеологии в государственную равно узурпации силы или злостному нарушению антимонопольного законодательства.

Таким образом, идеологическое есть в конституции, но только на уровне метаязыка, в идеологических высказываниях об идеологии (суждение о суждениях). Идеология свободы исчерпывается правилами игры — запретом на приватизацию идеологического. Советы править статью про идеологию не лучше захода на третий президентский срок (от чего разумно отказались).

Замена рынка идей их централизованным распределением — аналог плановой экономики... и тот же тупик. Почему в качестве официальной должна быть принята эта конструкция, а не другая? И кто это решает? Идейный диктат зависает вне поля легитимности, как и проект власти единоличной и квазидинастической (с назначением преемников). Под это не подвести ни трансцендентное помазание, ни харизму. Выбирать и менять власть приходится, ибо остальное здесь возможно только обманом и силой, а это всегда ненадолго. То же с идеями: если они не от бога или «истины», остается их свободный обмен и выбор.

Что такое «государство идеологии», мы помним — оно было еще при жизни нынешних поколений. И все помнят, как и чем оно кончилось. У нового государства шансов держаться на скрепах идеологии на порядок меньше, чем у того, старого.

Все это проливает новый свет на живую практику фактической (а не декларативной) оценки результативности философских и социогуманитарных разработок. С одной стороны, результаты этих разработок, кстати, неоднократно опубликованные, непринужденно заимствуют-

ся и присваиваются едва ли не как собственные откровения. С другой стороны, эти результаты нередко присваиваются и используются в искаженном виде, иногда просто с противоположными выводами (как это происходит с оценкой перспектив деидеологизации). Результаты такого присвоения рано или поздно оказываются плачевными. Но проблема в том, что эта деятельность не подвержена встречной оценке качества и результативности. Если в системе власти используются те или иные разработки научного сообщества, то было бы логично, чтобы и само научное сообщество имело доступ к результатам практической утилизации его разработок, а также могло бы компетентно влиять на такого рода утилизацию. Авиационному отряду, обслуживающему «борт-1», никогда не придет в голову самому вносить изменения в конструкцию аппарата, разработанного профессиональными инженерами и конструкторами. К сожалению в философии и социогуманитарной сфере такое возможно и даже распространено.

9. Наука и власть: зеркальная самооценка

Новейшее веяние последнего времени – регулярный, систематический и формализованный аудит оценки результативности исследований, научной деятельности в целом (включая не только исследовательские аспекты, но также организационные, хозяйственные и пр.). Качество такого аудита – отдельный разговор. Сейчас уже достаточно свидетельств о том, что эта работа проводится с серьезными методологическими и методическими изъянами, в том числе в ее информационном обеспечении, в фактографии. Так, серьезные претензии были предъявлены к первоначальному варианту проекта так называемой «Карты науки», созданной при посредничестве Министерства образования и науки. Обнаружены большие несоответствия между реальными данными (идущими от самих исследовательских организаций) и тем, что внесено в «Карту». Это относится не только к численным показателям, включая индексы цитирования, но и к таким элементарным позициям, как исследовательский профиль институтов (например, ФИАНу оказались приписаны «овощеводство и огородничество», «педиатрия и гинекология» и пр.).

В этой связи возникает сложная, а местами и достаточно острая коллизия: научные организации и коллективы по роду своей деятель-

ности имеют дело с разного рода систематизацией, сбором и обработкой информации, методиками анализа. Поэтому когда науку начинает исследовать та или иная внешняя структура, такая, например, как «Прайсвотерхаус Куперс Раша», естественно возникает потребность проанализировать эти материалы с точки зрения их качества, методологической и методической фундированности. Здесь сходятся одновременно и научная добросовестность, и привычка к точности и достоверности, и понятная ревность, и, главное, живая практическая заинтересованность науки: на основании этих исследований оценивается работа институтов, делаются вполне конкретные управленческие, организационные, а то и политические выводы.

Пока такие встречные оценки носят характер скорее публицистический, в том числе когда некоторые результаты начатого аудита ученые называют откровенной «халтурой». Однако можно ожидать, что по мере появления такого рода результатов их встречный анализ будет становиться все более систематическим. Очевидно, что он не будет систематическим полностью: в этом случае ученым пришлось бы на общественных началах, в порядке личной инициативы, задаром проделать ту работу, которую нанятые государством структуры проделали за весьма большие деньги. Однако он будет достаточно систематическим, чтобы дезавуировать результаты такого рода работы в тех аспектах, в которых они заслуживают критики.

Далее мы упрямся в старую коллизию: существует ли готовность власти реагировать на такого рода авторитетную экспертизу — или же ее проигнорируют, как это уже не раз бывало в реформах академической науки?

Вообще говоря, судя по предыдущим этапам, можно ожидать прежней реакции, сводящейся к ее отсутствию. Любые аргументы, даже самые убедительные и неоспоримые, уходят в песок так, будто их не было вовсе. Однако здесь складывается несколько иная ситуация. Одно дело политические, управленческие и организационные решения в момент столкновения интересов и фатального дефицита времени на разбирательство, другое — когда со стороны власти поступают не проекты решений, а информационно-аналитические материалы, подготовка которых осуществлялась по инициативе госорганов и за счет средств федерального бюджета. В какой-то момент дискуссия рискует перейти из методической плоскости в правовую. В высших эшелонах власти уже возникли серьезные напряжения, связанные с

вдруг обнаруженной неготовностью соответствующих инстанций осуществить оперативную реализацию той практической составляющей реформы академической науки, которую продавливали с такой скоростью, с таким напором и с такой беспрецедентной эксплуатацией политической воли. Результатом этих напряжений в значительной мере и явился объявленный президентом годовой мораторий на принятие организационных и экономических решений в отношении таким образом реформируемой науки. Теперь может выясниться, что заделы, которые можно было бы использовать впоследствии в этих целях, также далеко не в полной мере адекватны ситуации и вполне могут подпасть под резкую критику компетентного экспертного сообщества.

«Карта науки» и ее аудит в целом подводят и к более общим выводам. Взаимоотношения власти и общества — в тех или иных его сегментах и проявлениях — не могут быть односторонними. Даже в текущей политике при всем желании не получается организовать одностороннее движение, в котором власть транслирует свою волю, а общество все это пассивно принимает. Тем более такое невозможно во взаимоотношениях с наукой.

Важную роль здесь сыграли в том числе переговорные процессы (если их можно назвать такими) в ходе проведения реформы науки на стадии прохождения соответствующего законопроекта. Тогда в научном сообществе были две конкурирующие позиции: добиваться компромисса — или же идти на обострение и занимать радикальную позицию в отношении планов и действий, представляющихся неприемлемыми. События развивались в два этапа. На первом этапе казалось, что первая позиция более оправданна, поскольку появлялись обнадеживающие договоренности. Далее, по мере того как эти договоренности нарушались, большее внимание привлекала позиция тех, кто предупреждал о безнадежности тактики компромиссов и предлагал более жесткое противодействие планам кавалерийского реформирования отечественной науки.

После принятия закона ситуация радикально меняется и еще в одном крайне важном отношении. В процессе прохождения закона в переговорный процесс в итоге оказался вовлечен и сам президент, и его положение здесь трудно было признать особенно комфортным. Соответственно, противодействие реформе воспринималось как противодействие высшим политическим инстанциям и «генеральной линии». В ходе реализации реформы горизонт противодействия сме-

щается вниз, в плоскость взаимоотношений академических и прочих институтов, с одной стороны, и управленческих инстанций — с другой. Это и Минобрнауки, и ФАНО, и дочерние структуры, которые будут в этом процессе задействованы. Поэтому эти структуры власти должны быть готовыми к встречной оценке своих действий, начиная с их информационно-аналитического сопровождения и заканчивая реализацией оргвыводов. Можно легко игнорировать критику проектов политических решений, но трудно игнорировать обструкцию всей той информационно-аналитической инфраструктуры, которая эту политику призвана обеспечивать. Ситуация резко упрощается и приближается к конфликту работника и работодателя, возникающего вследствие того, что работодатель недоплачивает работнику, неверно зафиксировав рабочее время и объем проделанной работы. Это уже коллизия, к которой может привести в том числе и использование неадекватных методов оценки результативности исследований. Ситуация непростая, даже с учетом некоторых особенностей нашей судебной системы.

Эта коллизия может иметь и более общее продолжение. С точки зрения общества и государства есть прямая заинтересованность в оценке результативности деятельности и самой власти, ее конкретных институтов и подразделений. В принципе к этому подходили в начале «нулевых» годов, когда готовилась административная реформа. В том числе речь шла и о формализованных оценках такой деятельности.

Естественно, идеология и методики такой оценки имеют (должны иметь) научное происхождение: они не высасываются из пальца, но базируются на данных и разработках наук об управлении, об экспертных оценках, о формализации данных и т.п.

Тогда, в ходе реализации первого этапа административной реформы, особенно далеко продвинуться не удалось, хотя в расчистке «вопросов» и «функций», содержащихся в соответствующих правоустанавливающих документах, было сделано немало, что нашло свое отражение в новой системе.

Сейчас, в ситуации явного осложнения экономического положения и, мягко говоря, неясности перспектив экономического роста, логично выглядит и экономия расходов на государственный аппарат. Помимо собственно экономической составляющей эта проблема имеет еще и политическую подоплеку: трудно экономить на социальных расходах, наращивая или даже хотя бы не сокращая расходов на

бюрократию. Все это может иметь вполне определенные электоральные последствия, а потому нуждается в самом серьезном к себе отношении.

В этом плане особенно эффективными представляются партнерские взаимоотношения науки и государства, причем участие науки в подготовке и реализации стратегии дебиюрократизации было и с точки зрения самой власти актом очевидно эффективного внедрения результатов научной деятельности, причем как фундаментального, так и прикладного характера.

В качестве первого, пилотного акта такого взаимодействия самым очевидным образом напрашивается взаимодействие академической среды, с одной стороны, и системы управления наукой – с другой. Исследование и анализ эффективности работы Минобрнауки, ФАНО и пр. могли бы стать идеальным полигоном для отработки такого рода методик. Хотя бы потому, что при всех различиях исследования и управления в этих видах деятельности есть много общего, в том числе и в оценке результативности.

Кроме того, здесь может сработать и еще одна функция оценки результативности, обсуждавшаяся выше: функция дисциплинарной техники и воспитательной меры. Если такие техники и меры и должны иметь место, то они очевидным образом должны быть встречными и взаимными, особенно в деле управления такими тонкими, интеллектуально обеспеченными и аналитически энерговооруженными машинами, как наука.

Есть здесь и важный этический момент. Известная максима: поступай с другими так, как ты хочешь, чтобы они поступали с тобой. В этом плане было бы полезно, чтобы методики, обращаемые управляющими инстанциями на оценку результативности науки, коррелировались бы с методиками оценки результативности самих органов власти и управления.

Нисколько не недооценивая известной утопичности такого проекта, считаем все же полезным, чтобы такие инициативы настойчиво предлагались и реализовывались по мере сил самим научным сообществом. В конце концов, даже противодействие идеям и инициативной практике такого сотрудничества науки и власти может оказаться значимым политически, для выстраивания отношений и для апелляций к вышестоящим инстанциям.

10. Государство или общество: проблема госзаказа

Есть мнение, что наукой и культурой у нас давно не руководили, где-то с советских времен — и вот вдруг занялись, резко и вплотную. Не совсем так. Вожжи вполне не отпускали даже во времена разгула отъявленного либерализма. Разница лишь в том, что теперь, после слегка освежающей паузы, в это дело бросились, во-первых, как никогда активно, а во-вторых, с разного рода обоснованиями права руководить там, где сами руководящие лица авторитетами не являются. Суть позиции в том, что распределение ресурсов якобы автоматически возводит обычного чиновника в ранг политического эмиссара и даже идеолога. Все это чревато причинением вреда далеко не средней тяжести науке и обществу, а в итоге и самому государству: рано или поздно такая самодеятельность дискредитирует власть и лишней раз сорсит ее с интеллектуальной и творческой элитой.

Чтобы понять, где и в чем мы оказались, надо быстро оглянуться. Тем более, что ресурсоемкая наука и в светлом прошлом финансировалось властью.

Так, абсолютизм уже по своей метафизической природе должен был окружать себя людьми высшей интеллектуальной, творческой пробы, украшать правление открытиями и шедеврами. Даже темные, солдафонские времена оставляли после себя памятники творчества и знания. Помимо манифестации величия, не говоря об удовольствии для людей с мозгами и вкусом, в этом было подтверждение трансцендентальной легитимности: помазанника должны окружать «божественные» вещи — а значит, и люди, способности которых тоже не от мира сего. Дар философа и ученого в этом эскорте был особо ценен.

Демократии эти метафизические украшения не нужны, пародиям на нее — тем более. Наука и искусство разбежались из коридоров власти, освободив их для людей разной культуры. Адреса покровителей сменились, однако бизнес и фонды могут перехватывать меценатство, только если власть сама не заигрывает втихую с «богоданностью» и смиряется со своим бытовым предназначением. Тогда частная благотворительность поощряется самим же государством, которое служит скорее техническим распорядителем, нежели покровителем наук и искусств, и уж точно не покушается на автономию, не вмешивается в кадровую политику творческих сообществ, в куль-

турные стратегии и т.п. Надо понимать, что, списывая дары меценатства с налогооблагаемой базы, власть и с себя списывает миссию высокого покровительства, не говоря о прямом руководстве. А это не всем нравится. Списывать с базы — то же самое, что напрямую отдать деньги, а с ними кран и сам руль. И это не просто приватная фанатерия: здесь отрабатывается самоощущение легитимности системы — политика!

У нас в этом плане некоторый микст. Пытаясь нащупать дополнительную легитимацию помимо формальной процедуры переизбрания, начальство гипнотизирует себя иллюзией всевластия. В проклятом прошлом суверен всемогущ, потому что легитимен. Но произвол может становиться свидетельством и знаком легитимности де факто. Обычный распорядительный шаблон французского суверена: «Нам так угодно». Доказательством «права править» оказывается способность подавлять любые права, кроме своих, а свои — ничем не ограничивать. Когда схлопывается харизма, люди часто начинают с нарастающим усердием вести себя так, будто она есть и ее много — бог еще не умер, а нам уже все дозволено. «От псевдохаризматической легитимности к квазитрансцендентной» — примерно так это можно было бы описать в логике Макса Вебера.

Все непросто. Научная политика (политика в сфере науки) нужна, но если кто-то думает, что она хоть в чем-то похожа на директиву, это заблуждение, тем более опасное, что оно имеет системный характер. Точно так же у нас и промышленную политику по госплановской привычке тут же сводят к прямым указаниям, кому, где, что и как производить.

Безупречная в своем роде цепочка: наука это услуга, платит государство, государство (здесь) это я, значит, услуга мне — сообразно моему пониманию политического момента, практической задачи и морального контекста. Эта цепочка кажется настолько убедительной, что ее даже открыто проговаривают. Но это только граждане имеют право на все, что не запрещено законом. Чиновник имеет право делать только то, что ему законом прямо предписано. Все остальное — административное или даже политическое самоуправство.

Иногда приходится напоминать, что наука уже давно самостоятельна и самоценна, что деньги государства это деньги людей, а не министерств и ведомств, что не наука оказывает чиновнику услугу, а чиновник оказывает услугу науке в роли нанятого приказчика. Как

без личной и лишней самодеятельности организовать получение этого заказа от научного общества — отдельный вопрос, но если аппарат этого не знает, его надо срочно менять. Важно также избегать симуляций: эшелонировать схему карманными общественными советами не проблема, но что такое не карманный совет на деле, тоже известно.

11. Оценка результативности отечественной науки в свете реформы РАН. Репутационные издержки и политические последствия

Начало форсированного реформирования академической науки поначалу вызвало в обществе (и отнюдь не только в научном) противостояние, близкое к кризису. Надо понимать, что дело было уже не только в конфликте Академии и подразделений исполнительной власти. В таких случаях избыточно поляризуется социальное пространство; активизируются задремавшие было политические силы; разные взгляды на процесс и результат обнаруживаются и в самой власти, в том числе в ее исполнительной ветви. Главное при этом понимать, что все это уже не вопрос быстрого продавливания законопроектов, а также принятия пакетов подзаконных актов. Сам этот проект, все его социальные, политические и гуманитарные последствия — все это всерьез и надолго. При этом важнейшей составляющей проекта становится аудит эффективности отечественной науки, ее отраслей, институтов и ученых, прямо связанный с оценкой результативности научных исследований, в том числе в сфере философии и социогуманитарного знания.

Проблема «учебника истории»

Один из недостатков нашей текущей политики — зауженный горизонт планирования, прогнозирования последствий, а главное — оценки достигнутого и содеянного. Понятно, что во власти это волнует далеко не всех, но с определенного уровня и статуса начинаются проблемы не только с сиюминутной репутацией, но и с «работой на историю», на репутацию не только в настоящем, но и в будущем. У нас наверху (особенно в последнее время) об этом явно начинают задумываться; есть даже подозрение, что идея единого и непротиворечиво толкуемого учебника истории не вполне чужда этой заботе. Однако

при этом не сразу приходит полное понимание того, что будущее, в отличие от настоящего, пиаром не пробьешь и прореживанием дискурса не исправишь. Его историю (в том числе историю переоценки и реинтерпретации предшественников) пишут, увы, другие, и делают они это часто куда менее ангажированно.

Может показаться, что для разговора о нынешней реформе академической науки в России это начало разговора слишком издалека. Но с другой точки зрения, может быть, именно с этого в данном случае и надо начинать. А именно с того, что от всех этих инициатив и конкретных действий в итоге (в истории) останется. И на ком все в результате (а не в эти месяцы) повиснет. Королёв говорил: «Сделаешь быстро, но плохо – ”быстро” забудется, ”плохо” останется. Сделаешь медленно, но хорошо – ”медленно” забудется, а ”хорошо” останется».

К тому же бывают проблемы и ситуации, когда «быстро» и «хорошо» в принципе несовместимы. Наш случай отсюда.

Можно спорить о том, какие политэкономические и стратегические последствия будет иметь провал неподготовленного начинания, если оно стартует по наполеоновскому принципу «сначала ввязаться в драку, а там...» (хотя в нашем случае более уместной выглядит русская поговорка «убийство драке не помеха»). Но в истории часто остается даже не столько содержание события, сколько его форма, не столько результат, сколько процедура, способ действия и реализации. Не «что», а именно «как». Часто именно форма действия более всего говорит о человеке, в том числе об историческом деятеле – о его морали, уме, политическом таланте... или недостатках.

С этой точки зрения, сейчас, может быть, гораздо важнее оказываются даже не суть и детали законопроекта, всего пакета и плана реализации, а именно процедура, характер действий и отношений, этика и стиль, политическая манера, наконец, просто эстетика деяния.

По идее, это же должно быть предметом приоритетного обсуждения и коррекции, если мы хотим свести к минимуму негативные последствия такого бурного начала. Особенно с учетом того, что форма взаимодействия, принятия решений и их воплощения будет потом годами аукаться с каждой новой акцией в отношении структур, направлений, институтов, их подразделений и даже отдельных лиц, имеющих (или вдруг приобретающих) неординарный вес.

Автономия во сне и наяву

Если всмотреться в проект и в реакцию на него, окажется, что за вычетом легко снимаемых «экстремизмов» в духе «ликвидации» и т.п. главные претензии предъявляются идее передачи управления научными институтами от академии к специальному органу исполнительной власти. Можно опустить вопрос о том, могут ли чиновники лучше самих ученых руководить исследованиями – определением приоритетов, оценкой результатов и пр. Но на это, по крайней мере на словах, никто, казалось бы, и не претендует. Речь постоянно идет о желании освободить ученых от несвойственной им функции управления имуществом, ни в коей мере не посягая на академическую автономию, то есть на то, что даже в «мрачном средневековье» в более или менее цивилизованном мире уважительно именовалось университетскими свободами.

В наших условиях, когда мы имеем дело с проблемой избыточного регулирования буквально во всех сферах деятельности, причем отнюдь не только в предпринимательской, можно быть уверенными, что административное вмешательство в исследовательский процесс гарантировано, как только такая возможность появляется, причем совершенно неважно, является такая возможность прямой или косвенной. Мотивы здесь не обсуждаются, поскольку и так понятны и, как правило, к предмету деятельности отношения не имеют. При этом понятно, что в случае, если недвижимостью, движимостью и прочими ресурсами какого-либо института или группы институтов управляет некая сугубо внешняя инстанция, о реальной автономии говорить уже проблематично. В итоге есть риск получить классический, причем искусственно созданный дополнительный административный барьер.

Наука и общество: постнеклассические отношения

Приходится констатировать, что наша наука в известном смысле проспала постнеклассическую революцию, когда научное знание оказалось перед лицом необходимости объяснять человечеству, что ученые делают, зачем это нужно, какие от всего этого могут быть последствия, причем в равной мере как позитивные приобретения, так и риски, возможно, даже фатальные.

Мы в этом не одиноки. Уже примерно полтора десятка лет назад перед подобной (и совершенно практической) проблемой оказался,

например, ЦЕРН, вдруг ощутивший живую потребность начать как-то объясняться с внешним миром, какой ему толк от всей этой ядерной физики и ловли неуловимых частиц, если эта мировая складчина обходится не менее миллиарда долларов в год. Тогда анализ, проведенный в том числе с помощью наших специалистов в области «философского пиара», показал, что даже на совершенно утилитарном уровне у этих, казалось бы, сугубо фундаментальных исследований есть огромное множество побочных достижений, в буквальном смысле слова изменивших мир, например, все та же WWW – World Wide Web, разработанная Робертом Кайо, поначалу в целях оптимизации принятия решений и электронного документооборота. Иными словами, проблема не в результатах, а в том, что о них не знают, если этим специально не заниматься.

Это проблема фундаментальная, можно сказать, историческая и кавалерийской атакой не решается. Если кто-то думает, что реальную результативность нашей науки, тем более не в целом, не интегральную, а с дифференциацией по отраслям знания, по научным организациям и даже отдельным ученым можно выявить, заказав непрофильной иностранной фирме соответствующее разовое исследование, а потом проведя своими же силами скоропалительный «аудит», это само по себе является свидетельством вопиющей некомпетентности, усугубленной нежеланием учиться. ЦЕРН выскребался из этой коллизии не один год, с провалами и не до конца. Что можно говорить о нашей науке, у которой даже близко не хватает ресурсов на исследования, а на экспликацию и презентацию собственной результативности не было и нет вообще ни копейки (если, конечно, не считать такие недавние начинания, как РИНЦ).

Далее выяснится, что в плане реальной результативности, ее выявления и оценки, есть фундаментальные различия между точным и естественнонаучным знанием, с одной стороны, и социогуманитарными науками – с другой. Никто еще не отменял максимы Клода Леви-Стросса: «XXI век будет веком гуманитарных наук – или его не будет вовсе». При этом в социогуманитарных науках сплошь и рядом самое результативное (даже в сугубо конъюнктурном смысле этого слова) вообще не ловится международными базами данных и индексами цитирования, поскольку привязано к месту, к ситуации и т.п. Если эти различия не учитываются, если эта проблема даже толком не ставится, уровень подготовки любого «аудита результативности»

можно без оговорок считать неудовлетворительным и отправлять на пересдачу, лучше сразу с другими учениками.

И наконец, совершенно особая тема — сверхутилитарная «результативность» науки, познавательной деятельности в целом. В науке есть своя прагматика, причем по косвенным признакам и итогам выявляемая даже в фундаментальных исследованиях. Однако человеку и человечеству по определению генетически свойственно узнавать и знать, причем совершенно безотносительно к голой или «приодетой» прагматике. Если это в нации есть, такие направления пестуют и культивируют даже самые малые страны. Тем более это относится к России, в прошлом которой однажды было почти уникальное в истории человечества явление — полный научный комплекс. Даже если в каких-то направлениях остались почти руины этого великого сооружения, к ним надо относиться так же бережно и культурно, как мы относимся к памятникам архитектуры и археологическим открытиям. Это долго объяснять, но есть люди, которым вовсе не объяснишь, почему историческое здание, а тем более памятник архитектуры порой нельзя переоборудовать в стиле модерн (тем более постсоветский) и устроить в храме мысли интеллектуальный фастфуд, хотя бы и неплохо саморекламируемый и даже доходный.

Есть и более простые соображения, ставящие на место сторонников заполощных реформ. Формализованная оценка результативности, казалось бы, дает основания избавиться от балласта. Иногда это срабатывает. Но сплошь и рядом все упирается в непонимание того, что наука это сложный организм, к тому же требующий для своей репродукции определенной среды, состоящей отнюдь не из гениев и их прямых подручных. К тому же вы отсечете огромную зону нераскрытого потенциала, в которой вообще нельзя заранее сказать, что именно сработает и вдруг неожиданно развернет весь процесс.

Нынешняя наука в России — сложнейшее образование, причем не только исследовательское, но и социальное. Представьте себе венчурный бизнес с элементами собеса, по-человечески просто обязанного содержать множество людей, отдавших науке и стране всю жизнь, проработавших за копейки без сна и отдыха и не получивших в свое время за это даже малой доли той компенсации, которую имели и имеют в других странах вполне себе рядовые научные сотрудники.

Возможно, сейчас в нашей истории такое время, что хотя бы на несколько лет вообще лучше воздержаться от каких-либо рево-

люционных изменений. Иначе можно легко совершить еще один «подвиг» сродни обесцениванию вкладов и нарваться на протест, в сравнении с которым недовольство монетизацией льгот покажется мелочью, а «заливать деньгами» эту беду придется уже политическому руководству.

Подорвать будущее нашей науки сейчас еще проще, но тогда во власти нужно куда больше людей, которых это вообще волнует, понимающих, что для такой страны, как Россия, наука это не приятный аксессуар, но атрибут государственности и самосознания.

А.А. Гусейнов

А.В. Рубцов

ГЛАВА 2.

МОЖЕТ ЛИ ФИЛОСОФИЯ БЫТЬ НЕАКТУАЛЬНОЙ?

Вопрос об актуальности в философии не является в наше время праздным или отвлеченным. Наоборот, у этой «актуальности актуального» есть целый ряд оснований: от сугубо ситуативных до самых фундаментальных, связанных с осмыслением самой природы философской деятельности.

На первый взгляд, достаточно очевидно, что философские исследования могут быть непосредственно втянуты в реальные процессы, но могут быть и вполне отвлеченными. Однако при ближайшем рассмотрении все здесь далеко не так просто.

Проще всего было бы сослаться на некоторые новейшие тенденции в управленческой практике, связанные с попытками эффективного администрирования исследовательского процесса за счет максимальной формализации оценки его результативности. Здесь есть известные возможности, перспективы, но и становящиеся все более очевидными риски, связанные с опасностью недооценки глубинной специфики разных видов интеллектуального труда и как следствие – с созданием дополнительных, лишних трудностей в наиболее сложных и тонких исследовательских процессах, и без того крайне болезненно реагирующих на проблемы ненаучного, несодержательного характера.

Вместе с тем вполне очевидно, что критерий актуальности является одним из центральных в оценке результативности исследований в области и философии, и социогуманитарного знания. Достаточно вспомнить, что именно позиция «актуальность исследования», «актуальность работы», «актуальность проекта» и т. п. является одной из первых в типовых структурах диссертаций, авторефератов, разного рода заявок и отчетов. В свое время к этой позиции в науке могли относиться несколько формально, как к дежурной задаче, на которую можно ответить отпиской наработанными фразами, однако по мере

усиления управленческого присутствия в жизни науки (как бы к этому факту ни относиться), а также диверсификации финансирования исследований, эту позицию приходится раскрывать более содержательно и ответственно.

В такого рода тенденции, направленной на то, чтобы максимально выявить и формализовать актуальность исследований и их результативность, есть, в свою очередь, также разные основания и уровни. С одной стороны, это может быть связано с сугубо ситуативными тенденциями бюрократизации процесса, порой на грани злополучного «административного восторга», когда отсутствие компетентности в предмете и в управлении пытаются компенсировать формализацией оценок, по ожиданиям дающей результат чуть ли не автоматический и якобы стопроцентно объективный. При этом самим ученым достаточно известно, насколько эффективно можно манипулировать такого рода автоматизмом и чего порой стоит эта «объективность». Девиации в манипулировании формальной стороной дела уже и сами стали предметом исследования и жесткой критики в новейшей научной рефлексии, начиная с наукометрических штудий и заканчивая исследованиями в области социологии и этики науки. Незнакомство с этими результатами может приводить к излишней доверчивости «точным» методам и как следствие — к еще большей субъективизации якобы объективных оценок. Если называть вещи своими именами, можно получить ситуацию, когда наукой будут руководить, используя якобы точную и объективную, а на самом деле заведомо искаженную и в этом смысле просто антинаучную информацию. Причем слово «антинаучное» здесь будет работать сразу в двух смыслах: и как противоречащее истине, и как направленное против науки как института, цеха, сообщества, типа сознания и отношения к действительности.

Но, с другой стороны, мы находимся в стадии постнеклассической науки, когда исследовательскому сообществу приходится вступать с человечеством в паритетные, партнерские отношения и доказывать миру, что исследования, во-первых, не наносят вреда и потенциально безопасны, а во-вторых, что они «стоят своих денег», что затраты общества оправданны и окупаются если не в обозримой перспективе, то хотя бы в принципе.

Казалось бы, это не самая острая проблема для философской профессии. Исследования в области философии, на первый взгляд, без-

обидны и по «себестоимости» не идут ни в какое сравнение не только с естественными, но и с целым рядом социогуманитарных наук (например, тех, где есть «поле»). Однако именно в отношении философии особенно часто приходится сталкиваться с непониманием смысла этой предельно сложной формы интеллектуального освоения мира, а потому и с малообразованными суждениями о бесполезности философии вообще. Более того, такого рода суждения могут и сами быть элементами мировоззрения и теории: достаточно вспомнить недавнюю позитивистскую установку, согласно которой «наука сама себе философия». Эта установка уже дезавуирована не только философскими исследованиями, но и работами в области собственно научной рефлексии, логики и методологии науки, однако она была популярной, а у части не особенно осведомленной публики популярна и сейчас.

Далее, в настоящее время идет активный процесс переосмысления и общественной миссии науки, и самого понятия результата в области познания (не только философского). Усложняются отношения между фундаментальной и прикладной наукой, выявляются все более сложные схемы, когда фундаментальный результат дает отложенный прикладной эффект, часто почти не предсказуемый. Это имеет прямое отношение и к философии, которая с не особенно большими оговорками тоже делится на фундаментальную и прикладную. При этом практическая утилизация результатов прикладной философии может быть даже более оперативной, чем в технических отраслях и в «прикладном естествознании». Также это относится и к социогуманитарному знанию, работающему на стыке с философией, например, социальной и политической. Самый очевидный, яркий, а нередко и болезненный пример — использование электоральной социологии в политтехнологических целях. Здесь есть риски, по масштабу последствий ничуть не меньшие, чем при утилизации результатов физических исследований, наук биомедицинского цикла и т.п. Что же касается философии как таковой, то и здесь есть богатый опыт утилизации ее концептуальных результатов через идеологию, причем самого разного свойства и с разными социальными, политическими и даже историческими последствиями. После масштабных трагических событий прошлого века эта тема становится одной из центральных, причем идея «результата» оказывается сильно окрашенной темой ответственности.

Далее необходимо отметить, что идет постоянный процесс переосмысления взаимоотношений, с одной стороны, между философией

и наукой, а с другой — между философией и обществом, социальной (в самом широком смысле этого слова) практикой. Естественно, это также влияет на понимание как актуальности в философии, так и ее результата. И граница эта довольно сложно устроена. Например, если говорить о науке, то, строго говоря, едва ли не все великие ученые, совершившие поистине фундаментальные открытия, подвигшие на научные революции, были в определенном смысле и философами — или не были великими. С известными оговорками это можно сказать и об исторических деятелях. Более того, можно даже предположить, что плачевные результаты в политике и управлении часто связаны именно с зауженным горизонтом видения проблем, с недостатком той рефлексии, которой как раз и учит философия.

И наконец, переосмыслением самой сути профессии, а значит, понимания актуальности задач и результатов деятельности, занята сейчас и сама философия. Особенно это выражено в критике модерна и в переходе к ряду постсовременных представлений. Здесь есть опасность рассинхронизации, когда от философии будут ждать и требовать результата в том смысле, какой будет уже не вполне адекватен с точки зрения самой философии. Более того, есть опасность, что в этой рефлексии философия придет к выводу, что результат здесь вообще вторичен по отношению к созданию и запуску разных «интеллектуальных машин». Если это серьезнейшая проблема для самого профессионального сообщества, можно представить себе, какой разрыв в понимании сути проблемы возникает между «цехом» и «внешней средой».

Все это говорит о том, что вопросы оценки актуальности и результативности философских и социогуманитарных исследований выходят сейчас на первый план, причем здесь порой самым неожиданным образом смыкаются административные запросы и собственная рефлексия, библиометрия и мировоззрение, политика и теория.

* * *

Понятие актуальности применительно к философии не имеет заранее заданного, общепринятого смысла, в том числе в собственно философской среде. Также весьма по-разному употребляется и сам термин «актуальная философия». Это, в частности, проявилось в момент, когда в ИФ РАН возникла идея издания ежегодника ровно с таким названием «Актуальная философия»: у потенциальных авторов тут же возникла проблема — а что, собственно, имеется в виду?

Такая полисемия – следствие не столько трудности профессиональной конвенции, сколько многосложности самого явления и связанного с ним понятия. Например, это может быть философия, связанная с передним краем научных исследований, с наиболее острыми проблемами цивилизации, культуры, общества, страны, ее политики, экономики, социальной сферы и т.п. Но актуальность такого рода может пониматься и как всякое философствование, связанное с насущными проблемами человека, то есть на грани отождествления актуального и гуманитарного.

Однако с не меньшими основаниями можно предположить, что критерий актуальности связан здесь не столько с выбором предметной ориентации, сколько с самим подходом к проблеме, с горизонтом анализа и актуализируемыми аспектами.

Так, с одной стороны, не будет преувеличением сказать, что всякая философия так или иначе актуальна – вопрос в особенностях понимания, воплощения и отслеживания этой актуальности. В этом смысле утверждение о неактуальности той или иной философской концепции может легко оказаться излишне самонадеянным и неосторожным. Всякий взгляд на прошлое в философии как на окончательно преодоленную и уже никогда не актуализируемую архаику чреват неожиданными заблуждениями и разоблачениями. Например, античные философы в большинстве своем разделяли общепринятое в ту эпоху убеждение, согласно которому человек целиком находится во власти неотвратимости судьбы, рока. Но, вопреки господствовавшим обыденным представлениям, они считали, что это не мешает, а, напротив, способствует их добродетельному, индивидуально-ответственному поведению. Подобная парадоксальная позиция многократно обсуждалась и воспроизводилась в последующей истории мысли, оставаясь каждый раз философской экзотикой, малопонятной обыденному сознанию, а часто и научному сообществу (один из характерных примеров – протестантская этика Макса Вебера, на которую теперь ссылаются постоянно, но без объяснений, а часто и без понимания парадоксального соотношения избранности и ответственности). Однако в наше время подобные представления в почти античной схематике получают подтверждение в ряде когнитивных исследований, показывающих, что всем действиям, в том числе кажущимся совершенно произвольными, предшествуют определенные четко фиксируемые сигналы. Тем самым в наше время неожиданно актуализируются идеи

о соотношении необходимости и свободы, долгое время казавшиеся примитивными и архаичными. Подобное понимание актуальности в философии связано, в частности, с особым типом темпоральности этой формы интеллектуальной жизни, в которой «стрела времени» устроена куда сложнее, чем например, в истории позитивной науки или в техническом прогрессе.

Подобная оценка философского результата как «вечно актуального» (пусть даже в потенции) может относиться и к древним именам, и к самым, казалось бы, отвлеченным, надвременным концепциям. Сплошь и рядом для философа наиболее актуальным может оказываться как раз то, что его современникам представляется не заслуживающим внимания человека со здравым смыслом. Просто философ усилием предельной рефлексии выводит на поверхность, эксплицирует и подвергает критике те самые «очевидности», которые присутствуют в головах у всех, но не отслеживаются, не промышляются и, срабатывая автоматически, остаются для нерелексирующего сознания невидимыми. Так, лапласовский детерминизм можно считать чистым умозрением, можно обнаруживать в нем нечто актуальное для науки своего времени — а можно видеть в нем скрытое умонастроение и даже своего рода стиль эпохи. Аналитики заметили, что «Опасные связи» Шодерло де Лакло в логике сюжета и отношений между персонажами и ситуациями идеально воспроизводят жесткую механистическую детерминацию. Иными словами, эти связи не только «опасные», но еще и однозначно причинно-следственные. Вся эта целостность, конечно же, закладывается с самого начала, но только потом обнаруживается эта удивительная согласованность механистической динамики в философской и физической картине мира, в политике и моделях социальности, в эстетике и художественной практике и т. д., вплоть до оттенков морали и индивидуальных жизненных стратегий.

Более того, учитывая эти «скрытые сдвиги в очевидном», в известном смысле можно даже утверждать, что философия являет собой интеллектуальный эпицентр актуальности. Это справедливо в той мере, в какой ей удается опережать ход событий, предлагая разного рода откровения, проекты, предсказания и предвосхищения, часто оцениваемые далеко не сразу. Здесь можно говорить об опережающей актуальности — актуальности «на вырост». История философии полна примеров того, как идеи в их глубине и значимости распознавались, выходили за узкие рамки школы и становились достоянием широких

интеллектуальных кругов через десятилетия, а иногда и столетия после того, как они впервые были сформулированы. Нечто подобное есть и в истории науки, однако философия в этом отношении дает куда более многообразный и выразительный материал.

Можно даже утверждать, что по-настоящему новым философским идеям, как правило, вообще свойственно проходить через первоначальный этап, когда их не замечают, осмеивают, осуждают, а иногда и запрещают. Этот временной лаг, это отставание может являться в самосознании философии даже одним из фундаментальных. Однажды на Ж.-П. Сартра в аэропорту набросились журналисты с желанием услышать от знаменитого философа что-то необычное, в частности, узнать, что нового происходит в философии. Сартр ответил: «Бог умер». Этой очевидной отсылкой к принадлежащему Ницше утверждению почти столетней давности он явно показал, что сенсация в философии имеет совсем иной хронотоп, чем тот, который принят в современных СМИ, да и вообще в обычной жизни.

При этом, когда мы говорим об актуальности «на вырост», о конфликте между философом и обществом, речь идет вовсе не обязательно или даже в последнюю очередь о прямом, непосредственном проектировании политики, социальности, познания, технологий и т. п., хотя и это сплошь и рядом имеет место. Часто опережение происходит как раз в самых отвлеченных сферах, на высших уровнях умозрения. Философия только на первый взгляд схватывает, отражает и теоретически санкционирует общее умонастроение эпохи, ее живую логику и мироощущение. Гораздо важнее то, что одновременно она ищет конструктивный, проектный выход из этих ситуаций — меняет акценты, приоритеты интереса мышления и действия, саму тональность существования. А потом оказывается, что постепенно, со временем, наука, политика, социальные практики, право, повседневная мораль, а иногда даже и искусство входят в круг актуальности, ранее очерченный философией. Часто они делают актуальным то, что философия актуализировала даже не вчера, а достаточно давно. Причем делают они это не сами по себе, а под влиянием среды и контекста, трансляция которого из философии заслуживает отдельного анализа и описания.

* * *

Философия изначально расчленялась на ряд сравнительно самостоятельных разрядов (аспектов). В современном виде она представ-

ляет собой уже давно разветвленную область знаний. Причем здесь важно учитывать как дифференциацию предметных областей и уровней, так и собственно жанры философствования — мышления, а то и просто письма. Эти различия важны также как в плане понимания специфики актуальности, так и с точки зрения оценки результативности. Одни работы, авторы и целые направления более непосредственно включены в актуальный контекст познания и жизни общества, политики и науки, интеллектуальных, духовных, художественных и нравственных исканий своего времени — другие, наоборот, по крайней мере, представляются скорее вещью в себе, попыткой мыслить по возможности вне давления конкретного исторического времени и социально-политического пространства, преодолевая соблазны втянутости — что называется «не на злобу дня». Эти различия в степени актуализации можно обнаружить и в синхронном срезе (в сравнении разных философий и философов «своего времени»), и даже в наследии одного и того же автора, работы которого школьная история философии легко относит к более актуальным или, наоборот, к более «фундаментальным». Хорошо просматриваются такие различия и в исторической асинхронии, в которой при желании можно обнаружить своего рода синусоидальные, маятниковые колебания между полюсами максимальной отстраненности и непосредственной втянутости, философического воспарения над брэнной жизнью и страстного, заинтересованного погружения в нее.

Может показаться, что здесь есть противоречие с первоначально высказанной идеей универсальной актуальности философии. Однако это не так: просто в одних случаях ее актуальность бросается в глаза и культивируется, а в других остается скрытой и требующей для своего выявления специальных усилий. А иногда времени, исчисляемого годами, десятилетиями, веками. Как говорил герой одного популярнейшего в свое время фильма, причем именно про науку, идея должна созреть, ведь даже если собрать вместе девять беременных женщин, ребенок за месяц не родится. Самое острое в сюжете было то, что это говорили люди, время жизни которых после облучения измерялось едва ли не неделями.

Сюда же непосредственно примыкает и вовсе практическая проблема, связанная с поползновениями к тому, чтобы философию и социогуманитарные исследования встроить в те же форматы «объективной», формализованной, количественно фиксируемой и

«бессубъектно» исчисляемой оценки результативности, что уже (хотя и с разным успехом) применяются в точных и естественных науках.

Здесь сразу выявляется множество специфических и во многом решающих моментов, из-за которых такая оценка при механическом копировании естественнонаучных, негуманитарных форматов дает как раз не объективную, а чудовищно деформированную картину состояния нашей философии и гуманитаристики. Особенно это выражено применительно к российской ситуации, по целому ряду параметров не укладывающейся в стандартные схемы исчисления результативности. Об этом написано уже вполне достаточно, в том числе и в разных главах настоящего издания, однако до сих пор эта критика не стала основой для принятия основательных управленческих решений, а главное, практически не осмыслены «морально-политические» последствия недоучета этой специфики. Если сегодня это лишь отчасти портит имидж российской философии в глазах общества и власти, а также имидж российского философского и гуманитарного знания в мире, то завтра, если не провести необходимую коррекцию в понимании проблемы и в использовании «апробированных» методик, могут быть приняты глубоко ошибочные и крайне опасные управленческие и даже политические решения, последствия которых для ряда философских и гуманитарных отраслей могут оказаться фатальными и необратимыми.

Может показаться, что эта проблема философской и гуманитарной библиометрии сугубо техническая, решаемая на уровне методики (даже не методологии) и уж во всяком случае не связанная с таким фундаментальным предметом, как актуальность философии в историческом, интеллектуальном и социально-политическом измерении (то есть с тем, о чем говорилось в начале данной главы). Однако это не так: чтобы оценивать результативность философских и социогуманитарных исследований в целях мониторинга работы и принятия управленческих решений, необходимо предварительно составить хоть сколько-нибудь корректное представление о том, что такое философский «результат», в чем именно, когда и как он проявляется и что служит для него необходимым контекстом, порождающей средой. В противном случае легко принять за результат конъюнктурные подделки и при этом проглядеть, а то и вовсе загубить результат подлинный.

* * *

Оценка результата в философии (или, как сейчас приходится выражаться, «результативности философских исследований») средствами, обычными для других сфер интеллектуальной деятельности, существенно затруднена. Разумеется, каждая сфера имеет свою специфику и, возможно, критерии оценки каждый раз должны уточняться. Тем не менее философия в этом отношении выделяется среди всех других областей знаний. Если она и не «царица наук», как думали одно время, тем не менее она охватывает познание в такой широте и предельности, которые имеют отношение ко всем его формам. Результат в философии, таким образом, сам является самостоятельным предметом анализа. Проще всего сослаться на уже упоминавшийся временной лаг, который в философии по факту и по определению существенно, а иногда и на порядок больше, чем в обычной науке, в позитивном или даже в социогуманитарном знании. Философ нечто открывает, но и его самого (идею, работу, направление) еще должны открыть в философии и прочих связанных науках, отраслях деятельности и т. п. Даже когда кажется, что философ работает непосредственно с предметом исследования, он всегда одновременно работает и с другими философами и философиями. Тема интеллектуального саморазвития, самодвижения мысли вообще одна из основополагающих в философии. Есть даже точка зрения, согласно которой философы вообще говорят все время об одном, решают одни и те же вопросы и лишь создают для этого разные «машины мышления», о которых говорилось выше. В таких случаях и вовсе проблематично выявить «результат» сразу и без скрупулезного, специализированного анализа.

Когда в последнее время только начали вводить более регулярную, формализованную и развернутую отчетность, многие сотрудники, в том числе вполне признанные философским сообществом в качестве безусловных авторитетов высшего уровня, испытывали затруднения при заполнении граф, в которых надо было в двух-трех фразах сформулировать «достигнутый результат». Поначалу они нередко практически повторяли формулировки планов научной работы, лишь меняя модальность времени: писали не «планируется исследовать», а «исследовалось». Понятно, что это был не вполне ожидаемый язык, поскольку предполагалось, что отчитывающийся должен писать не о том, что он исследовал, а какие именно содержательные результаты в данном исследовании получены. Проще всего это свести к проблеме

отсутствия определенного рода административного навыка. И тогда тут особенно нечего обсуждать, тем более что довольно скоро философы, будучи, как правило, людьми с достаточно развитым интеллектом и не чуждыми навыкам письма, освоили этот язык и теперь заполняют формуляры регулярной отчетности без особых затруднений. Но можно увидеть здесь и более глубокую проблему – проблему понимания, что есть результат в философии как таковой, в чем его специфика. Может ли этот результат быть сформулирован по аналогии с обычной наукой – если говорить всерьез, а не на уровне формальных отчетов, в которых есть своя управленческая польза, но которые схватывают лишь первое приближение к истинному понятию философского результата.

В качестве иллюстрации можно привести простой мысленный эксперимент: Платона ставят перед необходимостью в трех фразах изложить научный результат какого-нибудь из его диалогов, причем не в модальности «исследовалось», а именно в модальности «было выявлено». Скорее всего, сначала он все же написал бы о том, что обсуждалось, потом, после объяснений, скрепя сердце переписал бы в модальности «выявлено» (если не вытолкал бы сразу вназад), но зато потом, уже в приватном диалоге с Сократом, посетовал бы на то, что спрашивающие совершенно не понимают природы философского мышления, его сути, особенностей движения философской мысли. Платон в данном отношении особенно выразительный пример, поскольку в его произведениях, в частности, в сократических диалогах, результат состоит как раз в отсутствии результата, в том, что в них развенчиваются поверхностные, ходячие представления об обсуждаемом предмете.

Все это вовсе не отменяет схем признания и интеллектуальной раскрутки философских работ и концепций, аналогичных или почти аналогичных тем, что работают в позитивной науке. Речь, однако, о том, что в философии постоянно возникают ситуации, в стандартную схему признания и раскрутки не укладывающиеся. Можно даже с оговорками согласиться, что в ряде разделов философии, там, где интеллектуальная процедура более формализована, действуют почти стандартные «машины признания», однако и тут периодически возникают исключения из правил, причем такие, что по своей реальной и развернутой во времени результативности ничуть не уступают сразу и количественно признанным работам, а то и превосходят их.

Так, например, основное сочинение Артура Шопенгауэра «Мир как воля и представление» было опубликовано безгонорарно тиражом в 800 экземпляров, но за полтора года было продано сто экземпляров, и издатель, оставив 50 экземпляров, пустил остальной тираж под нож. Философу пришлось ждать признания более 30 лет. Но после этого уже около 150 лет он является одним из самых публикуемых и читаемых авторов, в том числе (и даже в особенности) в России. И хотя близкие примеры, как уже отмечалось, есть и в истории науки, но все же здесь философия скорее более похожа на искусство, а именно на некоторые особенно яркие сюжеты. Вот один из примеров, признанных классическими: «Ян Вермеер, который считается сегодня самым выдающимся голландским живописцем, при жизни был гораздо менее почитаем. Французский аристократ Балтазар де Монкони в 1663 году писал в своем дневнике: “Я был представлен художнику Вермееру в Делфте, но тот не имел в своем доме ни одной собственной картины. Мы, однако, обнаружили одну у пекаря, который купил эту работу за сотню ливров. Я же думаю, что и шесть пистолей было бы слишком высокой ценой”. В наше время к большинству его произведений все чаще добавляют эпитет “бесценный”»¹.

Таким образом, в философии, как и в других формах культуры (особенно художественной), не всегда существует прямая корреляция между прижизненным признанием и посмертной славой. А нередко эта связь является даже обратно пропорциональной. Это подтверждается многочисленными примерами, когда философы и философские учения десятилетиями ожидают внимания и оценки, которых они заслуживают. Не менее показательны и противоположные случаи, когда широко популярные, признанные имена оказываются со временем забытыми. Философия не входит в число областей знания, отмеченных Нобелевскими премиями. Но философы, тем не менее, их получают, хотя и редко, в качестве литераторов. Первым среди них был Р. Эйкен, получивший в 1908 г. Нобелевскую премию по литературе (хотя он, в отличие от Камю и Сартра, тоже ставших позже Нобелевскими лауреатами, писателем не был). В те годы популярность и рейтинг Эйкана были необычайно высоки, намного выше, чем, например, живших в те же годы и уже создавших свои основные произведения Дильтея,

---

¹ http://weekend.ria.ru/art/20121103/777117112.html?utm_medium=adnews&utm_source=www.vedomosti.ru&utm_campaign=adnews_campaign_134&utm_content=adnews_399570

Гуссерля. Но сегодня, в отличие от последних, идеи которых находятся в центре гуманитарных дискуссий, его имя мало кому известно за пределами узких специалистов по истории философии. Словом, говоря об оценке веса трудов и имен в философии, нельзя забывать, что в ней запоздалое признание соседствует и в какой-то мере компенсируется быстрым забвением.

Это вовсе не такое уж неповторимое явление в культуре. В свое время были проведены эконометрические исследования в области киноискусства, выявившие закономерность: если замерять не мгновенный результат, а достаточно длительный период, то наиболее экономичными и рентабельными оказываются... фильмы сложные, относящиеся к кинематографической элите, к высокому стилю, и вовсе не рассчитанные на массовую популярность. Хиты могут срывать бешеные прибыли, но потом сходят с экранов, в то время как элитарные шедевры продолжают десятилетиями транслироваться в малых залах, со временем по доходности опережая преходящие кинематографические сенсации.

С этой точки зрения стандартные оценки философии по оперативно замеряемой цитируемости и т. п. неизбежно приводили бы к тому же эффекту, как если бы классиков философии оценивали по количеству ссылок, которых они достаивались у своих современников. Или как если бы гениев кинематографа оценивали по доходности проката в режиме обычной синемаэкономики.

На это можно возразить тем, что стандартные методы ориентированы не на оценку уникальных явлений, а на «усредненную оценку усредненного». Однако здесь есть, как минимум, два решающих момента.

Во-первых, в этом случае необходимо так выстроить процедуру оценки результативности исследований, чтобы статистическое «усреднение усредненного» занимало положенное ему место, не претендовало бы на большее и оставляло бы открытое поле возможностей использования традиционных для философии куда более сложных и длительных процедур оценки — и прежде всего не количественных, а качественных.

Во-вторых, необходимо также учитывать живую взаимосвязь уникальных, классических работ с общим интеллектуальным контекстом времени и места. В футболе известно, что сборные сильны, если мячами стучат во дворах (если, конечно, не рассчитывать на базу из леги-

онеров). То же и в науке: если у вас есть десять высокопродуктивных исследователей на сотню средне- и малопродуктивных, то наивно рассчитывать, что проблема решается арифметически, простым вычитанием. Если сократить «лишних», оставив десяток продуктивных, то довольно быстро мы получим ровно ту же пропорцию: один лидер на девять посредственностей. Как показывают эмпирические наблюдения, среда, в которой и из которой вырастают философские таланты и гении, по объему на порядки больше числа выдающихся мыслителей. Так обстояло дело с самого начала, не только в современном массовом обществе. К примеру, дошедшая до нас из древнегреческой эпохи книга Диогена Лаэртского, обобщающая жизнь и учения философов, содержит более тысячи имен, из которых в современных учебниках осталось и в канон философского образования вошло несколько десятков. Любопытно заметить, что вполне сопоставимой будет пропорция всего набора имен отечественных философов нашего времени, представленных, например, в известном словаре П. Алексеева, с именами тех, чье творчество оставило след в теории и хотя бы на поколение пережило их самих.

Проблема среды и контекста в философии важна не меньше, чем в науке, а часто и больше. Философия в своих высших достижениях, как и любое интеллектуальное и художественное творчество, — дело индивидуальное. Большой редкостью являются работы даже среднего уровня, написанные двумя авторами. Но философы не являются одиночками, они всегда окружены собеседниками, учениками, оппонентами. Более того, они очень часто появляются кластерами, как это было, например, в Древних Афинах в V–IV вв. до н. э., в Италии эпохи Возрождения, во Франции в XVIII веке, в Германии в XVIII–XIX вв. Эта эмпирически фиксируемая закономерность подтверждается и в случае России, если взять два плодотворных этапа её философского развития — религиозную философию школы В. Соловьева (конец XIX — начало XX вв.) или, например, гуманистическую философию второй половины XX в. (А.А. Зиновьева, Э.В. Ильенкова и др).

* * *

Естественно предположить, что за необходимыми различиями в методах оценок стоят разные отношения к жанрам и уровням философствования, разные этические схемы (этикеты) интеллектуального сообщества и, более того, разные установки, разные модели философ-

ствования. Самое простое связано с правилами и традициями цитирования, оставления ссылок — формирования «научного аппарата». Советская философия в соответствии с идеологическими установками традиционно поддерживала в философии культ научности. Кстати, она так и называлась: «научная философия». В этой модели не только курсовые и дипломные работы, рефераты и диссертации, но также все статьи и книги оформлялись в соответствии со строгими стандартами научной формы. Это в свое время сыграло положительную роль, поскольку советская философия, при всей идеологической ангажированности ряда ее разделов, существенно повысила общую философскую культуру, в том числе и касательно техник оформления исследований. Можно даже сказать, что именно в советский период в России (в СССР) возникла в полной мере профессиональная философия, более или менее эмансипированная от прочих интеллектуальных профилей, в частности от литературы и истории, от общественно-политической публицистики и т.п. Возникла философская школа во всех смыслах этого понятия, начиная с институтов и практик преподавания и заканчивая формированием ученичества, линий преемственности, традиций наследования, не говоря уже о нормах представления и оформления результатов.

Однако здесь были и свои проблемы. Если бы нынешняя библиометрия взялась индексировать эти массивы ссылок и цитирования, ей пришлось бы сначала выделить, как-то оценить и скорее всего элиминировать целый корпус обязательных, ритуальных и сугубо формальных ссылок на основоположников и классиков, на партийные документы, а частично и на работы политически значимых авторитетов.

Вместе с тем советская философия в свое время практически закрыла особые жанры философствования, которые менее подчиняются форматам строгой научности, а то и вовсе им не подчиняются: письмо на грани философии и истории, философии и литературы, свободную философскую эссеистику, публицистику и т.п. (популярное изложение штампов «научной» философии и идеологической конъюнктуры не в счет). Кстати, надо признать, что эти более литературные жанры как раз и представляли цвет дореволюционной русской философии, временно почти забытой в официальном философствовании советского периода (за исключением считавшихся философами классиков высокой отечественной литературы, таких как Толстой или Достоевский, или представителей революционной публицистики), а теперь

реабилитированной, вновь введенной в философский и научный обиход и ставшей лидирующей по тиражам, обращениям и тому же цитированию.

Соответственно, сейчас возрождаются и сами эти жанры философского письма. Этот корпус текстов и связанных с ним работ как объект формального анализа стандартным методам библиометрии вряд ли в полной мере соответствует. Но тогда необходимы и соответствующие коррективы, которые позволяли бы учитывать такого рода жанровую специфику.

Кроме того, и в классической и в современной мировой философии «научной» ориентации использование аппарата тоже бывает весьма разным. Иными словами, это может быть проблемой даже не жанра, а «всего лишь» исторически сложившегося национального стиля письма, в свою очередь распадающегося на индивидуальные стили. Достаточно, например, сравнить научные аппараты книг и статей отечественных и западных авторов, чтобы увидеть огромную разницу: аппарат западных авторов (скажем, немецких профессоров), как правило, многократно больше. Это отчасти связано и с традициями образования: немецкая традиция предполагает, что профессор читает заранее приготовленный и написанный им текст, в то время как российская аудитория предпочитает свободную устную импровизацию, и лектор, если он будет вести себя на манер немецких профессоров, заранее обречен на провал. В нашей традиции уже само словосочетание «читать по бумажке» заключает в себе негативный смысл.

Это интересный момент, заслуживающий отдельного рассуждения. В позитивной науке, где работают гигантские внутренне взаимосвязанные исследовательские мегамшины, как правило, глобальные, усредненное цитирование при аккуратном анализе дает свои результаты. Однако при этом менее важны векторы упоминаний, ссылок и цитирования: кто на кого ссылается. В философии же практически не важно, сколько исследователей ссылаются, скажем, на Хайдеггера (с ним и так все ясно), но было бы чрезвычайно полезно выявить круг имен, на которые ссылается сам Хайдеггер. Здесь иерархия авторитетов и репутация формируется скорее так, а не наоборот. Но даже в этом случае пришлось бы корректировать стандартные методики, поскольку сам Хайдеггер, как и многие другие классики вполне современной философии, обычным аппаратом практически не пользуется, что ни в какой мере не снижает уровня интеллектуальной строгости такого рода

философской работы. Здесь есть скрытые ссылки, предполагающие почти автоматическое понимание у подготовленной аудитории, но не у специалистов в стандартной библиометрии.

Необходимо также учитывать и целый ряд других жанровых особенностей философской литературы. Например, в философии, в отличие от науки в обычном смысле слова, цитирование может быть и вовсе не связанным с наследованием строгих концептуальных линий. Цитирование и ссылочный аппарат в науке обычно означают признание авторитета и опору на предыдущий результат, что и фиксируется библиометрической статистикой. В философии же цитата вполне законно может быть сугубо фрагментарной, означающей вовсе не наследование или признание исследовательской линии, а простое использование локального фрагмента, обрывка материала, наконец, просто удачного, выразительного, яркого высказывания. При этом использующий данный локальный фрагмент может вовсе не соглашаться с общей концепцией источника цитаты, может быть даже резким оппонентом данной концепции.

Еще в большей степени эта проблема проявляется в актуальной философии там, где ее работа связана более непосредственно с жизнью общества, например, с общественно-политической практикой. В науке как таковой, в особенности в точных и естественных науках, ссылочный аппарат, как правило, отражает позитивную преемственность. И даже в случае полемики, при необходимости опровержения критика здесь является признанием: то, что заслуживает критики, уже результат, опровержение позиции или опыта — тоже позитив. Однако, например, в общественно-политической философии все может быть ровно наоборот, о чем в дальнейшем будет сказано специально и подробнее.

* * *

Ко всему изложенному выше следует добавить изменение предмета философии, её места в системе знания и в обществе, что, разумеется, ведет к новому пониманию результата в философии. В первую очередь, сегодня важно учесть, что с момента входа в ситуацию постмодерна поставлен (и не снят) вопрос о возможном изменении самого формата философии как таковой и в ее взаимоотношении с актуальным контекстом. Здесь достаточно сослаться на Ж-Ф. Лиотара, показавшего плотные переплетения знания и власти, эпистемологи-

ческого и политического. Согласно одной из наиболее сильных пост-современных версий такого изменения формата философской работы (Р. Рорти), философия в прежнем, самодостаточном и системосозидающем формате едва ли не обречена (как и религия) на исчезновение: она уступает место специально отрефлектированной деятельности по «смазыванию поверхностей». В самом деле, согласно этим представлениям, не исключено, что для философии конца XX – начала XXI в. все менее актуальной и все более спорной становится задача достраивания знания до его интеллигибельной полноты и завершенности, до идеала универсализма. Но при этом все более насущной становится задача снижения непродуктивного трения между наукой и политикой, властью и культурой, государством и обществом, политической, интеллектуальной и деловой средой и т.д. и т.п., вплоть до минимизации опасных зазоров между временами, цивилизациями и культурами. Тем самым по-новому встает вопрос о соотношении, критической и конструктивной функции философии. Такую позицию можно не разделять и оспаривать, можно принимать или не принимать более сильные или, наоборот, более слабые ее версии, но в любом случае приходится признать, что в ней есть и понятная, по-своему изящная профессиональная установка, и очевидная связь с многими новейшими реалиями интеллектуальной ситуации и деятельности.

Далее, приходится учитывать особенности постнеклассической ситуации для всякого рода знания, включая философское и социогуманитарное. Как уже отмечалось, в отличие от науки классического и даже неклассического периодов, постнеклассическая наука все более утрачивает статус «священной коровы», оказываясь перед необходимостью специально, на регулярной основе протраивать свои взаимоотношения с обществом, по большому счету – с человечеством. Ей приходится доказывать, что гигантские средства, которые вкладываются в современную науку, идут не просто на удовлетворение исследовательского любопытства ученых, но и приносят результат – пусть даже более или менее опосредованный и отдаленный. Одновременно приходится доказывать, что риски, которыми чреваты исследования и в особенности утилизации их результатов, не так фатальны, что они контролируемы и оправданы пользой. Например, для ЦЕРНа это уже реальная проблема обоснования всей этой беспрецедентной траты средств. Казалось, что проблем с обоснованием своей нужности меньше у наук биомедицинского цикла, однако и там быстро обозначился

целый комплекс «засад» биоэтического плана. Философские и социогуманитарные исследования, на первый взгляд, менее подвержены этим претензиям, поскольку обходятся обществу на порядки дешевле современной микрофизики или молекулярной биологии, однако и здесь эта проблема не только существует, но и обостряется. Пока у власти хватает интуитивного понимания, что даже ради экономии резко сокращать, а тем более прикрывать фронт гуманитарных исследований нельзя — хотя бы из соображений косыгинского выражения, что это так же бессмысленно, как «стричь свинью»: шерсти мало, а визгу много. И в то же время приходится констатировать дефицит позитивного плана — отчетливого понимания того, зачем все это философствование вкупе с гуманитаристикой нужно кому-то, кроме самих философов и гуманитариев. Хотя, надо признать, что сам факт того, что это нужно самим философам и гуманитариям и что всегда имеется достаточно людей с ярко выраженным интересом к этим занятиям, могло бы и должно было бы стать достаточным оправданием и их существования, и их поддержки со стороны государства. Отсюда, в частности, вполне конкретные и операциональные установки на то, чтобы максимально «оптимизировать» процесс, сначала отработав механизмы «объективной», формализованной, машинизированной оценки результативности такого рода исследований, а затем и найдя своё место, минимизировав то, что является якобы «лишним», работающим на себя, а не на результат и актуального смысла не имеет.

Словом, философия, как в определенной мере и вообще фундаментальная наука, оказывается в ситуации, когда она, будучи и оставаясь профессиональным (не публичным) занятием, в то же время попадает в зависимость от мнений и решений людей, которые могут судить о ней лишь со стороны и дилетантски, без достаточных компетенций. И это — не результат злой воли (хотя, возможно, и злой воли здесь хватает), а неких объективных процессов современного общественного развития.

Философская работа в свете того нового образа и общественно-го статуса этого рода деятельности, которые задаются в перспективе интеллектуальных и практических опытов постмодерна, разумеется, тоже может быть измерена формализованными количественными методами, но совершенно очевидно, что это должны быть совершенно иные методики, чем привычное цитирование в элитарных журналах, и сама методика их исчисления должна быть другой. Здесь скорее

следует говорить о представленности не в топжурналах, а в СМИ и социальных сетях и о том, чтобы определить меру такой представленности, которая с точки зрения интересующего нас вопроса о критериях результативности философско-гуманитарной науки может быть не только недостаточной, но и чрезмерной. В этом случае уже не будет работать принцип: чем больше — тем лучше.

В советское время, когда философия была служанкой идеологии и политики, практиковался эскейп, позволявший заниматься философией якобы свободно и непредвзято. Теперь это тоже осталось (мы «выше», мы не втянуты, а потому свободны). Такая позиция несомненно ущербна прежде всего ложной установкой, будто философия может замкнуться на саму себя, а социальное и гуманитарное знание может существовать вне мировоззренческого базиса, пусть даже непроговариваемого и непромысливаемого.

Социологические, политологические, политэкономические построения как бы без мировоззренческого базиса и вне конкретного философского контекста на основе старого лозунга, что наука сама себе философия, на самом деле воспроизводят мировоззренческие штампы недавнего времени, выдержанные, например, в духе упрощенного экономического детерминизма.

Парадокс состоит в том, что система оценок результативности философского труда на основе представленности в международно признанных академических топжурналах, не учитывает то, как философия представлена в публичном пространстве, в прямом обсуждении злободневных мировоззренческих проблем, и тем самым ориентирует её на самоизоляцию от общества, на такие «результаты», которые могут быть интересны только самим философам.

* * *

Все вышесказанное, не претендуя на полноту и окончательность, являясь обобщением темы лишь в первом приближении, тем не менее, показывает примерные объемы и многообразные ракурсы проблемы, отдельные (далеко не все) направления развертывания ее анализа. Но здесь уже выходят на первый план, казалось бы, простые, однако обычно «проглатываемые» вопросы об объеме, предмете и субъекте оценки результативности, а именно: что оценивается в качестве носителя результата, под каким углом зрения и кем именно? Эти вопросы имеют самое прямое отношение к «объективным», количественным,

прежде всего библиометрическим методам такой оценки. Более того, именно здесь эти вопросы наиболее проявлены одновременно и как решающие, и как далеко не решенные.

Начнем с объекта, того, что является единицей учета. За таковую принята статья в научном журнале. В какой мере статья может считаться адекватным показателем результативности в области философии?

Чтобы ответить на этот первый и решающий вопрос, необходимо провести одно существенное различие между философским исследованием и исследованием философии или, в другой терминологии, между философией и философиедением. Одно дело философы, которые открывают новые горизонты мысли, такие как Владимир Соловьев, Гуссерль, Сартр, Бахтин, Лосев и др., и другое — специалисты, исследующие их творчество, огромное число которых с трудом поддается учету, а их продукция по объему в тысячу, в десятки и сотни тысяч раз превосходит то, что написали их герои. Здесь приблизительно такая же разница между писателями и литературоведами, как, например, между Пушкиным и пушкиноведами. Более или менее объективному учету, контролю, стимулированию поддается труд исследователей в области философии, научных работников — не тех, кто создает философию, а тех, кто изучает, анализирует то, что уже создано. И здесь статья может служить показателем. Хотя и в этом случае существует целый ряд ограничений. Во-первых, даже для тех, кто исследует творения философов, статья, как правило, является фрагментом большого труда, и не всегда имеется возможность выделить этот фрагмент из целого произведения до его завершения. Во-вторых, в случае философии не всегда легко провести различие между творцами (мыслителями) и научными работниками, так как в последние полтора-два столетия философия развивается по преимуществу в институциональных формах (университетах и исследовательских институтах). Философы являются также научными работниками (преподавателями, сотрудниками НИИ) и только время выделяет их из общей массы людей, занятых в области философии. А одна из особенностей «философов с большой буквы» состоит в том, что они не любят писать статей (о чем ниже) и не любят цитировать других, а если цитируют, то, как правило, великих предшественников, но не современников. С учетом этих ограничений можно сказать, что статья в доброкачественном научном журнале является показателем успешной работы её автора и вполне

может быть засчитана как её результат. Но из этого не следует, что те научные работники, которые не имеют таких статей в какой-то большой (исчисляемый годами) отрезок времени, на основании одного этого критерия могут и должны быть оценены негативно. Даже если взять близкий нам, запечатленный в живой памяти опыт, то мы видим, что многие, уже признанные в своих творческих результатах мыслители, такие как Г.С. Батищев, Б.А. Грушин, Э.В. Ильенков, М.К. Петров и др. по формальным (количественно исчисляемым «статейным» критериям оценки) отнюдь не были передовиками. М.К. Мамардашвили здесь оказался бы и вовсе двоечником.

Для философа показательной единицей успешности творчества является прежде всего книга — цельное исследование, которое по формату и характеру не умещается ни в жанр, ни в размер статьи. Это относится в какой-то мере также к научным работникам в области философии (рядовым сотрудникам НИИ и преподавателям) и в полной мере относится к философам с большой буквы, претендующим на идейный прорыв, на новое слово по фундаментальным философским проблемам. Несомненный факт состоит в том, что статья не делает философа. Даже за последние 100-150 лет, когда получили достаточно широкое распространение профессиональные журналы, практически не было случая, чтобы философ получил имя и признание благодаря статье — в основном только благодаря книгам. Этим философы и гуманитарии в целом отличаются от современных ученых в области математики и естественных наук. За каждым великим и даже просто широко известным философом стоит книга (а чаще всего ряд книг): за Гуссерлем — «Логические исследования», за Витгенштейном — «Логико-философский трактат», за Соловьевым — «Оправдание добра», за Хайдеггером — «Бытие и время», за Сартром — «Бытие и ничто», за Лосевым — «Диалектика мифа» и «История античной эстетики», за Адорно — «Негативная диалектика» и т.д. Одна из важных и ближайших задач количественных замеров результативности в области философии и, возможно, других гуманитарных наук состоит в том, чтобы разработать методику количественно-качественного описания и анализа книг.

Ещё один аспект недостаточности статьи в научном журнале в качестве основной единицы измерения философского труда состоит в следующем. Философия — не только академическое исследование, она ещё представляет собой диалог с обществом, который ведется не

на узкопрофессиональной, а на публичной площадке. В этом случае на первый план выходят такие формы работы, как участие в общественно значимых дискуссиях, активность в СМИ, систематизация философских знаний (словари, энциклопедии, учебники). Как уже отмечалось выше, философско-гуманитарная наука как раз в той части, в какой она прямо выходит в политику, в образование, в публицистику, в другие формы практической жизни, оказывается актуальной и востребованной в самом непосредственном смысле — именно в этой части она вовсе не включается в академические выборы, выпадает из подсчетов и рейтингов.

Одним из критериев общественной значимости философии всегда был и остается интерес, проявляемый к ней за пределами узкопрофессиональной среды. Поэтому очень важно при оценке философских имен и трудов учитывать степень их представленности, а тем самым и влияния, которое они оказывают на общественное сознание и на другие области знания (последнее следует подчеркнуть особо: когда на философа ссылаются представители других наук, это может значить даже больше, чем признание в собственно философском экспертном сообществе). Количественные замеры в данном случае также возможны и они, по-видимому, могут быть связаны с тиражами книг и изданий.

Отдельным вопросом является репрезентативность научных журналов, подлежащих учету. Этот вопрос основательно исследован в главах, написанных Н.В. Мотрошиловой, в которых выявлены имеющиеся в этом вопросе деформации и несправедливости. Поддерживая и развивая сделанные ею выводы, следует особо отметить два момента: абсолютный приоритет отдан журналам на языках латинского алфавита и количество представленных журналов не соотнесено с числом специалистов, институционально и профессионально работающих в области философии.

Все это касается объекта оценки. Ещё сложнее обстоит дело с предметом. Что такое результат в философии? И вопрос не только в том, что в философии критерии значимости иные, чем в других науках, что у неё своя собственная строгость, которая носит более логический и исторический, чем фактический характер. Отдельная, единственная в своем роде проблема состоит в том, что философия существует в многообразии различных учений, дающих разные ответы на один и тот же вопрос, в ней могут быть равнозначимыми научные традиции

и результаты, которые отрицают друг друга. Достаточно назвать такие имена, как Рорти и Хабермас, а если взять отечественную мысль, то уже называвшихся Зиновьева и Ильенкова, которые по-разному понимают саму философию и её место в обществе.

Для многих случаев вопрос о результате оказывается трудным даже в чисто техническом аспекте. Бывает, что книга фундаментальная, а её «результат» в кратком изложении, тем более в нескольких отчетных формулах не упаковывается в принципе (в отличие от точных наук, где есть вывод, формула открытия, а остальное — доказательства, обоснования, подтверждение — верификация). Ещё более разительный пример, когда специалист реализует многолетний, часто растягивающийся на всю жизнь проект по переводу и комментированию классических текстов: в этом случае результат «всего лишь» состоит в том, что специалист точно перевел и откомментировал какое-то произведение или его часть. Зная, сколь разными по трудности могут быть тексты и в каком состоянии находятся источники, никто не может определить в этой работе какие-то общие и строго формализованные нормы.

Не менее важно учитывать, кому предназначается тот или иной результат, для кого он представляет актуальность — для общества в целом, для тех или иных управленческих структур, для смежных специальностей, вообще для читающей публики, для самого философского цеха или для какой-то предельно узкой сферы внутри философии (как, например, нередкие в нашей среде споры по поводу точности русского перевода того или иного философского термина зарубежного автора). Все это — результаты, каждый из которых по-своему важен, но которые при этом различны и требуют различных способов исчисления.

Также необходимо выявление удельного веса различных форм (уровней) результативности, а быть может даже выстраивание их иерархии. В любом случае, на наш взгляд, базовой должна быть оценка в рамках профессионального сообщества и по его критериям. Общая мысль состоит здесь в том, что истинную ценность философского труда могут оценить только философы, хотя, разумеется, получить более или менее точно выявленное мнение философского сообщества — дело совсем непростое и уж точно не одноактное.

Это вплотную подводит нас к вопросу о том, кто оценивает. Этот вопрос является, пожалуй, самым сложным, ибо здесь трудности понимания дополняются, переплетаются с интересами людей и ве-

домств. Здесь как минимум два момента представляются самыми злободневными. Первый связан с тем, насколько те, кто осуществляет библиометрический анализ, нейтральны по отношению к тому, что они измеряют, и существует ли в данном деле достаточная конкурентная среда, являющаяся какой-то гарантией объективности получаемых результатов, совершенствования методик в целях такой объективности. Второй момент касается вопроса о том, кто, как и в каких целях использует библиометрию: рассматривается ли она как подручное средство или как основной критерий оценки, является ли элементом управленческого механизма или элементом самоанализа профессионального сообщества.

Еще один трудный и злободневный вопрос, связанный с субъектом оценки, состоит в том, чтобы получаемые библиометрией количественные показатели дополнить качественными характеристиками экспертного сообщества. И в этом случае необходимы строгие методики, ибо и экспертные оценки также могут быть односторонними, субъективными, искажающими реальную картину.

* * *

Итак, мы попытались показать, как не самые удачные попытки применения новых методов оценки результативности выводят на старые и гораздо более общие, фундаментальные проблемы. Поэтому необходимо не только совершенствовать методики, не форсируя их внедрения в управленческую практику, пока не будут обеспечены адекватные условия сбора и обработки информации, но и прорабатывать всю совокупность и контекст связанных с этим проблем, в том числе требующих осмысления спецификой философского и социогуманитарного знания в целом и на современном этапе в особенности. Суммируя предварительный обзор проблемы, можно предложить для дальнейшего обсуждения и разработки следующие тезисы.

– Вопрос о критериях результативности философского, как и в целом научного труда – не чиновничий вопрос (таким он становится лишь во вторую очередь); прежде всего он является вопросом самосознания и самоорганизации научного (в нашем случае философского) сообщества, показателем его дееспособности.

– Результативность философских исследований не задаётся извне, она вырабатывается в ходе специального изучения процесса развития и современного состояния мировой и отечественной философской

мысли; при этом нельзя ограничиваться общим понятием результата в философии (в отличие от других областей знания), его необходимо конкретизировать применительно к различным уровням (аспектам) философии, жанрам философского творчества.

— Принятая в настоящее время система рейтингования на основе статей и цитирования в топжурналах имеет ряд существенных недостатков, связанных с отбором журналов, а также с тем, что не учитываются особенности цитирования в философских текстах. Но даже свободная от этих недостатков, такая процедура не является основополагающей для оценки философского труда. Позволяя в некоторой степени судить о качестве текстов и профессиональном уровне исследователей, которые представлены в данной системе, она не может рассматриваться в качестве критерия негативной оценки тех, кто в неё не попал.

— Основной единицей оценки философского труда является книга (развернутое исследование, выходящее за рамки жанра и формата статьи). Необходимо ставить вопрос об идентификации философской книги, о её жанрах, критериях определения профессионального качества и общественной востребованности, ответственности автора, философских институций, издательств и т. д.

— Особым для философии и других гуманитарных наук является вопрос о представленности в публичном пространстве (за пределами собственно академического сообщества), что несомненно является одним из важных показателей их общественной значимости. Речь идет о прямом участии философов в такого рода процессах и о непосредственном воздействии философских идей на политику, образование, управление, человеческую повседневность, другие сферы жизни, осуществляемом через общедоступные средства информации, дискуссии и другие формы общественной активности. Существующие на сегодняшний день рейтинги и практикуемые в академической среде показатели эффективности научных работ практически не учитывают этот аспект.

— Философия связана с естественным языком и укреплена в национальных традициях интеллектуальной жизни, поэтому её следует оценивать прежде всего и по преимуществу в контексте национальной жизни; в этом отношении она ближе к литературе, чем к точным наукам. Во всяком случае конкурентоспособность отечественной философии не может измеряться экспортным спросом на неё. Ни представ-

ленность в международных журналах, ни переводы на иностранные языки не могут считаться достаточными показателями этого (хотя, разумеется, и то, и другое само по себе важно). Более адекватным и информативным с точки зрения сравнительной оценки является, например, спрос на зарубежную и отечественную философскую литературу в пространстве русского языка (по аналогии с тем, как посещаемость отечественных и зарубежных кинофильмов рассматривается в качестве сравнительного критерия их конкурентных возможностей).

Общий пафос наших размышлений состоит в том, что оценка философского труда должна способствовать развитию философии в ее собственных форматах и традициях, не порождая при этом ажиотажного стремления работать на формально исчисляемый рейтинг.

ГЛАВА 3.

БОИ ЗА ДОСТОИНСТВО ФИЛОСОФИИ

Философия в современной России (может быть, и во всём мире) оказалась в окружении двух армий: с одной стороны, армии рассудочно-интеллектуального подхода к продуктам духовного производства, а с другой стороны, религиозного мистицизма и догматов религии. Философия, отстаивая и основываясь на фундаментальных принципах рациональности, вынуждена отстаивать своё право на существование как перед сухим и тощим интеллектуализмом, так и перед откровенным религиозным иррационализмом. Философия столкнулась прежде всего с завышенными притязаниями количественного измерения результатов духовного производства. Это относится не только к наукометрии, но и к искусствометрии, которые превратились в наши дни в способ административного регулирования этих форм духовного производства. Рассказывают, что, когда советского скульптора Вучетича спросили о том, как оплачивать его памятник «Матери-родине» в Волгограде, он ответил: «По метражу — от подошвы до кончика меча». Мы не знаем, был ли это или анекдот, но этот сказ точно выражает существо искусствометрии и ее превращение в парадигму бухгалтерско-административных расчётов. Кстати, и само понятие «парадигма», предложенное в социологии науки Т. Куном, стало широко использоваться и в истории теологии, например, Гансом Кюнгом.

Бои в окружении, которые ведёт философия, — это не только бои за постижение научного знания, но и за понимание смысла искусства. Это означает, что философия науки, которая столь интенсивно развивалась в XX веке, не может не учитывать сугубо количественные процедуры измерения результатов научных исследований и вместе с тем не может не противостоять религиозным ответам на вопросы, которые ставит сама наука и ищет свои собственные ответы на них. Тем более что и наукометрические данные, и религиозные интерпретации предварительных ответов науки оказались дубинами в руках чинов-

ников и различного рода администраторов: поэтому мы столкнулись с ретивыми бюрократами, которые превратили библиографические методики в способ разрушения наук, и с теократическими поползновениями церковных иерархов и «власть предержащих». Результаты научных поисков стали «базами данных», а те ответы, над которыми науке еще предстоит размышлять, истолковываются как окончательные ответы о существовании Бога.

Цель данной главы заключается в том, чтобы показать, во-первых, изъяны наукометрического анализа науки как «базы данных» и, во-вторых, рассмотреть инфильтрацию религиозно-теологического способа мысли в философию.

1. Возникновение наукометрии и апология количества

Известно, что наука связана с процедурами измерения, с ответами на вопрос «сколько?». Таково мнение Аристотеля, который полагал, что ответы на этот вопрос далеки от сути вещей и позволяют говорить о тех особенностях вещей, которые можно описать как «больше» или «меньше». Его подход нередко интерпретируется как квалитативизм, т.е. как подход, отдающий приоритет именно качествам единичных сущностей и умаляющий значение количественно-измерительных процедур. Но эта методологическая линия была характерна для двухтысячелетнего развития философии. Ещё Френсис Бэкон, которого ряд историков философии оценивает как основателя Новой науки, исходил из примата качеств и применял индуктивный метод именно для описания и отбора качеств. Вместе с тем именно в Новой науке возникла и другая линия — линия, сделавшая акцент на количественных параметрах тех или иных вещей, на процедурах измерения выявляемых свойств и признаков вещей и процессов. Конечно, можно найти истоки этой второй — количественной — линии в работе Николая Кузанского о весах и даже в иной, чем у Аристотеля, интерпретации количества у Фомы Аквинского, но всё же эта линия возникла гораздо позднее — у основателей Новой науки — у Декарта, Ньютона и Лейбница, а утвердилась и стала парадигмальной в XIX веке, когда даже движения души стремились исчислить в психофизике Г.Т. Фехнера и В. Вундта.

На первом этапе в методологии науки Нового времени утвердилась апология пространственных характеристик исследуемых вещей.

Такова программа Р. Декарта с его приоритетом протяженности. Постепенно вместе с развитием статистики и алгебраического способа мысли в методологическом сознании утвердилась апология количества, выражаемого в числе и в величине. Особенности того способа мысли, который отдавал приоритет количеству, выявил в «Науке логики» Гегель. Само собой разумеется, на его отношении к квантитативистскому способу мысли сказалась критика научного знания, которое он относил к сфере рассудка в отличие от философского разума. Вместе с тем он смог зафиксировать ту гипертрофическую оценку количества, которая к его времени уже утвердилась в сознании ученых. Речь идет об особенностях методологического сознания ученых, отдававших приоритет количественным методам и понятиям, эффективным в измерительных процедурах, но заменившим собою исследование сущности вещей и процессов.

Известна цитата из «Науки логики» Гегеля о том, что количественная определенность является безразличной к качеству определенностью. Обратимся к его «Энциклопедии философских наук», в которой, конечно, резюмируются идеи «Науки логики», но в рассуждениях о количестве есть ряд новых аспектов. В Малой логике количество осмысляется как безразличная определенность бытия, а «определение величины есть определение, положенное как изменчивое и безразличное»¹. Гегель делает акцент на величине как той безразличной определенности бытия, которая оказывается средоточием точных наук. В этой связи он возражает тем, кто признает «точными» только те науки, предметы которых могут быть подвергнуты математическому исчислению»². Измерение и исчисление становятся теми интеллектуальными операциями, которые определяют существо научного знания. Они оказываются идеалами точности и на них основываются т.н. точные науки в отличие от не точных. Гегель отмечает, что количество и точность присущи естественным наукам, а не наукам о духе. С помощью количественной определенности, которая со времен Аристотеля выражается вопросом «сколько?» и в описании «больше» или «меньше», «мы очень мало узнаем» об исследуемых предметах и их различиях, особенно в сфере духа: «Хотя сведение к числам тех явлений, в основании которых лежат определенные числа, и представляют

¹ Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974. С. 242.

² Там же. С. 244.

большой научный интерес, все же никоим образом недопустимо рассматривать определенность мысли вообще как одну лишь числовую определенность»¹. Эта гегелевское предостережение относится, казалось бы, к пифагореизму, однако оно имеет гораздо большее значение, поскольку имеет в виду то «пустое любопытство, которое не может удовлетворить ни теоретического, ни практического интереса»².

Гегель отдает приоритет единству количества и качества, которое представлено в мере и в отношениях меры. За числами необходимо увидеть качественные результаты, обусловленные ими. И примером этого для Гегеля служит статистика и исследование соединений химических веществ. Но в мере и в отношениях меры существует момент, который выводит «меру в силу ее количественной природы за пределы своей качественной определенности»³. Этот момент Гегель называет безмерностью (*Masslosigkeit*). Иными словами, количество выходит за свои пределы и в мере и в отношениях мер. Можно интерпретировать гегелевский анализ безмерности как превращение количества в ведущий идеал научного объяснения, а процедуры измерения – в решающий способ мысли, который проводит демаркационную линию между точными и не-точными науками.

В философии науки XX века существуют линии, фиксирующие фундаментальные принципы и характеристики научного предприятия. Поэтому ряд из них выступают критиками науки, выявлением того, что выдвигаемые ею принципы оказываются такими идеализациями, которые отчуждены от реальности и навязывают ей основоположения, не позволяющие осмыслить эту реальность.

Философом, который был чужд наукометрии, но в своей интерпретации науки занял позицию апологии инструментализма и апологии количества в научном знании, является Мартин Хайдеггер. Подчеркивая связь науки и техники, в статьях «Время картины мира» и «Вопрос о технике» он проводит мысль о том, что наука с Нового времени превратилась в исследование природы, в калькуляцию движущихся и ориентированных в пространстве и времени системы сил. Ученый работает в громадных исследовательских предприятиях, планирует и организует свои исследования в соответствии с определенной методикой и проектом овладения природой как чем-то сущим. В 1951–1952 годах

---

¹ Гегель. Указ. соч. С. 254.

² Там же. С. 257.

³ Там же. С. 261.

он пишет работу «Что зовется мышлением?», где прямо заявляет, что «мышление разворачивается в философии», а «наука не мыслит»¹. Поэтому для Хайдеггера в науке утвердилось логистика, т.е. калькуляция в научных рассуждениях и технико-инженерный расчет в ее приложениях. «Исчислять — в широком сущностном смысле, значит брать что-либо в расчет, принимать в рассмотрение, рассчитывать на что-либо, т.е. ожидать от него определенного результата»². Наука, по Хайдеггеру, обречена быть исчислением, расчетом, калькуляцией, но не осмыслением. Осмысление — дело онтологической философии, а не науки.

Как ни парадоксально, Хайдеггер в своей критике науки, в которой он подчеркнул характерную для нее редукцию качества любого сущего к исчисляемым количественным параметрам, утверждал ту же апологию количества, которую он приписывал всем создателям науки. Приняв квантитативизм за самое существо научного знания, Хайдеггер обрек науку на калькулятивный способ действий. Науке Хайдеггер противопоставляет фундаментальную онтологию, которая сосредоточена на размышлениях об экзистенциалах *Dasein*, о постижении *Sein* или *Seyn*, мистически открываемых в уникальном событии (*Ereignis*) и в экзистенциальном узрении. Между тем наука не может быть редуцирована лишь к расчету сил, к исчислению действий и их результатов. В ней немалое место занимает осмысление оснований определенных способов мысли, которое приводит как к разрушению прежних оснований, так и к формированию новых оснований. Можно напомнить значимость таких размышлений в развитии математики в XX веке или физики после открытия излучения радия, что привело в 20–30-х годах к построению квантовой механики.

Философом, в размышлениях которого было немало мистики, но всё же он увидел одну из особенностей научного знания, был Рене Гёнон. Мы не будем всматриваться в его эзотерику. Нам она чужда, хотя мы понимаем, что без изучения этой эзотерической философии многое в ней останется неясным. Мы обратимся к его книге «Царство количества и знамения времени», выпущенной в 2011 г. в переводе Т. Любимовой. В этой книге есть много здравых рассуждений, корректных и весьма точных историко-философских рассуждений.

¹ Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М., 2006. С. 39.

² Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М., 1993. С. 246. Подробнее см.: Огурцов А.П. Философия науки: Двадцатый век. Ч. 1. Концепции и проблемы. СПб., 2011. С. 203–235.

К таковым мы отнесли бы его различие качественной физики Аристотеля и тяги к количественному определению материи у Фомы Аквинского. Апология количества, согласно Генону, началась не с Платона и не с Аристотеля, а с Фомы Аквинского. Именно Фома утверждает принцип «*numerus stat ex parte materiae*» («число отчасти становится материей»): количество, представленное числом, имеет отношение к субстанциальной стороне проявления. Так резюмирует томистское определение количества Генон. Во второй главе «*Materia signata quantitate*» («Материя, отмеченная количеством», точнее «Материя, обозначенная количеством») он характеризует тот поворот к количественному измерению материи, который произошел в Новое время. «...современные физики в своем усилии свести качество к количеству пришли из-за некоего рода логической ошибки к смешению одного и другого и вследствие этого к приписыванию самого качества к их “материи” как таковой, к которой они сводят всякую реальность или по крайней мере все то, что они могут признать как реальность, что и конституирует “материализм” в собственном смысле слова»¹.

Апологию количества Генон начинает не с Р. Декарта, который редуцировал материю к протяженности. Согласно Генону, определение материи через протяженность, через пространство предполагает выявление направлений движений. И уже одно это не позволяет редуцировать материю к количеству. Такое определение качественно. Но в таком случае различные версии геометризации физики, например, общей теории относительности и квантовой физики, основаны не на апологии количества, а имеют своим основанием именно качественные характеристики материи, точнее говоря, ее мерные отношения. Геометрия, согласно интерпретации Генона, с ее идеей пространства у Платона, протяженности у Декарта далека от апологии количества. Он, правда, напоминает слова из Библии о том, что Бог определил вещи мерой, числом и весом. Генон называет их модусами количества, вынося за их пределы пространство. Правда, пространство в современной науке превращается в «пустое понятие», коль скоро оно связывается с числом и превращается в конвенцию научного сообщества.

Итак, Генон обращает внимание на то, что наука в своем движении элиминировала качество вещей и построила сугубо количественный универсум, в котором вещи упорядочены в соответствии с количе-

---

¹ *Генон Р.* Царство количества и знамения времени. М., 2011. С. 16.

ственными величинами. Эта линия началась не в античной философии, а в средневековой вместе с Фомой Аквинским, была продолжена Николаем Кузанским с его приоритетом «опытов с весами»¹. Декарт, Лейбниц, Л. Эйлер, И. Ньютон окончательно утвердили в научном сознании примат количества.

Генон справедливо подчеркнул, что «количество — не то, *что* измеряется, а то, *чем* измеряются вещи. Тем самым количественные параметры становятся единственным способом измерения вещей, отношений и процессов. Величина становится той единственной характеристикой, которая отличает одни вещи от других, одни процессы от других, одни отношения от других. И хотя философия, начиная с того же Николая Кузанского и кончая Гегелем в его «Науке логики», настаивала на том, что необходимо фиксировать отношения мер в каждой вещи, что важно выявлять системные меры на каждом уровне природы, материи, бытия, все эти упреждения философии остались втуне. Они не были услышаны, не были поняты и оставались «метафизическими спекуляциями», далекими от точной и строгой науки. Если говорится о мере, то о мере точности или о мере множеств, например, ограниченных множеств, лежащих на плоскости (мера А. Лебега), или о мере, инвариантной относительно той или иной группы преобразований множества. Мера в ее системной определенности, в ее универсальной значимости остается за пределами оснований современной науки, делающей акцент именно на количестве безотносительно к мере. И тем более безотносительно к системам, внутри которых она вычленяется.

2. Апология количества в измерении научных публикаций

Научное предприятие тоже оказалось под властью количества — бум статистических измерений затронул и саму науку. В ней стали искать и нашли те показатели, которые могут стать индикаторами ее роста.

Пионером в этой области был Дерек Джон де Солла Прайс — известный английский историк науки. Как он вспоминал, прочитав

---

¹ «Через различие веса, я думаю, можно вернее прийти к тайнам вещей и многое познать в большем приближении к истине» (*Кузанский Николай*. Соч. Т. 1. М., 1979. С. 445), но тут же подчеркивает: «Точность остается недостижимой» (Там же. С. 450).

философские труды Лондонского Королевского Общества начиная с 1665 г., он обратил внимание на то, что каждый годовой выпуск этого журнала прибавлял в весе. Из этого наблюдения выросло убеждение в том, что рост научной литературы осуществляется по экспоненте, что новое знание возникает с постоянной скоростью. Этой же закономерности, по его мнению, подчиняется рост числа журналов, ученых, экономических показателей расходов на науку. Экспонента стала универсальной количественной характеристикой роста науки. *Таков первый шаг проникновения количественных методов в науку о науке.*

В 1951 г. он печатает статью «Количественное измерение роста науки» и в этом же году выступает на Международном конгрессе по истории науки¹. Отношение к идеям этой статьи и его доклада было различным: одни считали их «новаторскими» (например Р. Мертон), другие (а их было большинство) остались индифферентны к ним. В начале 60-х гг. Прайс читает курс лекций в Йельском университете, который был издан в 1961 г. под названием «Наука со времен Вавилона». Через два года на основе лекций, которые он читал в Брукхэвэнском атомном центре по программе Пергамских чтений, он выпустил книгу «Малая наука, большая наука»². В предисловии он проводит мысль о том, что науку необходимо анализировать научными методами: «Мы далеко не всегда достаточно научны в анализе всей той совокупности закономерных явлений, исследование которых является предварительным условием гуманитарного изучения тех нерегулярностей, которые возникают просто от того, что люди есть люди, а не машины»³.

Прайс определяет свой метод как статистический, касающийся проблем формы и объема науки и характеризующий науку как «измеримую целостность». Для него важно развитие исчисления научного персонала, литературы, таланта, а также расходов на науку в национальном и международном масштабах. Он сам отмечает близость своего метода методам термодинамики, исследующей поведение газа в различных условиях температуры и давления. В соответствии со статистикой науки он настаивает на том, что «объем науки по чис-

¹ *Price Derek J. de Solla. Quantitative Measures of Development of Sciences // Archives Internationales d'histoire des Sciences. 1951. Vol. 14. P. 85–93.*

² *Прайс Д. Малая наука, большая наука // Наука о науке. Сборник статей. / Перев. М.К. Петрова. М., 1966. С. 281–385.*

³ Там же. С. 282.

лу ученых или по числу публикаций удваивается за период от 10 до 15 лет»¹. Он строит ряд графиков, показывающих экспоненциальный рост общей массы журналов, общего числа публикаций по разным дисциплинам, числа научных кадров. Обсуждая эту статистическую кривую, он замечает, что она предполагает существование «потолка», точки насыщения роста, его ограничения: наука должна отказаться от экспоненциального роста и приблизиться к точке насыщения, которая показывает, что наука стала «старчески дряхлой». Поэтому Прайс заменяет экспоненту роста науки на логистическую кривую, включающую в себя показатели кризисов в науке и возможных ее сдвигов и резких флуктуаций. Эти сдвиги зависят от ряда социогуманитарных условий. В противном случае ресурсы науки истощаются, и она достигает состояния «выскабливания дна котла»².

В этой же книге «Малая наука, большая наука» Прайс обращается к способам измерения продуктивности ученых, в частности к распределению А. Лотки. На основании ряда историографических и биографических источников Прайс формулирует «закон обратной первой степени для числа людей, производящих более n статей»³. Для Прайса важно найти объективный критерий различения высокопродуктивных и малопродуктивных авторов, определить среднее значение продуктивности на автора (3,5 статьи на автора). Можно сказать, что Прайс положил начало универсализации тех статистических регулярностей, которые относятся скорее к научному сообществу в целом, а не к продуктивности отдельных ученых. Необоснованность экстраполяции статистических регулярностей, характеризующих массовые процессы, на работу отдельных ученых бросалась в глаза и не была воспринята ни историками науки, ни самими учеными.

В начале 70-х годов Прайс принимает участие в формировании программы «Индикаторы науки» (Science Indicators). Первый том «Индикаторов» вышел в 1972 г., затем они регулярно выходили через каждые два года. Задача этого издания – собрать показатели науки

¹ Прайс Д. Указ. соч. С. 289.

² Там же. С. 310. Эта пессимистическая оценка Прайсом науки, «выскабливающей дно котла», вполне приложимо к оценке состояния фундаментальной науки в нынешней России, постоянно уменьшающей расходы на науку, резко снизившей когорты молодежи, вовлекаемой в науку и подготовку кадров внутри академических институтов.

³ Там же. С. 319.

(прежде всего США, но позднее его ареал расширился) относительно финансов, кадров, оборудования. *Это издание представляет собой второй канал проникновения количественных методов в науку о науке.*

В июне 1974 г. была проведена конференция, где историки науки, социологи и экономисты обсуждали вопросы характера индикаторов, связей между ними и т.д. В 1977 г. вышел сборник докладов и сообщений, сделанных на этой конференции «На пути к метрике науки. Появление индикаторов науки»¹. В этом сборнике помещена статья Прайса «На пути к модели индикаторов науки», в которой он отмечал значение индикаторов науки (вначале разрозненных и эклектически собранных) для осознания социологических проблем науки и для формирования такой политики в области науки, которая могла бы вызвать уважение со стороны ученых.

Итак, Прайс был одним из первых ученых, кто пытался выразить рост научного знания в математических формулах и графиках, причем экспонента репрезентировала собой рост именно количественных показателей — рост числа научных журналов, рост объема научной литературы, рост числа учёных и т.д. Поэтому он был вместе с рядом социологов (Р. Мертоном, И. Эдканой, А. Текреем, Х. Цукерман) инициатором созыва Международной конференции о метрике науки и выпуска в 1977 г. в свет ее трудов. И в том, и в другом случае речь шла *о сугубо количественных, статистических показателях* роста науки, но не о каких-либо качественных характеристиках роста научного знания, публикаций и пр.²

В начале 50-х годов Ю. Гарфилд выступил со статьей об индексе цитирования, в которой он восторженно описывал возможности индекса цитирования для уяснения продуктивности ученого³. На первых порах обработка этих данных осуществлялась с помощью перфокарт. В 1963 г. он основал Институт научной информации, в котором стал с 1961 г. выходить, а с 1963 г. регулярно выходить «Указатель цитиро-

¹ *Toward a Metric of Science: The Advent of Science Indicators.* / Ed. Y. Ellana, J. Lederberg etc. New York. 1977.

² Поэтому вряд ли можно согласиться с мнением И. Маршаковой-Шайкевич о том, что задачи квантификации изменились: «анализ библиографических данных публикаций направлен на то, чтобы через статистику — количественные показатели корпуса публикаций — получать качественные структуры науки» (*Маршакова-Шайкевич И.В.* Россия в мировой науке. Библиометрический анализ. М., 2008. С. 15)

³ *Garfield Eu.* Citation Indexes for Science // Science. 1955. Vol. 122. №. 3159. P. 108–111.

вания в науке» (ISI – Science Citation Index). С 1973 г. стал выходить «Указатель цитирования в социальных науках» (SSCI – Social Science Citation Index). С 1978 г. – «Указатель цитирования по искусству и гуманитарным наукам» (АНСИ – Arts and Humanities Citation Index). В эту базу данных помимо искусства, археологии, архитектуры, телевидения, кино, лингвистики, истории входит и философия.

Гарфилд был создателем Web of Science. С 1992 г. Институт научной информации поглощает корпорация Томсона (Thomson corporation), с 2006 г. корпорация Thomson Reuters. Thomson Scientific обрабатывает ссылки 9000 журналов. Ссылки внутри монографий не обрабатывались.

Итак, появилось новое поле статистических исследований науки – ссылки, которые сопровождают каждую журнальную статью. Огромный массив ссылок, прежде всего журнальных статей, потребовал особых методов работы с ним. Так, в «Указателе цитирования по искусству и гуманитарным наукам» обрабатывалось полностью 1100 журналов и выборочно 8000.

Индекс цитирования задумывался и реализовывался как определенный инструмент, во-первых, библиографического поиска литературы и ссылок на те или иные статьи, и, во-вторых, социологического анализа научного сообщества в тех или иных дисциплинах. Однако и сообщество библиографов, и сообщество социологов было крайне незначительным даже в США. Большие финансовые расходы на осуществление Цитат-индексов в различных научных дисциплинах потребовали привлечения правительственных ведомств, заинтересованных в реализации политики в области научных исследований. Поэтому возросли и притязания создателей Цитат-индекса: из средства социологического и библиографического исследования науки он стал мыслиться как та база данных, которая может служить импульсом для проведения политики в области науки, средством чиновничьего контроля и регуляции движения научных кадров в тех или иных дисциплинах, способом ранжирования научных кадров и т.д.

Иными словами, созданный ради сугубо научно-библиографических целей Индекс цитирования превратился в одно из вспомогательных средств администрирования в науке. Так, частота цитирования, т.е. количество ссылок на ту или иную работу ученого, стала чуть ли не единственным критерием продуктивности ученого. Во всяком случае ранжирование научных кадров осуществляется по этому критерию.

Между тем сам Ю. Гарфилд предупреждал против такого ранжирования: «Нелепо думать, что будто бы самый цитируемый автор заслуживает Нобелевской премии»¹.

Несомненно, что число журналов, обрабатываемых в различных Индексах цитирования, характеризуют интернациональный характер научного знания. Тем более важно быть тщательным в подборе национальных периодических изданий, которые представляют науку в тех или иных географических регионах. О том, что в отборе научной журнальной литературы в Индексах цитирования далеко не все в порядке, свидетельствует большое число публикаций как в России, так и в других странах.

Существенно и то, что ссылки имеют различный характер в разных научных дисциплинах. В гуманитарных науках труд ученого представлен прежде всего в монографиях, журнальные статьи являются вторичным продуктом, который появляется по ходу написания монографий. В естественных и технических науках фиксация своих результатов происходит прежде всего в журнальных статьях. Более того, создаются даже журналы, которые публикуют предварительные результаты, например, такое издание, как «Письма в Журнал теоретической и экспериментальной физики», созданное по-русски в 1965 г. Многие социологи, в частности, Р. Мертон, уже давно отметили то, что использование в качестве источников одних лишь журналов подходит для физики и молекулярной биологии, но совершенно искажает картину в таких дисциплинах, как социология и систематическая биология, не говоря уже об истории.

С самых первых лет формирования статистического массива Цитат-индекса возникает чувство, что в разных научных дисциплинах ссылки на работы своих предшественников формируются по-разному. Науки начинают ранжироваться по их библиографическому аппарату. Принимаются различные критерии для того, чтобы отделить точные науки от не-точных, естественно-научных от гуманитарных. Так, естественные науки обладают кумулятивностью, не-точные — такой кумулятивностью не обладают (К. Дейч, 1958). Критерием для различения точных и не-точных наук становится убывание согласия, что выражается в своеобразии ссылок (У. Хэгстрем, 1965). Ищутся корре-

---

¹ *Garfield Eu. Citation Indexes in sociological and historical Research // American documentation, 1963. Vol. 14. N 4. P. 290.*

ляции между количеством авторов статей и объемом финансирования в той или иной области знания (Хирш и Синглтон, 1964). Хорхе Хирш связывает количество публикаций ученого с количеством цитированных этих публикаций (т.н. индекс Хирша). Д. Прайс предлагает свой критерий для различения точных и не-точных наук — индекс Прайса, который фиксирует процент ссылок в статьях в тех или иных журналах за последние пять лет. В соответствии с этим индексом он составляет во всех журналах 50%, в журналах точных наук выше этого среднего показателя (в физике и биохимии — 60–70 %), в не-точных науках он ниже этого среднего показателя (в социологии 46,5 %). Обращает на себя внимание искусственность построенного Прайсом среднего критерия цитируемости статей в тех или иных журналах, под который подгоняется цитируемость как в точных, так и в не-точных науках. Насколько грубой является оценка труда ученого с помощью критерия Хирша, свидетельствует оценка А. Кулешова — директора Института проблем передачи информации РАН работ своего сотрудника Станислава Смирнова. Он получил филдовскую премию по математике, но индекс Хирша у него $H=7$. В институте есть сотрудники с индексом Хирша превышающим 20, но лауреатами они не стали¹.

Индекс цитируемости всё больше и больше истолковывается как показатель продуктивности того или иного ученого. Несмотря на предупреждения основателей наукометрического подхода (того же Ю. Гарфилда, Р. Мертона и др.) о том, что величина цитирований не позволяет говорить о большей или меньшей продуктивности ученого, этот показатель превращается в ту административную дубинку, которая не только ранжирует ученых по этому показателю, но и оценивает их вклад в научные разработки. Если каждый ученый НИИ и академических институтов ранжируется в соответствии с индексом цитирования, то это означает, что существуют количественные различия как в продуктивности ученых, так и в уровне признания их разработок научным сообществом. Между тем ряд науковедов полагает, что такого различия не существует. Так, известный отечественный историк науки и науковед Г.М. Идлис подчеркивал: «Фактические данные о распределении авторов по их продуктивности практически идентичны для различных исторических эпох и не зависят от рассматриваемой области науки. Они несколько видоизменяются лишь в связи с

¹ Газета «Троицкий вариант. Наука». 2011 г. 25 октября.

появлением эффектов соавторства...»¹ Что это? Некая идеализация? Или вывод из предшествующего анализа? Думаю, что последнее. Но в таком случае все наукометрические построения о ранжировании продуктивности ученых разных научных дисциплин и специальностей в соответствии с индексом цитирования (например индекс Прайса, различение точных и не-точных наук по квотам цитирования и т.п.) висят в безвоздушном пространстве и не могут быть никакой эмпирической базой данных в анализе науки.

Если просмотреть журнал «*Scientometrics*» за последние два года, то следует обратить внимание на то, что при сохранении исходных оснований наукометрического подхода расширяются математические методики и понятия, используемые для интерпретации индексов цитирования. Так, для обработки базы данных начинают использовать такие понятия математики, как «траектория», «граф», «сети» «статистические методики» и пр. Но результаты такого использования ничтожны. Так, в статье М. Пинто, М.Д. Эскалана-Фернандес и А. Пулгарина об информационной литературе в социальных и медицинских науках рост научных публикаций в социальных науках представлен формулой $R2 = 0.9544$ в то время, как в медицинских науках $R2 = 0.9393$ ². Результат, конечно, «многозначительный», тем более что речь идет только об англо-саксонской литературе!

Многие ученые, в том числе и отечественные ученые, настаивают на неадекватности библиометрического подхода в исследовании эволюции той или иной научной дисциплины. Так, доктор физико-математических наук, член-корреспондент РАН Александр Разборов подчеркнул, что библиометрический подход в математике «абсолютно непригоден и нигде не практикуется. Хотя для нас это самоочевидно, тем не менее Отделение математики РАН терпеливо организовало опрос среди ведущих зарубежных математических центров, т.е. полностью по правилам предложенной МОН (Министерства образования и науки. — *Авт.*) игры»³. Результаты он называет довольно впечатляющими. Он ссылается на доклад А.Н. Паршина в Президиуме РАН «Ис-

---

¹ *Идлис Г.М.* К вопросу о математизации науки о науке (аксиоматические основания) // *Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1987. М., 1987.* С. 131.

² *Pinto M., Escalana-Fernandez M.J., Pulgarin A.* Information literary in social sciences and health sciences: a bibliometrics study (1974–2011) // *Scientometrics*. Vol. 95, July 2013, Issue 3. P. 1071–1094.

³ Газета «Троицкий вариант. Наука». 2013. № 21(140). С. 3.

пользование библиометрии» 17 сентября 2013 г., в котором Паршин проинформировал Президиум РАН о проведенном исследовании: была распространена анкета, в которой необходимо было ответить на четыре вопроса о влиянии цитат-индекса на 1) прием на работу постоянных членов институтов; 2) решение вопроса о временных сотрудниках; 3) ежегодные отчеты институтов; 4) обследование институтов внешними комиссиями. Руководящие администраторы двенадцати математических институтов ответили «нет» на все четыре вопроса. четыре директора математических институтов ответили «нет» на первые три вопроса и «да» на последний вопрос. Так, проф. В. Бальман — директор Института математики Общества Макса Планка особо подчеркнул, что библиометрические данные являются опасным оружием, прежде всего в руках не-экспертов, измерения качества исследований. Многие ученые настаивают на том, что основным методом является экспертная оценка, выражающаяся в баллах. А.Н. Паршин привел данные британского исследования, в котором все множество областей знания было разделено на четыре класса. Философия попала в класс В (ее номер 32). Подкомиссия, которая отвечает за науковедческие исследования в этом классе областей знания, подчеркнула: «Подкомиссиям центральной комиссии D не будут предоставляться и они не будут использовать данные цитирования или какую-либо библиометрическую информацию для выработки оценок»¹. «Данные цитирований дают лишь ограниченное и неполное представление о качестве научных исследований...точность этих показателей является иллюзорной»². Это слова из официального доклада Международного Математического Союза (IMU), подготовленного Р. Адлером, Д. Эвингом и П. Тейлором.

Такова оценка библиометрических методов не только математиков, но и гуманитариев. В том же самом номере газеты «Троицкий вариант» опубликовано интервью с доктором филологических наук, член-корреспондентом РАН, главным научным сотрудником Института языкознания РАН Анной Дыбо, которая, отметив, что реформаторы Академии наук, «возможно, действительно хотят добиться эффективности — в соответствии со своими представлениями»: «Как увеличить Хирша или попасть журналом в Scopus — тоже более или менее понятно.

¹ См.: Паршин А.Н. Использование библиометрии. Доклад 17.09.2013 на Президиуме РАН // www.mi.ras.ru/news/13/2013-09-10_slides.pdf (23 ноября 2013 г.).

² Игра в цифры, или как теперь оценивают труд ученого. М., 2011. С. 8, 10.

Жалко только времени и усилий – и так уже отчетность занимает большую часть рабочего времени»¹.

Итак, отношение ученых к библиографическим методам и, в частности, к индексу цитирования, однозначно отрицательное. Однако эти методики неправомерно используются внешними относительно науки инстанциями, прежде всего Министерством образования и науки, для оценки продуктивности ученого и качества его научных исследований. Цитат-индекс может служить лишь показателем признанности того или иного результата ученого научным сообществом. Но это признание может осуществиться не за один-два года. Нередко требуются годы, чтобы та или иная работа ученого получила хотя бы первый отклик. Так, первая и основная статья по теории относительности А. Эйнштейна «К электродинамике движущихся тел», опубликованная в 1905 г. в журнале «Annalen Physic» не только не сопровождалась никакими сносками на работы ученых-современников, но и была признана через 8 лет, когда Г. Лоренц включил ее в сборник «Принцип относительности» (сборник был переведен на английский в 1923 г., на русский – в 1925 г.). Долгое время Эйнштейну пришлось бороться с антирелятивистскими настроениями и физиков, и философов (напомню хотя бы его ответ на нападки на теорию относительности со стороны членов антирелятивистского акционерного общества в августе 1920 г.). Эти восемь лет были годами борьбы за признание теории относительности, которая продолжалась и позднее. Конечно, можно считать первыми ссылками на статью Эйнштейна антирелятивистские выпады Ф. Ленарда в 1918 г. в книжке «О теории относительности, эфире и тяготении». Но ведь индексы цитирования не проводят никакого различия между видами сносок – позитивных и негативных. Они, казалось бы, нейтральны и фиксируют лишь множество ссылок. Но за этой нейтральностью то безразличие количества к качеству, о котором писал Гегель.

Аналогичная история и со статьями Эйнштейна, посвященными теории излучения М. Планка. В цикле статей 1905–1907 гг. Эйнштейн, анализируя планковскую теорию излучения черного тела, дал физическую интерпретацию того коэффициента в математической формуле, который Планк считал постоянным и имеющим лишь математическое значение. И потребовались десятилетия (вплоть до Сольвеевских конгрессов, в частности до 5-го Сольвеевского конгресса в октябре

---

¹ Газета «Троицкий вариант. Наука». 2013. № 21 (140). С. 3.

1927 г.), для того чтобы позиция Эйнштейна относительно того, что квант энергии имеет физическую природу, а не только является коэффициентом в математической формуле, стала общепризнанной¹.

Итак, существуют сомнения и четко выявленные изъяны в возможности приложения индекса цитирования к оценке научной деятельности ученых. Эти сомнения касаются как полноты различных «баз данных», особенно данных о российской науке, так и корректности и точности самих индексов (цитирования, Хирша, импакт-фактора и др.). По моему мнению, если эти методики использовать, то только вместе с экспертными оценками наиболее выдающихся в той или иной области ученых. Причем необходимо учитывать специфику той или иной области научного знания, а не смешивать естественные, технические, социальные и гуманитарные науки, подчиняя их единым для всей науки критериям. Но чиновники от науки видят в индексе цитирования простое и недвусмысленное средство оценки труда ученых. В августе 2013 г. Министерство образования и науки разработало и направило в РАН «Типовую методику оценки результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения». Среди 70 показателей в ней большое место занимают индекс цитирования и статистика науки. Так, методики, сконструированные учеными для самопознания своего сообщества и предметной области, превращаются в средство разрушения и научного сообщества, и научного знания, и научно-исследовательских институтов.

3. Поражение философии

В 1989 г. я написал статью «Подавление философии» — о ленинско-сталинском разгроме философской мысли в России. Речь шла не только о насильственной высылке профессоров ряда специальностей

---

¹ В статье 1909 г. «К современному состоянию проблемы излучения» Эйнштейн отмечает, что возможны и другие интерпретации закона излучения Планка, и выдвигает в качестве первоочередной задачи экспериментальное изучение следствий теории световых квантов (*Эйнштейн А. Собр. научных трудов. Т. III. М., 1966. С. 175*). Он отметил, что существовавшая формулировка принципа связи энтропии и вероятности «не вполне меня удовлетворяла», поскольку «элементарный квант ϵ будет также содержать в себе квантовую структуру излучения» (там же. С. 178–179).

из университетов на так называемом «философском пароходе», но и о том терроре, в котором была погублена гуманитарная интеллигенция России. О судьбе философов из Института философии можно узнать из основательной статьи Корсакова в «Философском журнале». И вот теперь говорим о «Поражении философии» — о сегодняшнем положении философской мысли в России — в другой России, покончившей с коммунистическим режимом, но в быстром темпедвигающейся к авторитарному режиму. В той России, которая пережила оттепель (весьма слабенькую, с постоянными заморозками), в ней почти сразу же выдвинулась целая плеяда неординарных мыслителей, прошедших войну и привыкших отвечать как за себя, так и за однополчан. Мы назовем лишь несколько имен, теперь уже хорошо известных, — Эвальд Васильевич Ильенков, Александр Александрович Зиновьев, Михаил Константинович Петров, Владимир Соломонович Библер, Анатолий Сергеевич Арсеньев. Это из поколения, прошедшего войну. И вот имена философов другого поколения — Георгий Петрович Щедровицкий, Мераб Константинович Мамардашвили, Феликс Трофимович Михайлов, Василий Васильевич Давыдов.

О каком поражении философии может идти речь?! Когда каждый год издаются разнообразные книги, когда выходит в свет целый полк философских журналов, когда тематика философских исследований стала столь многоцветной и кардинально отличается от серости философских книг при советской власти и даже конца прошлого века, уже после крушения коммунистического правления. Можно ли говорить о ситуации в философии в таком тоне и с такими интонациями? Естественно, мы высказываем свое мнение о нынешнем положении философии. Когда в 60-е годы мы входили в философию, мы отдавали себе отчет о крайне неудовлетворительном состоянии философских исследований, и как-то, собравшись в редакции «Философской энциклопедии», мы сформулировали ту задачу, которую поставили перед собой, — сделать всё для того, чтобы не опустить планку философских разработок и по мере своих сил способствовать подъёму этой планки (пусть небольшому, но всё же заметному). Увы! Тиражи философских книг не идут ни в какое сравнение с тиражами книг 60–70-х гг. Мы вспоминаем, что издательство «Мысль» издало «Философию природы» Гегеля тиражом 100 тысяч экземпляров, и через месяц книгу невозможно было найти в книжных магазинах! Наши книги издаются тиражом 300–500 экземпляров, от силы до 1000 экземпляров, и он

лежит на складских полках. Их мало кто читает! Когда мы работали в журнале «Вопросы философии», мы ставили перед собой цель достичь в 1967 г. тиража журнала в 40 тысяч. Теперь же его тираж не больше 1000 экземпляров. Что же случилось? Случилось то, что мы называем поражением философии, утратой ею судьбоносных целей и ценностей, сменой приоритетов в теперешней «массовой культуре» — религия и богословие стали притязать на центральное место в культуре.

1. Инфицирование философии богословием. Только что мы услышали по радио «Эхо Москвы» сногшибательную новость: все наши неудачи с запусками ракет объясняются не тем, что какой-то техник перепутал параллельное соединение с последовательным, а тем, что их запуск не был освящен православной церковью. Вот так-то. Не были окроплены вместе с произнесением ряда ритуальных формул. Добавьте к этому создание кафедр теологии в ряде инженерно-технических вузов страны — от Перми до Москвы, включение в школьные программы не курса логики (как при Сталине), а уроков по православной религии. Создается впечатление, что православная церковь заняла место коммунистической партии, а сама религия превратилась в идеологию «власть предержащих». Более того, сами иерархи РПЦ копируют вертикаль власти, которая стала способом правления в нынешней России: по нынешнему церковному уставу не приходская община управляет всеми делами той или иной местной церкви, а епископ епархии и в конце концов патриарх. Вертикаль власти утвердилась и в православной церкви.

Мы стали свидетелями нового тренда во взаимоотношениях между философией и религией. В общественном сознании России, еще недавно варварски атеистическом, произошли грандиозные сдвиги — неожиданно философия слилась с религией и всё больше утверждается тезис Иоанна Скота Эриугены: «Истинная философия есть истинная религия, и наоборот, истинная религия есть истинная философия»¹. Теология и православное богословие ставит и стремится решить предельные вопросы — о предельной причине бытия, о смысле жизни, о смертности плоти и бессмертии души и т.д. Философия также ставит предельные вопросы и стремится решить их на рациональном пути, с помощью средств и ресурсов человеческого ума, интеллекта, рассудка и разума. Религия же замыкает интерес к предельным вопросам, апел-

---

¹ См.: Богословие // Христианство. М., 1993. С. 278.

лируя к Откровению, божественной воле и замыслу и т.д. Иными словами, религиозный ум ищет облегченного решения трудных вопросов, прибегая к ссылкам на финальную причину бытия, на Бога, на переданные им Заветы. Философия же разворачивает новые вполне рациональные ресурсы, стремясь решить вопросы, которые поставлены научным знанием и избегая любых апелляций к некоей окончательной и уже провозглашенной Истине. Например, Бенедикт Спиноза в противовес уходящей в бесконечность связи причин и следствий выдвинул идею *causa sui* — природы как причины самой себя. Иммануил Кант в противовес объективации и догматизации телеологического объяснения предложил трактовку телеологии как способа рассуждения. Иными словами, философская мысль не оставалась неизменной, она менялась в поисках ответов на вызовы прежде всего научного знания во всех его формах — от гуманитарного до естественно-научного.

Итак, *первое поражение философии* как рефлексивной и рациональной мысли состоит не только во все большем движении к теократии и проникновении теократических способов управления государством, когда православие претендует на государственную идеологию, но и в утверждении в общественном сознании предпосылок и догматов религиозной веры. Причем нам хотелось бы подчеркнуть, что речь идет о философии, совсем не тождественной дискурсивному рассудку. Философия, начиная с Платона и до Канта, от Анри Бергсона до Якова Эммануиловича Голосовкера, утверждала значимость как дискурсивно-логического интеллекта, так и воображения¹.

2. *Второе поражение* связано с поворотом научной мысли к религиозным интерпретациям своих открытий и достижений. Пока это скорее поле сражения между религиозным и научно-рациональным мировоззрениями. И это сражение идет с переменным успехом — одна сторона, выдвигая новые теоретические гипотезы и космологические

---

¹ «Познавательная сила и сущность воображения как высшей формы познания, не были до сих пор поняты и исследованы. Имагинативное познание раскрывает нам загадки (энигмы) в философии, которые казались неразрешимыми дискурсивно мыслящему разуму и обрекались на беспредметное скитание по формально-логической дороге, ведущей к воротам математики» (*Голосовкер Я.Э. Избранное: Логика мифа.* СПб., 2010. С. 75). К этому великолепному рассуждению добавим, что и математика не может обойтись без воображения: что такое точка, не имеющая протяженности, в геометрии Евклида? Что такое абсолютно черное тело? То, что в современной философии названо идеальными объектами, — результат как мысли, так и воображения.

модели, берет верх, а другая сторона упрямо настаивает на том, что новые научные открытия якобы подтверждают христианское богословие. Так, концепция Большого Взрыва якобы подтверждает богословское учение о творении мира за семь дней. Космологический вакуум трактуется как то Ничто, из которого Бог сотворил Вселенную и т.д. Если философия и наука привлекают всё больше и больше аргументов в своих доказательствах, если космология строит математические модели со своими методами проведения расчетов, которые ведут к предсказаниям для реальных экспериментов, подтверждающих или фальсифицирующих уже существующие предсказания теорий, то теология лишь упорно повторяет, что христианские догматы подтверждаются современной наукой.

Никто не будет отрицать того, что основатели классической науки Нового времени были людьми верующими. Исаак Ньютон входит в секту ариан, которая была запрещена в его время в Англии. Лейбниц строил теодицею. Лишь Декарт стремился отодвинуть теологические рассуждения от философско-научных. Правда, Лаплас — один из создателей классической картины мира в своей теории вероятности допустил существование Ума, «которому, были бы известны для какого-либо данного момента все силы, одушевляющие природу, и относительное положение всех ее составных частей...не осталось бы ничего, чтобы было бы для него недостоверно, и будущее, так же как и прошедшее, предстало перед его взором»¹. Но это допущение лишь выявляет вероятностную природу человеческого интеллекта. Известна легенда о том, что на вопрос Наполеона об отношении науки к Богу, Лаплас ответил, что наука не нуждается в этой гипотезе. Известно, сколь сложные взаимоотношения были между католической церковью и новой наукой, между Галилеем и Папой, между Д. Бруно и папской курией, между Коперником и католической церковью. В 1983 г. — в год 350-летия процесса над Галилеем Папа Иоанн Павел II вынужден был реабилитировать Галилея и выразить сожаление относительно осуждения основателя новой физики. Столь же сложными были отношения православной церкви к открытиям Коперника и Галилея — их учения были объявлены ересью и за их пропаганду грозило сожжение. В XX веке ситуация кардинально изменилась — церковь не спешит объявлять новейшие открытия и теории ересью. В противо-

¹ Лаплас П. Опыт философии теории вероятностей. М., 1908. С. 9–10.

вес статической концепции Вселенной А.Эйнштейна после известной работы А.А. Фридмана возникает убеждение в эволюции Вселенной. Аббат Леметр в известной работе «Расширение Вселенной» (*Lemaitre G. L. Univers en expansion // Annales de la Société des sciences de Bruxelles. 1933. Vol. 53 A. P. 51–83*) предложил квантовое описание гравитации и выдвигает идею «первоатома»¹. В модели «расширяющейся Вселенной» предполагается некая особая точка – сингулярная точка Большого Взрыва, с момента которого прошло, по словам Стивена Хокинга², не менее десяти тысяч миллионов лет (1 с десятью нулями). В 1951 г. католическая церковь провозгласила, что модель Большого Взрыва согласуется с Библией, с учением о семи днях творения. Как это может быть согласовано, если только не допустить, что семь дней творения – это метафора, а не математико-физический расчёт. Среди физиков назову имена Д. Джинса, Ч. Таунса и др. И православные богословы стремятся показать «неадекватность внерелигиозного рассмотрения мироздания»³. Принципиальное отличие научно-рационального и религиозного толкования достижений современной космологии заключается в том, что теология не может допустить самоорганизации Вселенной, а это один из важнейших принципов современной философии и науки. Современная космология не удовлетворилась допущением сингулярной точки Большого Взрыва. Ее теперь интересует, что же было до мгновения Большого Взрыва, было ли время до того, как возникло время? Она предлагает различные модели квантовой теории гравитации, используя нелинейную механику, теорию струн и суперструн и т.д. Она не ограничивается моделью «рас-

¹ В своей книге Ж. Леметр заявил: «Насколько я могу судить, такая теория полностью ставляет в стороне любой метафизический или религиозный вопрос. Она предоставляет материалисту свободу отрицать любое трансцендентное Бытие» (*Lemaitre O. The Primaeval atom hypothesis and the problem of the Clusters of the Galaxie s// La Structure et l' évolution de l' Univers. Bruxelles. 1958. P. 7*. Цит. по: *Казютинский В.В. Предисловие: физическая космология и культура // Космология, физика, культура. М., 2011. С. 9*). Несмотря на эти слова-предупреждения создателя релятивистской космологии, всё же решающей интерпретацией концепции Большого Взрыва является религиозная: рождение Вселенной – божественный акт. Космологический вакуум трактуется как Ничто, из которого актом творения Богом была создана Вселенная.

² *Хокинг Ст.* Краткая история времени. СПб., 2007. С. 97.

³ *Кириянов Д.* Современная научная космология и православное богословие // [www/dubus.by/modules/myarticles/article-storyid_1256.html](http://www.dubus.by/modules/myarticles/article-storyid_1256.html) (21 сентября 2013). Не думаем, что парадоксы современной космологии могут быть решены сносками на Григория Нисского, Иоанна Дамаскина и др.

ширения Вселенной», а предлагает различные концепции и модели расширяющейся Вселенной и ее связи с гравитацией (инфляционная космология А.Д. Линде, модель расширения и последующего сжатия и др.). Иными словами, она в поиске рационального решения трудных космологических проблем, которые весьма далеки от простого объяснения волей и замыслом Бога. Построено множество научно-теоретических гипотез и космологических моделей, но все же космология далека от решения проблем.

Наиболее известен подход Х. Эверетта, ставший общепризнанной многомировой моделью в работах Дж. Уилера и Б.де Витта (модель Мультиверса), где допускается множество параллельных Вселенных, в том числе возможных, потенциальных, и их актуализация в качестве реальной Вселенной, причем сознание наблюдателя оказывается включенным в процесс наблюдения и измерения. Б. Грин — один из специалистов в области теории струн описал девять вариантов теорий Мультиверса, причем некоторые из них исходят из принципа «каждая возможная Вселенная реальна»¹. Но это уже утверждал в своей концепции «модального реализма» Д. Льюис — американский ученый, а ещё ранее американский философ А. Лавджой в своем «принципе изобилия»². Хочу обратить внимание на статью А.С. Карпенко «Философский принцип полноты»³, в которой автор детально обосновывает новый принцип модальной онтологии — «всё возможное действительно». Само собой разумеется, что эта модальная онтология, исходящая из парменидова тождества мышления и бытия, имеет и космологические следствия: любые возможные логико-математические модели Вселенной оказываются реальными, но в таком случае все трудности перемещаются в выяснение ограничителей, накладываемых на эти возможности и переводящих их из сослагательного наклонения в действительный залог. Во всяком случае рационально-теоретическое и логико-философское обсуждение парадоксов и трудностей космологии ставит вопросы о смене способа мысли и не ограничивается рассуждениями «на то воля божия».

¹ Грин Б. Скрытая реальность. Парадоксальные миры и глубинные законы космоса. М., 2012.

² Lewis B. On the Plurality of Worlds. Oxford. 1986; Лавджой А. Великая цепь бытия. История идеи. М., 2001.

³ Карпенко А.С. Философский принцип полноты // Вопросы философии. 2013. № 6. С. 58–70. № 7. С. 95–108.

3. *Третье поражение философии* – исчезновение целого ряда категорий и универсалий прежней философии. Так, из философского арсенала исчезли такие понятия, как «внутренний мир», «идеальное». Это стало уже заметным для современных писателей, например для Людмилы Улицкой¹, но не для философов. И дело не в моде, ориентирующей человека на новизну – на новую одежду, новые слова, а в том, что из философско-логического оснащения исчезают и слова, и универсалии, и идеальные объекты, ими обозначаемые. Так исчезли из философского употребления такие слова, как «душа», «дух», «идеал». Ещё совсем недавно само слово «универсалия» считалось старорежимным, средневековым, которое должно исчезнуть из философии, как исчезла средневековая культура. Оказалось всё не так: сначала философы, ещё недавно отрицавшие возможность метафизики, повернулись лицом к проблеме универсалий, а затем и лингвисты стали кропотливо исследовать универсалии различных языков. Конечно, философия не может замкнуться в тезаурусе прежней философии, она постоянно расширяет свой категориальный и методологический аппарат, включая в него целый ряд понятий естественных и гуманитарных наук – «событие», «горизонт», «необратимость времени», «стрела времени», «точка бифуркации» и т.д. Имеет смысл ревизовать оснащение прежней и современной философии с тем, чтобы отделить ветхое от того, что заслуживает тщательного и обдуманного включения в арсенал рациональной философии.

4. *Четвертое поражение философии* состоит в банализации ее категориальных и методологических ресурсов, ее подходов, категорий и методов. Для того чтобы не быть голословным в оценках тривиализации философских категорий и методов, обращусь к интересному сборнику статей «Многообразие априори» (М. 2013). Уже на первой странице Предисловия его автор и редактор сборника А.И. Круглов с язвительной горечью упоминает, что на рынке вин существует мартина «Априори» (брют), шампанское «Априори» (полусладкое), шоколад «Априори» (горький, молочный и т.д.). В Москве, а не в Париже, вы можете посидеть в ресторане «Декарт», в кафе «Жан-Жак». Вряд

---

¹ «“Богатый внутренний мир” не только перестал быть мерилем человеческой ценности – само это выражение стало непригодно. Наверное, это одно из “отработанных” понятий. Так же, как и понятие “идеального”. Так бывает в культуре: старое выходит из моды» (*Улицкая Л.* Но какие зато в России женщины! // Новая газета. № 100. 09.08.2013. С. 20).

ли кто-нибудь будет считать такого рода названия вин и питейных институций завоеванием философским тезаурусом новых семантических полей.

Не только в этих фактах можно увидеть банализацию философских понятий и категорий, но и в крайне расширительной трактовке категорий *a priori* и *a posteriori*. Известно, что понятия априори и апостериори — это не совсем корректный латинский перевод греческих слов «первое для нас» (*πρότερον*) и «первое по природе» (*ὑστερον*). У Платона и особенно у Аристотеля эти понятия имели вполне определенный качественный смысл. Позднее, уже после признания двух видов доказательства — дедуктивного доказательства и демонстрации — априори стало относиться к первому типу знания, апостериори — к опытной демонстрации. Позднее понятие априори стало отождествляться с врожденным, апостериори — с приобретенным знанием, исходя из истолкования источников знания. Кант в «Критике чистого разума» применил латинское *a priori* к синтетическим суждениям. Трансцендентальная логика мыслится им как аналитика априорных условий знания, т.е. независимых от опыта, до-опытных и вне-опытных структур знания (созерцания и суждения). Апостериори — это знания, возможные только из опыта. Априорное отождествляется им с формальным, апостериорное — с чувственным, материальным.

В XX веке началось размывание понятий априорное и апостериорное. Э. Трельч начал говорить о религиозном априори. Р.Отто — об априорных принципах религии. Г. Коген выделяет три типа априори: 1) метафизическая первоначальность априорных созерцаний пространства и времени; 2) переходный от метафизического к трансцендентальному априори; 3) трансцендентальное априори, для которого пространство и время — чистые условия опыта. Для Г. Риккерта априори — характеристика ценностей. В феноменологии Э. Гуссерля априори приобретает весьма расширительный смысл — он говорил о материальном априори в противовес формальному априори, об объективистско-научном априори в противовес априори жизненного мира, об эстетическом, психологическом, историческом и процессуальном априори. Априорное противопоставляется им эмпирически данному, фактичности и реальному существованию. Он говорил об априорности времени, об априорной науке как науке о принципах, об универсальном априори жизненного мира. Для Хайдеггера

априори — бытийственная характеристика, бытие всегда заранее дано. Философия и есть априорное знание, поскольку она направлена на априори бытия. Онтологические положения — это априорные положения. М. Шелер ввел понятие ценностного априори как идеального единства значения, упорядочивающего не только опытные наблюдения, но и суждения, в том числе и моральные. Г.-Г. Гадамер говорит о герменевтическом априори. М. Фуко — об историческом априори, поскольку оно есть история действительно сказанного. К.-О. Апель — о коммуникационном априори. А. Шютц, повернув философию и социологию к аналитике повседневности, развернул концепцию повседневного априори.

Итак, мы наблюдаем весьма расширительную интерпретацию априори, смену одних концепций априорности другими, всё более и более размытыми и отдаляющимися от того смысла, который вкладывал в это понятие Кант. Априорность оказывается тем первичным, что кладется в основание всех форм знания, сознания и культуры. Таковым и начинают считаться (и не только в постмодернизме, а уже во французской феноменологии, в частности М. Мерло-Понти) морфологическое, телесное, психическое и т.д. Само собой разумеется, можно выдвинуть идею возвращения к кантовскому пониманию априорного и апостериорного, причем, осознавая значимость критики, например У. Куайном, его различения аналитических и синтетических суждений. Это тем более важно, что в современной космологии строится множество априори возможных конструкций, а опыт предоставляет принципы выбора между ними и обоснования выбранных конструкций. Та критика логического позитивизма, которая развернулась в 70-е годы прошлого века в т.н. постпозитивизме, привела не только к элиминации различий между теоретическим и эмпирическим уровнями знания, но и к очищению знания от эмпирической апостериорности, поскольку всякое эмпирическое знание — де нагружено теоретически.

Не буду говорить о банализации понятия «культура», которое стала прилагаться ко всему и вся — и к высокой культуре, и к массовой культуре, и к культуре быта и т.д. Это понятие стало настолько расхожим, что оно потеряло смысловое содержание и как ярлык стало прикладываться ко многим явлениям и процессам, которые весьма далеки от культуры. Об этом мы со Светланой Неретиной писали в книге «Время культуры» (СПб., 2000).

Упомяну о банализации понятия «дискурс», который из дискурсивно-логического рассуждения, соединенного с имажинативными смыслообразами, превратился в лингвистическую методiku анализа текстов различных произведений. Вместе с поворотом к лингвистике был утрачен важнейший импульс философского понимания дискурса — понимания альтернативности рассуждений в схоластической логике «Да» и «Нет» (от Петра Абеляра до Фомы Аквинского), в описании антиномий Кантом, который имел в виду альтернативность космологий Ньютона и Лейбница, в диалектической логике «тезиса» и «контртезиса» у Гегеля, в современной паранепротиворечивой логике, когда фиксируются возможные непротиворечивые и альтернативные рассуждения.

Резюме. Конечно, поражение философии — еще далеко не её разгром. Это постоянное столкновение различных мировоззренческих установок и ориентаций, сопровождаемое внутренним отходом философии от своих фундаментальных принципов — поиска истины, убежденности в достоверности конструируемых моделей и в утверждаемых принципах. Именно это пытается использовать теология, стремящаяся парализовать философскую веру и философское знание. Если бы поражение привело к отступлению на приготовленные позиции, то это еще можно было бы понять и оправдать. Но — увы — нет таких приготовленных позиций! Идет планомерная сдача своих позиций — сдача богословию.

Философия была и, надеюсь, будет квинтэссенцией культуры. В этих словах Гегеля, повторенных К. Марксом, фиксируется смысл философии, в наши дни противостоящей всем авраамическим религиям и их стремлению заместить философию. Впереди нас ждёт столкновение цивилизаций — исламско-восточной и европейско-рациональной. Первые залпы этой битвы цивилизаций уже раздались. И если европейско-рационалистическая цивилизация не сохранит свои рационалистические ценности, свой интеллект, представленный прежде всего в философии и в научном знании, она будет погребена под громадными пластами оккультизма, религиозного иррационализма и христианского клерикализма. Эти размышления движимы предчувствием опасности, стоящей не только перед рационалистической философией, но и перед европейскими цивилизациями в XXI веке.

Хочу напомнить слова Канта, высказанные относительно споров богословского и философского факультетов Кенигсбергского университета (1798), где он, говоря о притязании богословского факультета на то, чтобы философский факультет был его служанкой, заметил, что одно дело несет ли служанка шлейф позади теологии, а другое, когда она несет факел перед госпожой. Эта мысль великого мыслителя, причем верующего человека, перекликается с мыслью другого теологизирующего философа – Жака Маритена: «Всякий заблуждающийся философ подобен маяку на рифах, он говорит морякам: плывите подальше от меня; он позволяет людям ...выявлять ошибки, от которых они страдают, полно осознавать их и бороться против них. И в этом состоит существенная потребность общества, поскольку оно...общество личностей, наделенных интеллектом и свободой»¹.

---

¹ *Маритен Ж.* Философ в мире. М., 1994. С. 18.

Раздел II

ИДЕИ И ЧИСЛА

ГЛАВА 4.

НЕДОБРОКАЧЕСТВЕННЫЕ СЕГМЕНТЫ НАУКОМЕТРИИ

Наукометрия и библиометрический анализ как её часть в принципе не нуждаются в представлении и защите. Начиная с 60–70-х годов XX в. эта дисциплинарно оформившаяся область знания, вырвавшаяся из недр социологии науки, науковедения, постепенно заняла своё место в количественном (в основном) исследовании науки, а также получила то или иное практическое применение при разработке и осуществлении science policy, политики государств в отношении науки (не путать с научной политикой), при оценке результатов и динамики научно-исследовательской деятельности. Нет сомнения в том, что на этапах, когда особо затребована со стороны общества инновационная активность, как это происходит в России наших дней, значение науковедческой, в том числе наукометрической, информации существенно возрастает. (Затребованность со стороны общественного развития, что вполне понятно, не тождественна конкретной востребованности, которая зависит от определенных лиц и инстанций). Затребованная информация тем более должна быть объективной, достоверной, доброкачественной, что в свою очередь предполагает строгую оценку состояния дел в данной области. Особенно это касается России, где положение более сложное, противоречивое, чем в других странах.

С одной стороны, Россия оказалась в числе стран, которые достаточно интенсивно осваивали зарубежный опыт теоретической и прикладной социологии науки, науковедения. Что касается науко- и библиометрии, то еще в советское время данная сфера стала вполне профессионально развиваться у нас в стране¹. Сейчас в ней работа-

---

¹ Хайтун С.Д. Наукометрия: состояние и перспективы // Современная западная социология науки. Критический анализ. М., Наука, 1988; Хайтун С.Д. Количественные методы в западной социологии науки // Современная западная социология науки. Критический анализ. М., Наука, 1988; Маршакова И.В. Библиометрические

ют авторитетные отечественные специалисты; имеются специальные периодические издания¹. С другой стороны, сколько-нибудь самостоятельной и единой *национальной системы* регулярного обчёта науки у нас долгое время не было — прежде всего из-за отсутствия заказа и финансовой поддержки со стороны государства, без чего эта довольно дорогостоящая и институционально разветвлённая деятельность не могла системно оформиться, тем более плодотворно развиваться. Предпринимаемые сейчас попытки изменить ситуацию пока не привели к существенным сдвигам. В подобном положении, правда, оказалась не только Россия, но и многие страны, если не их большинство.

К настоящему времени оперативно и масштабно организованные базы данных — по преимуществу, если не исключительно, американские — фактически сделали для всего мира основными источниками и «законодателями» количественно-эмпирических обследований науки. Их повсеместному использованию в немалой степени способствовало то, что некоторые сегменты статистических обчётов (в их числе сравнительные схемы и графики) были более или менее добротными, носили именно фактический характер и могли подвергаться проверкам и уточнениям. Так, обобщённая и сравнительная статистика науки по «валу» и по динамике (число исследователей и научных учреждений, финансовые вложения государства и бизнеса в развитие науки и т.п.), расчёты по отдельным странам, группам научных дисциплин, конкретным наукам в целом воспринимаются с доверием. Такая информация используется на разных уровнях как внутри науки, так и вне её, например в конкретных сферах политики в отношении науки, тем более что все сравнения строятся на той статистике, которую предоставляют отдельные страны. В специальной наукометрической литературе, в том числе отечественной, степень доверия к целостной системе библиометрической информации и к её отдельным составляющим (например к базе данных ISI Thomson Scientific, то есть к ука-

---

исследования и социология науки // Современная западная социология науки. Критический анализ. М., Наука, 1988; *Игнатьев А.А.* Полевые наблюдения исследовательского труда: эволюция проблем и методов // Современная западная социология науки. Критический анализ. М.: Наука, 1988.

¹ В таких специализированных периодических изданиях, как «Науковедческие исследования» и альманах «Наука. Инновации. Образование» регулярно публикуются науко- и библиометрические работы.

зателю цитирования Science Citation Index, а также к базам данных по социальным наукам – Social Science Citation Index или к ISI National Science Indicators, где делаются попытки оценить сравнительный вклад стран в развитие науки)¹ достаточно высокая. Насколько обоснованно это доверие, остаётся вопросом, разрешение которого в значительной степени зависит от области научных знаний.

Говоря о *критической ситуации*, сложившейся к настоящему времени, я далека от того, чтобы возлагать главную вину на Thomson Reuters Corp. и другие, в основном американские, фирмы, занимающие господствующее положение на рынке информационной наукометрии. Они, как правило, выполняют свою работу профессионально, открыто объявляя и соблюдая как правила игры, так и её неизбежные рамки и ограничения (например, то, что обсчитываются в основном журнальные публикации). Вместе с тем, как будет показано далее, во-едино сплетается множество исторических данностей, предпосылок и следствий, которые «на выходе» способствуют, скорее, не отражению, а искажению количественных и тем более качественных параметров исследовательской деятельности учёных разных стран и различных специальностей. Понятно, что всю лавину информации, обрушивающейся на специалистов и потребителей, вряд ли возможно подвергнуть тщательной проверке. Вот почему за целые десятилетия основательная критическая работа, например, применительно к российской науке, здесь почти не проводилась.

И всё же сначала скажу о «хороших новостях» в отечественной наукометрии. В последнее десятилетие некоторые российские специалисты в данной области не просто обратили внимание на недостаточность исключительного и даже преимущественного использования – как основы для *качественных* оценок – базы данных корпорации Thomson Reuters Web of Science (WoS). Они всё чаще проводят в отношении российской науки собственные расчёты и существенно корректируют зарубежные данные. Показательными – наряду с публикациями И.В. Маршаковой-Шайкевич² – являются, скажем, исследования но-

---

¹ *Маршакова-Шайкевич И.В.* Россия в мировой науке. Библиографический анализ. М.: ИФРАН, 2008. С. 17.

² *Маршакова-Шайкевич И.* Анализ вклада России в развитие социальных и гуманитарных наук // Вопросы философии. 2000. № 8; *Маршакова-Шайкевич И.В.* Система цитирования научной литературы как средство слежения за развитием науки. М.: Наука, 1988.

носибирских специалистов¹. Они отмечают, в частности, что вопрос цитирования для учёных Сибирского отделения РАН (добавим: и не только для них) стоит очень остро. «Публикация в рейтинговых журналах существенно влияет на финансовые аспекты научной деятельности. Следует отметить, что применение зарубежных информационных ресурсов, таких как БД Web of Science (WoS), Scopus и др. для оценки российской науки имеет свою специфику. Количество российских изданий, учитываемых в БД, довольно ограничено. Эти базы страдают неполнотой некоторых полей и содержат ошибки постатейных списков литературы. Поэтому использовать индекс цитирования в качестве критерия оценки эффективности научного труда следует с осторожностью, подвергая количественные результаты смысловому анализу»². Названные авторы опираются на данные WoS только тогда, когда они не содержат существенных (на целые порядки) отклонений от действительной картины развития той или иной области знания. В то же время сибирские специалисты по наукометрии делают свои подсчёты и выносят собственные оценки. (Кстати, они подтверждают внушительное преобладание научного вклада институтов Академии наук перед другими учреждениями того же или сходного профиля, что немаловажно в свете необоснованных нападок на РАН.)

Впечатляет также серия прекрасных исследований тамбовского специалиста по наукометрии В.М. Тютюника, касающихся нобелевских премий и их лауреатов. Полнота, тщательный отбор и анализ фактов, оригинальность подхода в работах этого автора удивительны. Хочется специально отметить то внимание, которое он проявляет к проблеме международного признания российских нобелевских лауреатов и академиков (на примере химии). Хотя В.М. Тютюник и опирался на данные, полученные в различных центрах мира, но уточнял и корректировал их в свете исследований, проведённых в руководимом им Международном информационном нобелевском центре (МИНЦ) в Тамбове. В этом центре на основе учёта и обобщения «более 20 соответствующих проблемно ориентированных баз данных»³ накоплен колоссальный объём сведений по нобелистике.

---

¹ Павлова Л.П., Курбангалеева И.В., Дубровенко В.А. Научный потенциал Новосибирска: состояние и тенденции развития за последние 10 лет // Науковедческие исследования. 2009.

² Там же. С. 127–128.

³ Тютюник В.М. Лауреаты Нобелевских премий: наукометрические исследования // Науковедческие исследования. 2009. С. 152.

А вот теперь о «плохой новости»: в современной России (да и в других странах) мера бесконтрольного использования баз данных названных фирм, главным образом американских, остаётся огромной. Наблюдается к тому же тенденция, которая для оценки развития новой российской науки может стать поистине губительной. Отдельные авторы и институции, опираясь на базы данных частных фирм и организаций, которые завоевали господствующее положение на рынке наукометрических обчётов, в последнее десятилетие возымели отнюдь не только количественные, а качественно-содержательные претензии. Например, в некоторых сегментах наукометрии эти авторы дают сравнительные или «абсолютные» оценки вклада, продуктивности, участия или неучастия учёных целых стран в международном дискурсе — как применительно к комплексам научных дисциплин, так и к отдельным наукам. Беда в том, что именно наиболее категоричные, а не взвешенные и доказательные оценки были услышаны в России теми ретивыми чиновниками, которые всё настойчивее предлагают сделать наукометрические подсчёты и «меритократические» оценки (относительно «вклада», «продуктивности» и т.д.) чуть ли не главными критериями в суждениях о результатах деятельности учёных и научных учреждений.

Сейчас вал подобного чиновного «новаторского» рвения буквально накатывает на отечественную науку. Это тем более опасно, что претендующие на универсальность количественные расчёты научной продуктивности становятся основанием для распределения финансовых средств, для сравнительной оценки деятельности научных учреждений и даже негативных выводов о самой целесообразности их существования (например, РАН и её институтов). А поскольку собственной единой и высокопрофессиональной национальной наукометрической системы и службы в России нет и в ближайшее время не предвидится, мы рискуем стать всего лишь покорными потребителями зарубежных построений. (О вновь созданной, находящейся в процессе становления структуре РИНЦ нужен специальный разговор.) Вот почему, как я думаю, настоятельно необходимо, чтобы работающие учёные, представляющие разные дисциплины и страны, предметно осмыслили, сколь релевантны их областям и качественным, содержательным аспектам тех или иных наук «данные», «результаты» и «оценки», получившие в настоящее время достаточно широкое хождение и вроде бы подкрепленные авторитетом наукометрии, выводы которой основываются на якобы «точных» базах данных. Кому же, как не самим

учёным, оценить эти выводы с точки зрения соответствия или несоответствия реальному положению дел в их исследовательских областях.

Далее попытаюсь конкретно вникнуть в выкладки и оценки, относимые к той научной сфере, в которой сама работаю, то есть к философским наукам. Заранее скажу, что целый ряд известных мне «расчётов» и «выводов» вызывает у меня сильные сомнения в их достоверности, соотносённости с действительным положением дел. Изберу здесь в качестве примера конкретный аспект и акцент — международную публикационную активность отечественных философов первого десятилетия XXI в., а также отдельные наукометрические оценки их присутствия или отсутствия в международном философском дискурсе¹.

Вполне понятно, что не только для философии, но и для всей российской науки, особенно социогуманитарной, признание коллегами за рубежом — очень болезненная проблема. Истоки неблагоприятной для нас ситуации ясны. Она сложилась прежде всего как следствие многих объективных исторических обстоятельств: это языковые предпосылки — кириллица, повышающая трудность освоения русского языка; изоляционизм прежних десятилетий, марксистско-ленинская идеологизация социогуманитарных наук в советское время; сложившаяся среди зарубежных авторов практика не ссылаться даже на заинтересовавшие их публикации российских учёных, переведённые на иностранные языки². (Особенно сложное и по многим причинам далеко не объективное дело — цитирование. Но это касается не только российских учёных и не только философов. А потому «критерий цитирования» если и принимается, то с серьёзными сомнениями и оговорками. Проблему именно цитирования и соответствующих индексов, проблему сугубо специальную, я здесь разбирать не буду.)

Совокупность указанных обстоятельств привела к тому, что отечественным учёным даже в новую историческую эпоху мало что помогает — при прочих равных достоинствах их работ — получить известность и при-

---

¹ Будут использоваться данные Web of Science, а также новейшее отечественное исследование по этой теме: *Савельева И.М., Полетаев А.А.* Публикации российских авторов в зарубежных журналах по общественным дисциплинам в 1993–2008 гг.: количественные показатели и качественные характеристики. Препринт WP6 / 2009 / 02.

² К слову, даже применительно к советскому времени, не говоря уже о постсоветском периоде, это была и есть досадная асимметрия. Ибо наши философы, подобно другим специалистам в области социогуманитарных наук, несравненно лучше, чем их иностранные коллеги, знают и учитывают зарубежный исследовательский опыт.

знание в зарубежных странах. Поэтому существенные для россиян потери на этом пути почти неизбежны: если иностранные коллеги «замечают», цитируют публикации наших физиков, математиков, биологов и т.д. (тоже, как я догадываюсь, не в той мере, в какой они этого объективно заслуживают), то пока остается лишь надеяться на адекватную, справедливую оценку за рубежом вклада наших учёных социогуманитарного профиля. Эту долговременную тенденцию по-своему фиксирует зарубежная, а за ней и отечественная наукометрия. Однако нынешний наш разговор будет о другом — о произошедших в последние десятилетия изменениях, об общей ситуации, когда нас всё же стали замечать, когда мы уже достаточно солидно представлены в международном дискурсе, и это по идее должно быть зафиксировано и по достоинству оценено, но в действительности замалчивается или даже существенно искажается из-за целой системы кривых зеркал и бездоказательных выводов.

Например, применительно к отечественной философии весьма ценным было то, что даже в исключительно сложных внутренних и внешних условиях второй половины 80-х и в 90-х годах XX в. отечественная философия, освободившаяся от идеологической ограниченности и прочих социальных препятствий, вопреки всем неблагоприятным предпосылкам начала завоёвывать международное признание. Добросовестные отечественные специалисты по наукометрии на основе тщательного анализа уже тогда отметили этот факт: «В философии Россия, — писала И. Маршакова-Шайкевич, — занимает достойное место, её исследовательская активность на мировом уровне превышает аналогичные показатели таких развитых западных стран, как Франция и Италия»¹.

В последнее же десятилетие отечественная философия развивалась так, что с точки зрения её международного «присутствия» и признания совершила довольно быстрое и качественное продвижение вперёд (подробные доказательства будут приведены ниже). А вот в зарубежных, отчасти и в российских, науко- и библиометрических показателях и оценках это продвижение не только не получило адекватного отражения, но было количественно и качественно искажено. Количественно документируемый прорыв, с такими трудностями, но объективно осуществлённый сообществом отечественных философов, подтверждаемый и признанный непредвзятыми авторитетными зару-

---

¹ *Маршакова-Шайкевич И.В.* Анализ вклада России... С. 149.

бежными коллегами, тем самым оказывается скрытым за очередным «железным занавесом», на этот раз созданным не в политике, идеологии, а внутри самой «науки о науке»! (Кстати, становится ясно, что пресловутый «железный занавес» творился не только в СССР: к его созданию сильно причастны и те, кто находился и сейчас находится с другой его стороны. Одно хорошо: этот занавес отнюдь не был монолитным; в нем имелось немало дыр и брешей.)

Думаю, сказанное относится и к другим социогуманитарным дисциплинам. Постараюсь далее показать, с помощью каких средств такое искажение регулярно осуществляется в отношении современной отечественной философии.

1. Система кривых зеркал

Понятно, что вся система подсчётов в наукометрии, как и в других дисциплинах, зависит от источников, на которые опираются в данной области. Авторы, пишущие об этом, согласно констатируют: «Анализ числа журнальных публикаций и уровня их цитируемости чаще всего проводится на материалах базы данных Web of Science (WoS), принадлежащей ныне компании Thomson Reuters Corporation»¹.

В самом деле, отсылки именно к базам данных WoS повсеместны не только в наукометрии, но и вообще в литературе о науке. Следует, однако, учитывать, что WoS работает преимущественно с журнальными публикациями, а это применительно к социогуманитарным дисциплинам изначально определяет ограниченную значимость получаемых данных и выводов. Правда, охват используемых базами WoS журналов солидный (в настоящее время). Но поскольку эти базы включают очень большое количество научных дисциплин, постольку даже на каждую группу наук приходится ограниченное число «референтных» зарубежных, как правило, интернациональных журналов, из которых именно Thomson Corporation осуществляет свой отбор. Итак, главный

---

¹ Савельева И.М., Полетаева А.А. Указ. соч. С. 3. Сообщается также, что эта информационная система является старейшей в мире, её основал и в течение многих лет возглавлял Юджин Гарфильд, авторитетный специалист в данной области. О Ю. Гарфильде и истории его деятельности рассказывается в работах М. Петрова, С. Хайтуна, Е. Мирской, Э. Мирского, а также в моём большом исследовании, посвященном социологии науки, в частности школе Р. Мертона.

исходный для наукометрии факт состоит в том, что пирамида заключений и выводов покоится главным образом на деятельности Thomson Corporation с её системой Web of Science.

Здесь мы получаем *зеркало № 1*. Я попытаюсь последовательно доказать, что применительно к философии (не только отечественной), а также, видимо, и к другим социогуманитарным дисциплинам это зеркало все-таки искажает реальную картину публикационной активности специалистов тех наук и тех стран, относительно которых осуществляются якобы точные, количественные подсчёты. Какие есть основания для подобного утверждения? Перечислю главные.

- Специалисты объективно фиксируют тот факт, что Thomson Reuters Corporation (далее Th.R.) долгие годы была и остаётся *монополистом* в науко- и библиометрии. Конкурирующие системы (например база данных группы Scopus) чаще всего только упоминаются, ибо всегда находятся доводы, чтобы взять за основу базы данных WoS. Что вроде бы неудивительно (другой такой же мощной, профессионально добротной системы пока не возникло), но в конечном счёте связано с существенными издержками — если не для всех наук, то для каких-то их групп, для отдельных дисциплин и особенно для ряда стран, даже целых континентов.

- Некоторые авторы¹, говоря о монопольном господстве Th.R. и WoS, отмечают, что это означает *упрочение господствующего, если не монопольного положения американских исследований* в различных областях научной деятельности. Возможно, для физико-математических, естественных наук это в целом соответствует реальной картине, но для социогуманитарных дисциплин здесь изначально заключена исходная предпосылка серьёзных искажений. Многие методические ограничения, способы отбора публикаций, определяемые Th.R. и закладываемые в WoS, объективно «американизированы».

Далее будут приведены более конкретные примеры, относящиеся к философии. Речь пойдёт о том, что я называю *искажающим зеркалом № 2* и что характеризует изначальный отбор — прежде всего стран, журналы которых становятся, так сказать, точками отсчёта. Для всех дисциплин социогуманитарного комплекса таковыми (например, согласно данным И. Савельевой и А. Полетаева) *de facto* оказываются журналы «большой тройки» — США, Великобритании и... Нидерландов. (Проведённая мною проверка применительно к фи-

¹ Савельева И.М., Полетаев А.А. Указ. соч.

лософии подтвердила этот факт.) Какая-то форма «американизации» действительно имеет место. Таким изначальным и заведомым отбором американское доминирование как бы институционально закрепляется и преподносится другим странам в качестве некоей данности, с которой уже ничего не поделаешь. Этот факт якобы отражает «доминирующие позиции США как в экономике, так и в науке, в том числе в социально-гуманитарных дисциплинах»¹.

В дальнейшем я приведу доводы в пользу того, что в мировой философии *содержательного доминирования* чисто англо-американских философских тенденций, методов, подходов в действительности нет, да и быть не может. Что на самом деле отражается в искажающем зеркале № 2, так это кривое зеркало № 1. То есть, во-первых, отражается упомянутый долговременный монополизм мощных американских наукометрических корпораций; во-вторых, тот исторически обусловленный факт, что большинство авторитетных, престижных журналов, национальных и интернациональных, к настоящему времени издается в трёх перечисленных странах, прежде всего в США. А значит, в зеркале отражается и заведомое неравенство возможностей для учёных других стран, носителей других языков публиковаться в этих журналах.

Представляется оправданным утверждать: наукометрическая система и сфера — частный случай более масштабных процессов, у которых общим знаменателем объективно (вне зависимости от намерений самих специалистов) является утверждение *и в духовной сфере* модели однополярного, а не многополярного мира. В особой области, которой является наукометрия (не забудем, что это тоже сфера частного, в основном американского бизнеса), зеркала не таковы, чтобы отразить реальное положение дел в мировой науке: их задача — утвердить и закрепить интересы США (вместе с Великобританией) в важнейшей для современного мира сфере — научных исследованиях. Неслучайно «результаты» дискриминационны в отношении других языков и науки целого ряда стран.

Кривое зеркало № 3 — это отбор конкретных журналов (национальных и международных) в качестве исходных, учитываемых и обсчитываемых, *информационных единиц*. Вполне понятно, что выбор из моря журналов надо осуществлять, поскольку учесть даже основную их массу нереально. Но сама по себе необходимость не должна заслонять

---

¹ Савельева И.М., Полетаев А.А. Указ. соч. С. 7.

от нас то, насколько «избирательно» в систему включаются или не включаются прежде всего социогуманитарные журналы тех или иных стран. Что касается России, то учитываемое базой WoS их количество «стремится к нулю» (к 2009 году: по экономическим наукам — 0, по социологии — 1, по истории — 2, по философии — 1, а именно «Вопросы философии»). На этом фоне господство «выбора» в пользу американских, вообще англоязычных, журналов как бы молчаливо принимается в качестве некой «объективной» и нерушимой предпосылки.

Теперь я обращусь к вопросу о том, какие именно философские журналы были отобраны для обработки в базе данных WoS¹. Результаты неоднозначны, но нередко они производят негативное впечатление.

С одной стороны, список WoS (Journal List), охватывающий 156 философских журналов, в целом можно признать достаточно представительным и добротным. В него включено немало журналов, широко известных в мировом философском сообществе, в ряде отношений неплохо документирующих и реальное состояние современной философии как разветвлённой совокупности различных дисциплин (теории познания, логики, истории философии, этики, философии религии и т.п.), и их сложившуюся «локализацию» в тех или иных странах, регионах, в рамках специфических культурно-цивилизационных образований. Правда, в перечень включены также и некоторые национальные журналы, которые вряд ли когда-либо держат в руках специалисты из других стран. (Скажем, я сомневаюсь, что четыре включённых в список хорватских журнала могут служить «референтными» изданиями для иностранных философов.) Но само присутствие стран в мировом перечне — дело в целом информационно нужное и справедливое. С другой стороны, анализируемый список подтверждает сугубо неравномерную представленность в базах данных WoS различных стран и континентов. Более того, он закрепляет факт упомянутого ранее количественного доминирования «большой тройки» — США, Англия, Нидерланды. В него попали: 55 журналов, издаваемых в США, 19 — в Англии и 17 — в Нидерландах². Иными словами, на долю этих

¹ Мы провели анализ списка журналов (The Master Journal List) по электронному источнику: <http://scientific.thomson-reuters.com/cgi-bin/jrnlist/jrnresults.cgi>

² Включение в эту тройку Нидерландов (страны, участие которой в философских исследованиях более чем скромное) объясняется просто: здесь издаются в основном международные журналы, что обусловлено концентрацией в этой стране мощных издательских корпораций.

стран приходится 91 учитываемая единица, или почти две трети всех отобранных и обрабатываемых Th.R. философских журналов. Приведу данные по другим странам: Германия — 9 журналов, Испания — 7, Франция — 6, Италия — 6, Бельгия — 6, Канада — 5, Хорватия — 4, Бразилия — 2, Словакия — 2, Литва — 2, Румыния — 2. Одним журналом в списке Th.R. представлены Мексика, Словения, Колумбия, Филиппины, Чехия, Южная Африка, Тайвань и Россия.

Для правильной оценки такого, прежде всего количественного, американского и английского доминирования в журнальной сфере надо принимать в расчёт, что немало периодических изданий, выходящих в США, Англии, Нидерландах — как, кстати, и в Германии, Франции, Испании, Бельгии, — являются международными (их названия нередко начинаются со слов «International Journal...»). Получается, что американцы и англичане больше других работают в интересах всего мира и что выборки Th.R. лишь фиксируют это обстоятельство. Одно, во всяком случае, верно: по ряду исторических причин США, Англия и Нидерланды куда раньше и масштабнее, чем другие страны, вложились в перспективное, как оказалось, дело создания целой сети добротных, хорошо финансируемых национальных и интернациональных журналов, в том числе философских. На деле же в данном случае сплелось влияние немалого числа предпосылок и факторов, делающих это, казалось бы, лишь количественное и как будто объективное лидирование *противоречивым явлением*, не только заведомо неблагоприятным для ряда стран, но и в итоге дискриминационным для целых регионов и цивилизаций.

Я попытаюсь конкретно показать, почему рассмотренная, на первый взгляд добротная, выборка журналов, осуществлённая Th.R., если она становится главным, а тем более единственным информационным источником, способна превратиться в кривое во многих отношениях зеркало.

Скажу сначала о простых практических причинах возможных и, увы, часто превращающихся в действительность информационных искажений, в результате которых мировой философии «ненавязчиво» навязываются американизированные образцы. Философы североамериканского континента, как и Англии, естественно, используют все преимущества от локализации философских журналов (в том числе интернациональных по замыслу, но американизированных по проблематике, методам, содержанию) на родной американской или английской почве. Кроме того, учёные, для которых английский —

родной язык, обладают и языковыми преимуществами (несмотря на интернационализацию английского языка). В результате философам неанглоязычных стран Европы, тем более Азии и Африки, получить доступ в американские или английские журналы чрезвычайно трудно, а для подавляющего большинства и вовсе невозможно.

Есть и внутринаучные обстоятельства, объясняющие нерелевантность использования только или главным образом базы данных Th.R. для оценки результативности исследовательской активности учёных. Речь пойдёт об объективном факте дробной, весьма разветвлённой специализации современных философских исследований, которая предполагает наличие для каждого из таких специализированных ответвлений своих профессиональных журналов, альманахов, ежегодников. Поэтому отсутствие публикаций в журналах ограниченной выборки WoS может ничего не говорить о количестве и тем более качестве зарубежных публикаций учёных, как и вообще об их представленности в интернациональном дискурсе. Как ни парадоксально, зависимость здесь может быть как раз обратной.

В подтверждение сказанного приведу конкретный пример. Для очень сильной, международно признанной (а в мировом сообществе, возможно, уникальной) группы отечественных философов-востоковедов перечень WoS исключительно неблагоприятен. Правда, в этом перечне фигурирует ряд востоковедческих философских журналов («Asian philosophy», «Arabic Science and Philosophy», «Journal of Chinese Philosophy», «Philosophy East and West» и др.), но это, как правило, журналы, издаваемые в США. Между тем российские философы-востоковеды, блестяще владеющие восточными языками, имеют обыкновение публиковать свои работы в книгах и журналах (и на языках) арабских стран, Китая, Индии, Японии, Кореи и других азиатских культур. Это нельзя не признать их огромным профессиональным преимуществом и основой для их широкой признанности в тех странах, философией которых они, собственно, занимаются. Но это преимущество вдруг оборачивается слабостью! Ибо журналы и альманахи этих восточных стран отсутствуют в перечне WoS.

Можно назвать много других национальных и интернациональных журналов, имеющих достаточно высокую профессиональную репутацию, но не вошедших в выборки Th.R. Упрекать эту корпорацию не приходится: выборку так или иначе делать надо. Но следует понимать (особенно в случае претензий на качественные выводы), что для ряда

стран и специализаций база данных WoS создаёт своего рода «слепые зоны», ибо исключает из рассмотрения как раз те журналы, в которых философы этих стран и специализаций традиционно публикуются. В дополнение к тому, что сказано о поистине грустной ситуации с публикациями российских философов-востоковедов, назову некоторые авторитетные зарубежные журналы и альманахи, в которых регулярно появляются статьи философов России, но которые не учитываются системой WoS. Это, например, «Cahier critiques de philosophie» (Франция), «Hume Studies» (Англия), «Studi Slavistici» (Италия), «Studia Spirozana», «Social Epistemology», «Символ» (Париж—Лион—Москва), «Foundations of Society» (США), «International Journal of Technology» (Германия), «Zagadnienia Filozoficzne w Nauce» (Польша) и немало других. Итак, несмотря на все усилия и, хотелось бы верить, лучшие намерения, зеркало WoS оказывается кривым: оно неравномерно, порой несправедливо, отражает зарубежную публикационную активность учёных немалого числа стран.

Кривое зеркало № 4 тоже связано с принципиально неудовлетворительной системой подсчёта, принятой Th.R. и базами данных WoS. Речь идёт преимущественно об учёте журнальных публикаций (ибо из книг выборочно учитываются только Proceedings, — т.е. материалы конференций). Возможно, это несущественно для математиков, естественников, специалистов в области технических наук, но исключительно неблагоприятно для представителей социогуманитарных дисциплин, особенно из таких стран, как, скажем, Франция, Германия, Россия, в которых исследователи, публикуя статьи, всё же традиционно отдают предпочтение солидным, фундаментальным книгам. Скажем, каким абсурдом было бы при оценке вклада в мировую философию таких гениев, как Кант или Гегель, принимать в расчёт не три кантовские «Критики» или гегелевскую «Науку логики», а только статьи, Kleinschriften, как говорят немцы.

Заведомое отбрасывание базами данных WoS именно книг приводит к аберрации, особенно серьёзной в случае чьих бы то ни было попыток делать далекоидущие качественно-содержательные выводы. Ибо в реальной, не искажённой кривыми зеркалами международной научной практике публикация индивидуальных или коллективных монографий наших авторов за рубежом по праву ценится очень высоко, особенно если речь идёт о престижных издательствах и сериях. Например, выдающийся современный питерский философ А.Г. Чер-

няков (к несчастью, безвременно ушедший из жизни летом 2010 года) издал в весьма престижной книжной серии «Phaenomenologica» прекрасную монографию, которую сам написал по-английски. Каждому понятно, что такая монография стóит десятка статей (причём её главы, по существу, могут засчитываться как статьи). Но в том-то и дело, что в системах WoS и в опирающихся на них выкладках подобные факты заведомо, «по определению» приравнены к нулю!

Поскольку явочным порядком утвердилась описанная выше система кривых зеркал, постольку отечественные авторы, пишущие о наукометрии или работающие в ней, должны бы сами остерегаться и остерегать других от того, чтобы делать на её основе обобщающие качественно-содержательные выводы и оценки. Отечественные ученые могли бы сыграть свою роль также и в том, чтобы обоснованно, документированно корректировать — применительно к отечественной науке — данные и выводы зарубежных фирм, которые по тем или иным причинам способствуют грубому искажению реальной картины. Некоторые из наших специалистов так и поступают¹. Но есть и совсем иные «образцы». В таких случаях делаются не количественные, а качественные выводы о мере «присутствия», «представленности» учёных тех или иных стран и дисциплин в соответствующем международном дискурсе. Вот почему приходится говорить ещё и об *искажающем зеркале № 5*, имея в виду вторичные выводы и оценки именно отечественных авторов. Для меня одним из таких примеров, к немалому удивлению и огорчению, стал... препринт И. Савельевой и А. Полетаева, на который я раньше неоднократно ссылалась. Несмотря на все отмеченные ранее резонные оговорки и предостережения этих авторов относительно монополизма и объективно возникших

¹ См.: *Маршакова-Шайкевич И.В.* Анализ вклада России...; *Она же.* Система цитирования ...; *Павлова Л.П., Курбангалеева И.В., Дубровенко В.А.* Указ. соч.; *Тютюнник В.М.* Указ. соч.; *Савельева И.М., Полетаев А.А.* Указ. соч.; Научные организации в условиях реформирования государственного сектора исследований и разработок: результаты социологического исследования. М., 2007. www.csr.s.ru / INET PUBLIC / 03 г.; *Арапов П.Г.* Наука и информация // Отечественные записки. 2002. № 7. С. 167–180; *Маркусова В.А.* Цитируемость российских публикаций в мировой научной литературе // Вестник РАН. 2003. № 4. С. 291–298; *Маркусова В.А.* Индустриально развитые страны и Китай в борьбе за лидерство в развитии нанотехнологии: обзор научной литературы по библиографическому анализу публикаций в сети Web of Science и Scopus, 1993–2007 гг. // Научковедческие исследования. М.: Языки славянской культуры, 2009.

изъянов системы WoS, они положили именно её и только её данные в основу ряда своих выводов качественно-меритократического характера, в том числе касающихся отечественной философии. Эти авторы в раздельчике с красноречиво-хлёстким названием «Нищета философии» делают общий вывод: «Даже со всеми этими оговорками представительство российских авторов в мировом философском дискурсе выглядит мизерабельно»¹.

На каких основаниях сделан этот вывод? Прежде всего, как уже сказано, с опорой исключительно на расчёты WoS, по которым участие российских философов в зарубежных журнальных публикациях за обширный и непосредственно интересующий нас период 1993–2008 гг. ограничивается 3–4 статьями ежегодно (кстати, социологам «повезло» ещё меньше: они якобы публикуют в год за рубежом 2–3 статьи!). Проведённая мною проверка показала: в базе данных WoS действительно приводится список из 62 публикаций российских философов в иностранных журналах в 1993–2008 гг. Поскольку трудно сомневаться в том, что перечень, составленный Th.R., точен с точки зрения ее систем подсчета, нам следует самокритично признать: через воздвигнутый историческими обстоятельствами «железный занавес», до сих пор препятствующий публикации работ российских философов в учитываемых WoS американских и английских журналах, мы пока не пробились. Если учесть, что список WoS включает в себя также и журналы некоторых других стран, а также международные периодические издания, то, действительно, слабую представленность в них нельзя не считать *существенным недостатком деятельности российского философского сообщества*.

Так, может быть, замечание А. Полетаева и И. Савельевой в адрес наших философов справедливо? Нет, считаю, что они неправы. (Мне приходится оспаривать их выводы, даже и зная о прискорбном факте – безвременной смерти А. Полетаева в сентябре 2010 года). Исключительная (и некритическая, как оказывается) опора на данные и выкладки Th.R. – это, по сути, использование подсчётов, которые на целые порядки цифр расходятся с реальными количественными данными, но особенно – с совокупностью качественных показателей, характеризующих участие современных российских философов в международном дискурсе. И. Савельева и А. Полетаев, к сожалению,

---

¹ *Савельева И.М., Полетаев А.А.* Указ. соч. С. 27–28.

забыли о собственных предостережениях относительно системы WoS, не проявили желания хоть как-то скорректировать данные этой базы, учитывая реальное положение дел в отечественной философии. А ведь необходимость такого корректирующего подхода давно отстаивают ведущие специалисты наукометрии, также и отечественные. Например, И.В. Маршакова-Шайкевич справедливо отмечала уже в своей работе 1988 года: «...для некоторых областей знания... необходимо разрабатывать систему поправочных коэффициентов на те публикации и тех авторов, которые по ряду причин, и прежде всего из-за языковых барьеров, недостаточно цитируются за рубежом»¹. Нам без сопоставления с действительным положением вещей никак не обойтись.

2. Представленность современных отечественных философов в международном философском дискурсе

Строго говоря, сводки WoS не обязаны давать сколько-нибудь полные сведения о количестве зарубежных публикаций учёных тех или иных стран. Данные, конечно же, приводятся выборочные. Однако отклонения на целые порядки цифр, которые приходится фиксировать применительно к целостной реальной картине, ставят под сомнение если не саму ценность расчётов WoS, то, во всяком случае, правомерность основанных на них содержательных обобщающих выводов.

Некоторые известные мне документированные подсчёты, наблюдения, факты не позволяют взять данные WoS, относящиеся к отечественной философии, даже за основу. Так, в Институте философии РАН в последние годы регулярно издаются научные отчёты за истекший год. (Любая объективная проверка может подтвердить их достоверность.) Из них следует, что сотрудниками института ежегодно публикуется 130–150 книг и более 1–1.5 тыс. статей, за рубежом – от 40 до 80 статей, причём в престижных журналах, альманахах, книгах, издаваемых в США, Великобритании, ФРГ, Франции, Италии, Китае, Индии и других странах. И это только цифры по ИФРАН. Никак нельзя не учитывать продуктивное участие в международном дискурсе философов крупнейших университетов России – МГУ, СПб ГУ, РГГУ, Высшей школы экономики, университетов Новосибирска, Томска, Перми, Ростова-на-Дону.

---

¹ *Маршакова-Шайкевич И.В. Система цитирования ...*

Учесь и их публикации за рубежом при желании совсем нетрудно: университеты сообщают о таких публикациях на своих сайтах.

Если произвести даже не полные, пусть выборочные, но добросовестные подсчёты, полагаю, станет ясно: речь идёт о сотнях ежегодных зарубежных публикаций отечественных философов в весьма авторитетных зарубежных изданиях, что и отдалённо не сходится с зафиксированным WoS показателем — 3–4 статьи. Это — количественная сторона вопроса. Говоря о качественной стороне, необходимо учитывать совокупность объективных факторов разного рода. Скажу о некоторых из них (применительно к отечественной философии, хотя рассматриваемые далее факторы, уверена, имеют значение не только для нее).

При оценке присутствия в международном дискурсе обязательно надо принимать в расчёт представительство отечественных философов в редколлегиях престижных международных журналов и книжных серий. Во всём мире это считается важным показателем признания учёных той или иной страны. Естественно, он не может быть очень высоким, особенно среди философов России. Тем более важно, что десятки наших учёных, представляющих эту область, включены в международные редколлегии влиятельных журналов и книжных серий. Но немало числа этих авторитетных журналов, не говоря уже о книжных сериях, как бы вообще не существует, если судить по выборкам WoS.

Сосредоточенность баз данных WoS на ограниченном количестве заранее отобранных журналов, как уже отмечалось, вообще-то понятна, ибо и в этом случае работа проводится огромная. Но если основываться только на этом, остаются вне всякого учёта и рассмотрения такие весомые для интернационального дискурса факторы, как *участие российских учёных в международных проектах*, из которых долговременные и крупные особенно престижны и показательны. То же можно сказать и об участии в международных философских съездах, конференциях, коллоквиумах, об организации подобных мероприятий в России, о солидных российских или международных публикациях по их итогам, а также о стипендиях и премиях, которых отечественные философы были удостоены всемирно известными зарубежными научными фондами, о присуждении им зарубежными университетами докторских степеней *honoris causa*. Кроме того, наши философы удостоивались государственных наград зарубежных государств (кстати, при полном пренебрежении со стороны собственного государства, щедро раздающего ордена, скажем, звёздам шоу-бизнеса).

Правда, система WoS (и другие сходные системы) по определению не учитывают подобных качественных факторов. Но если те или иные авторы переходят к качественным оценкам международного представительства, не принимать во внимание совокупность упомянутых составляющих научной деятельности более чем недобросовестно с профессиональной точки зрения.

Качественный показатель представленности в международном дискурсе – то, в какой мере философы, признанные в своей стране, получили *известность и признание за рубежом* (в том числе в странах, философской мысли которых они посвятили свои исследования). Российских философов, полностью удовлетворяющих этим критериям, сегодня не только достаточно много – их число, думаю, сопоставимо со средней численностью ныне живущих интернационально значимых их коллег из других стран с богатой философской традицией. Это исследователи, представляющие разные философские дисциплины и разные поколения: *Н. Автономова, М. Степаняни, В. Стёпин, А. Круглов, П. Гайденко, Т. Ойзерман, Д. Разеев, В. Молчанов, П. Резвых, Е. Борисов, Е. Князева, В. Лысенко, С. Хоружий, А. Огурцов, В. Горохов, В. Садовский, Б. Юдин, Э. Соловьёв, А. Смирнов, А. Карпенко, А. Козырев, В. Миронов, В. Васильев, А. Гусейнов, А. Доброхотов, Д. Дубровский, В. Лекторский, И. Блауберг, А. Руткевич, А. Лебедев, Т. Артемьева, Н. Лапин, В. Бычков, Ю. Синеокая, И. Болдырев, А. Назарчук, Г. Майоров, Р. Апресян, В. Федотова, Н. Юлина, В. Подорога, М. Рыклин, Е. Афонасин, Е. Петровская, В. Порус, В. Малахов, В. Брюшинкин, В. Визгин, И. Вдовина, П. Тищенко, М. Громов, Б. Капустин, А. Карамурза, В. Кантор, Л. Карелова, В. Шохин, И. Касавин, М. Киселёва, В. Толстых, Н. Ефремова, А. Кобзев, И. Лисеев, Л. Маркова, С. Неретина, А. Фокин, В. Петров* и многие другие. Их работы, что легко проверить, регулярно публикуются (нередко и цитируются) за рубежом.

В приведённом списке курсивом выделены те фамилии, которые включены в упомянутый ранее список WoS (62 публикации). В данном списке публикаций есть и другие имена: О. Седакова, Л. Науменко, С. Мареев, А. Майданский, Б. Вазюлин, С. Серебряный, С. Анисимов, А. Титаренко, В. Кувакин, Е. Дубко, В. Соколов, В. Губман (учтены журнальные публикации начиная с 1992 г. по списку WoS). Это, в частности, позволяет на конкретном материале доказать, что в «зеркале» WoS отражается картина, существенно отклоняющаяся от действительного положения дел. Во-первых, приведенный мною далеко не полный пере-

чень публикующихся за границей философов *более чем наполовину* превышает их число, попавшее в сети WoS. Во-вторых, применительно чуть ли не ко всем, кто был этими сетями уловлен, имеются значительные отклонения от совокупного количества их зарубежных публикаций.

Для философии (и не только) устоявшаяся практика исключения из подсчётов зарубежных публикаций именно книг, тем более таких, где коллеги из разных стран уполномочивают наших учёных быть редакторами, соредакторами и авторами, тоже ведёт к существенному искажению целостной картины, характеризующей международный авторитет российских специалистов.

Приведу красноречивый и достаточно типичный пример. Видный отечественный философ-востоковед, создатель целого направления и уникального Центра российских исследований восточных философий М. Степанянц только с 2003 по 2007 г. подготовила (в качестве ответственного редактора, соредактора и одного из авторов) четыре солидных международных труда, опубликованных в США, Индии, Италии, Франции. Две её индивидуальные монографии опубликованы в США и Вьетнаме, а статьи М. Степанянц в зарубежных журналах исчисляются десятками. Её работы постоянно цитируются, включаются в библиографии многими зарубежными авторами, она первый вице-президент Международной федерации философских обществ, заведует одной из философских кафедр ЮНЕСКО. Но поскольку база WoS не учитывает не только книги, но и некоторые из тех журналов, в которых регулярно появляются публикации М. Степанянц, то её – на деле масштабное – участие в международном философском дискурсе вопреки фактам существенно приуменьшается. Подобные примеры показывают, какую скрупулёзную корректирующую работу ещё предстоит провести нашим науковедом, если они претендуют на убедительные качественные оценки и воссоздание реальной сравнительной картины развития социогуманитарных наук.

Упомяну ещё об одной области работы отечественных авторов, которая одновременно является ареной международного сотрудничества: это наши завоевавшие признание в мире специальные периодические издания – ежегодники, альманахи (такие как «Логические исследования», «Историко-философский ежегодник», «Системные исследования» и др.). Например, недавно вышло в свет новое издание – «Ишрак. Ежегодник исламской философии» (2010. № 1). Судя по всему, это уникальное издание. Достаточно обратить внимание на

внушительную редакционную коллегию, объединяющую виднейших востоковедов (прежде всего философов) современного мира. Кто-то может сказать, что редколлегии по большей части носят декоративный характер. Но тогда взгляните на публикации первого номера: в нём представлены известные специалисты из США, Японии, Канады, Ирака, Турции, Египта, Испании, Латвии, не говоря уже о России. Не уверена, что подобным документированным признанием и именно международным сотрудничеством могут похвастаться многие страны.

Вот почему вызывают удивление претендующие на универсальность выводы и о зарубежных публикациях, и о цитируемости наших авторов, основанные лишь на данных WoS. Приведу слова И. Савельевой и А. Полетаева о цитируемости: «Строго говоря (?!), за 15 лет лишь одна публикация российского автора привлекла хоть какое-то внимание западных философов – речь идёт об опубликованной в 1994 г. статье Алексея Нестерука, в настоящее время работающего в Великобритании. Очевидно (?!), что у философов даже “региональный фактор” не работает. Если в предшествующих случаях мы наблюдали повышенное внимание к российской экономике, социологии и истории, то к “русскому духу” интереса явно нет. Больше нам сказать, увы, нечего»¹.

Необходимо упомянуть ещё об одном факте. Иногда в наукометрических публикациях с пренебрежением относятся к таким событиям, как предоставление российским авторам целых номеров в международных журналах, в частности, в тех, которые изначально посвящены российской философии и культуре. Получается, что философы ИФРАН должны чуть ли не стыдиться того, что солидный, издаваемый на нескольких языках международный журнал «Диоген» в 2009 г. – в честь 80-летия института – целый номер отвёл российским авторам, или что этой дате посвящён ряд номеров обновлённого (учитываемого в списке WoS) журнала «Russian Studies in Philosophy», ответственным редактором которого недавно стала в прошлом российский философ, а ныне профессор Университета Северной Каролины (США) Марина Быкова. Этот журнал (несмотря на солидную стоимость ежегодной подписки) хорошо расходуется в США и других странах.

Приведённые примеры свидетельствуют, что отчасти в силу монопольного положения фирм, подобных Th.R., но ещё больше вследствие

---

1 Савельева И.М., Полетаев А.А. Указ. соч. С. 40.

«качественных» искажений картины рядом авторов, работающих в области наукометрии, сложилось парадоксальное, абсурдное положение: именно наиболее известные российские учёные, имеющие международное признание, и как раз в периоды их наиболее активного «присутствия» на международной арене не попадают в наукометрические сетки, которые вроде бы должны давать адекватное отображение ситуации.

Кто-то может заметить, что базы Th.R. искажают международное значение публикационной деятельности даже немцев, итальянцев, французов, не говоря уже о представителях признанных философских держав азиатского или латиноамериканского континентов. Что, конечно, верно, но не может быть каким бы то ни было оправданием. Задержимся на этом моменте, касающемся не только России. Защитники практикуемых Th.R. методов, то есть преимущественного, если не исключительного, использования базы данных WoS, подчас делают вид, что «объекты» их обследований (учёные, дисциплины, страны) находятся в равном положении. На деле их «равенство» перед американоцентристской наукометрией мнимое, причём и в формальном, и в содержательном отношениях, поскольку мерилom и критерием становятся американские подходы и тенденции. Мы дожили до того, что европоцентризм, некогда господствовавший в философии, всё больше уступает место американоцентризму, объективно дискриминирующему, например, интересную и уже интернационально замеченную философскую мысль стран Южной Америки. Очевидная несправедливость проявляется и относительно некоторых стран Европы. При том что в перечень WoS включены, как отмечалось, четыре хорватских журнала, два журнала из Словакии, там почему-то не оказалось журналов из Польши, философское сообщество которой всегда было достаточно сильным. Нет в (проанализированном мною) списке и журналов Норвегии, Дании, Швеции, Финляндии. Что же касается философии азиатских стран, то ситуация выглядит поистине удручающей: в перечне нет ни одного (!) философского журнала (издаваемого на родном языке) из Китая, Японии, Индии, то есть стран с богатой философской традицией, игнорирование которых — величайший абсурд и явная дискриминация.

* * *

Итак, система кривых зеркал приводит к следующему общему искажению: англо-американская философия, являясь вполне определённой

ной, специфической, весьма интересной и значимой формой развития современной философии, вовсе не стала и по принципиальным основаниям вряд ли когда-либо станет непререкаемым (как получилось в базе WoS) образцом для исследователей всех стран и народов. Хотя философия, будучи наукой, в целом и главным является единой, интернациональной, её специфические формы, тенденции, традиции, тематические и проблемные акценты в разных странах и на разных континентах не единообразны, плюралистичны. Так, есть исторические и содержательные особенности развития того, что называют «континентальной философией» или «восточными философиями». Никто прямо не говорит об утрате значимости этими цивилизационно, культурно устойчивыми разновидностями философии по сравнению с философией США. Неравноправие и искажение складываются как бы сами собой.

На деле именно имена виднейших философов Европы конца XX — начала XXI в. — это одновременно и первые имена мировой философской мысли: Ю. Хабермас, П. Рикёр, Ж. Деррида и другие. Конечно, нельзя забывать и видных американских философов, скажем, Р. Рорти или Х. Патнема. Крупные европейские мыслители изучили, освоили, использовали лучшее из современной англо-американской философии, но не пожертвовали традициями, преимуществами «континентальной», в частности, немецкой и французской философии.

Обобщая, можно сказать, что англо-американская философия в современном мире и качественно, и даже количественно отнюдь не лидирует. (Исторически обусловленный факт доминирования американских и английских журналов и их преимущественный учёт в системе данных Th.R., конечно же, не тождествен мировому лидерству в философской науке.) В мировом дискурсе философов, скорее, имеет место вполне здоровая конкуренция и конвергенция идей, подходов, методов. Но в подсчётах, основанных только или преимущественно на базах данных WoS, всё выглядит иначе. Эти данные через обрисованную систему кривых зеркал снова и снова ставят на пьедестал философию США и Англии, а на задворках — вопреки фактам — оказываются такие признанные «философские» страны, как Германия, Франция, Италия, Китай, Индия и уж тем более Россия. (В последнее время, правда, фиксируются некоторые сдвиги в пользу «новых игроков», стран с повысившейся философской активностью.)

Что касается сказанного выше в защиту философии России, то хочу быть правильно понятой. Близкую к реальности картину при-

сутствия современной отечественной философии в мировом философском дискурсе я стремилась восстановить совсем не потому, что считаю её радужной. Картина эта по-прежнему обрисовывает объективные трудности и противоречия, наши собственные упущения на пути вхождения в интернациональное сообщество. В этой статье, скорее, представлялось необходимым продемонстрировать, сколь неразумно и несправедливо, если не сказать резче, ничтоже сумняшеся перечёркивать результаты, достигнутые в последние десятилетия благодаря огромным усилиям.

Итак, тут речь идет об *учете динамики*, особенно достаточно быстрых, именно актуальных изменений, о которых – применительно к философии – говорится в данной статье. Но дело не только в философии. Ибо к сказанному ранее следует присоединить существенный момент: в базах данных WoS¹ имеет место как бы узаконенное рутинной сложного, многопланового дела *отставание баз данных от динамики развития самой науки* на пару-другую лет, а от новейших тенденций, возможно, и на целое десятилетие. Thomson Reuters Corp. и сама признает, а отчасти и корректирует сложившееся положение. Убедительный пример – представленный Корпорацией относительно свежий, от 2010 года, документ – аналитический отчет о динамике развития российской науки в самое последнее время².

В отчете отмечается, что трудный для российской (естественной) науки период 1994–2006 годов уступает место подъему и что сотрудничество ученых разных стран с российской наукой выгодно и для них³.

Правда, для контекста и формата нашей статьи отчет не показатель: новейшая динамика развития и философии, и большинства социогуманитарных наук (за исключением, возможно, психологии) в нем не отражена. Но вот тем чиновникам и громко вещающим по TV ретивым

---

¹ На них, напомним, наши чиновные «реформаторы» абсурдно призывают опираться *сегодня*, для учета *актуальных* заслуг, показателей эффективности и признанности, для получения учеными грантов, а то и зарплаты на *будущий* год, для составления отчетов за *текущий* год и т.д. <http://library.hse.ru>; Global Research Report – Russia: Research and Collaboration in the New Geography of Science. Jan. 2010. <http://researchanalytics.thomsonreuters.com/pdf/grr-russia-jan10>; Волхонка 14. М.: ИФРАН, 2010.

² См.: Global Research Report – Russia: Research and Collaboration in the new Geography of Science. January 2010. – <http://researchanalytics.thomsonreuters.com/m/pdf/grr-russia-jan10.pdf>.

³ Подробнее см.: Ibid.

геростратам, которые горазды клеймить отечественную науку (прежде всего академическую) как неэффективную, даже «в бозе почившую», Report по существу дает ответ: слухи о ее смерти сильно преувеличены...

Надеемся, когда-то Thomas R. Coop. «обнаружит», пусть запоздало, и признает следующий факт: философия к настоящему времени, по крайней мере в некоторых исследовательских областях и звеньях (философия и методология науки, логика, гносеология, история философии, этика), уже достигла или почти достигла уровня, сопоставимого с мировым, а отчасти и стала конкурентоспособной. И это в определенной, совсем немалой, мере признано за рубежом.

Приведу несколько оценок и суждений зарубежных коллег (в данном случае только касательно международной роли ИФРАНа). Вот слова Р. Аре (Наггé), заслуженного профессора Джорджтаунского университета, директора Центра философии естественных и социальных наук Лондонской школы экономики: «Я знаю по личному опыту, что Институт философии всегда играл важную роль в налаживании контактов между российскими учёными и учёными Великобритании. Кроме того, институт является значительным центром интенсивной интеллектуальной деятельности, которая включает в себя ряд важных и знаменитых на весь мир издательских проектов». По мнению К.Э. Аппиа (Appiah), профессора философии Рокфеллеровского университета и Центра гуманитарных ценностей Принстонского университета, председателя Исполкома американской философской ассоциации, «этот центр философских исследований (ИФРАН. — Н.М.) играет важнейшую роль не только в интеллектуальной жизни России, но и в философском диалоге всего человечества». Польский философ Я. Рыбак: «Деятельность ИФРАНа охватывает весь спектр областей философских исследований, он получил как национальное, так и международное признание»¹. Учёт целостного контекста деятельности философского сообщества России подкрепляет и усиливает значимость этих оценок уважаемых зарубежных коллег.

Кроме того, хотелось подать знак тем отечественным специалистам, представляющим другие научные дисциплины, которым небезразлично, что их работу отражают и оценивают через кривые зеркала якобы точных, а на деле тенденциозных наукометрических данных.

---

¹ Волхонка 14. М.: ИФРАН, 2010. С. 100–101, 104.

ГЛАВА 5. РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ И ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ В ИССЛЕДОВАНИЯХ: ИСТОКИ ПРОТИВОСТОЯНИЯ

В последние годы в недрах сначала Министерства образования и науки РФ, а затем и Федерального агентства научных организаций (ФАНО) начала разрабатываться и интенсивно внедряться в практику управления наукой система, призванная объективно оценивать результативность, а тем самым и стимулировать эффективность научной деятельности. Несмотря на то, что эта система, в основу которой положено количество статей, публикуемых исследователем или исследовательской группой, лабораторией и т.п., в статусных научных журналах, вызывает множество нареканий, её настойчивое продвижение в практику управления наукой продолжает набирать обороты.

Об этом свидетельствует, в частности, одномоментное появление в мае 2015 г. триплета проектов руководящих документов: распоряжения Правительства Российской Федерации «О программе фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период», исходящего от ФАНО плана структуризации научных организаций и приказа Минобрнауки «Об утверждении методических рекомендаций по распределению субсидий, предоставляемых федеральным государственным учреждениям, выполняющим государственные работы в сфере научной (научно-исследовательской) и научно-технической деятельности».

Сразу хотелось бы обратить внимание на то, что единовременное появление этих трех проектов никак не свидетельствует об их согласованности между собой. Так, в проекте правительственного распоряжения речь идет о некоей единой едва ли не для всей отечественной науки Программе исследований; при этом, с одной стороны, провозглашается, что она будет строиться на основе «сетевой» модели организации исследований, однако совсем рядом в качестве «скреп» для ее построения формулируются вполне традиционные принципы

жесткого иерархического соподчинения. В то же время в документе, подготовленном ФАНО, говорится о *совокупности* национальных научно-исследовательских программ, которые *«могут»* (курсив мой. — Б.Ю.) представлять собой Единую программу научных исследований или Национальную исследовательскую инициативу, подразделяющуюся в свою очередь на программы...».

Как бы то ни было, одной из стержневых идей всех названных документов остается использование определенных количественных показателей для оценки результативности и эффективности исследовательской деятельности. Разработкой и внедрением такой системы на протяжении ряда лет занимается Министерство образования и науки РФ, так что в дальнейшем мы будем называть её СМОН — система Минобрнауки.

В дискуссиях по поводу результативности исследовательской деятельности и критериев ее оценки часто высказывается такой аргумент: СМОН и те системы оценки, которые при ее разработке выступали в качестве моделей, подходят для естественных наук¹, но не позволяют отражать специфику того, чем занимаются гуманитарные науки, включая философию. Эта специфика заключается в том, что статья в научном журнале является далеко не единственной формой публикации результатов исследований в гуманитарных науках.

Так, в философском сообществе принято считать ведущей формой представления исследовательских результатов монографию как фундаментальный результат продолжительных исследований. Сразу замечу, что я не считаю такую позицию ни единственно возможной, ни бесспорной. С моей точки зрения, вполне приемлемой является и другой подход гуманитария, когда он предпочитает «малые формы» своей исследовательской деятельности, ограничиваясь публикацией журнальных статей. Возможно, в какой-то момент эти статьи будут объединены под одной обложкой, став главами монографии. Столь же возможно и то, что «монографический исследователь» будет время от времени публиковать фрагменты своей работы в виде отдельных статей². Но ни то, ни другое нельзя рассматривать в качестве обяза-

¹ Впрочем, как мы увидим, и по поводу приемлемости этих моделей для естественных и математических наук высказывается немало серьезных сомнений.

² В монографии Э.М. Мирского «Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки» (М.: Наука, 1980) была представлена другая модель взаимоотношений между научной статьей и монографией. Статья — это сообщение

тельного требования, по крайней мере до тех пор, пока не будет сформулирован и утвержден (и, что особенно важно, «интернализован» научным сообществом) соответствующий нормативный акт. Впрочем, скорее всего сообщество сочтет такую норму неоправданным ограничением свободы научного творчества.

Если же мы принимаем позицию «монографического исследователя», это ведет нас к кардинально иной трактовке как единиц, так и масштабов измерения продуктивности. Вместо ежегодной публикации *n* журнальных статей во главу угла придется ставить подготовку монографии, что занимает *m* лет. Таким образом, оказывается под вопросом правомерность самого принципа ежегодной оценки продуктивности исследовательского труда¹.

Еще одной дискриминируемой частью творчества ученого-гуманитария оказывается его популяризаторская и публицистическая деятельность. Отметим прежде всего, что популяризация выполняет более широкий круг функций применительно к гуманитарному, чем к естественнонаучному знанию. В сфере естественных наук до недавнего времени принято было считать, что популяризация, как бы ни была она важна с точки зрения укрепления статуса науки в обществе, тем не менее не входит в круг неперенных профессиональных обязанностей исследователя. Если же говорить о гуманитарных науках,

---

о только что происшедшем «на переднем крае» исследований. Некоторая часть эшелона статей получает освещение в обзоре, рассматривающем результаты нескольких связанных по своей проблематике исследований. Еще дальше от переднего края отстоит эшелон монографий, в котором обобщаются наиболее значимые результаты исследований в данной области знаний за последние годы. И наиболее удален от переднего края эшелон учебников, в которые попадают лишь самые фундаментальные исследовательские достижения последних десятилетий. Так происходит продвижение (а вместе с тем и конденсация, сжатие) знаний от переднего края науки до уровня, на котором они воспринимаются студентами (аспирантами), в противоположном же направлении пролегает путь от студента (аспиранта) до исследователя, способного самостоятельно обнаружить перспективную научную проблему и провести ее исследование. Нетрудно заметить, что СМОН настроен таким образом, что он фиксирует лишь первые два уровня той работы со знаниями, которую приходится выполнять исследователям.

¹ Имеет смысл обратить внимание на то обстоятельство, что и система грантовой поддержки исследований, по крайней мере так, как она организована в наших крупнейших фондах – РФФИ, РГНФ и РНФ – в целом тоже ориентирована на статью как основной результат исследовательской деятельности. Это только усиливает асимметрию, затрудняющую проведение фундаментальных исследований в гуманитарных науках.

то здесь есть все основания утверждать, что она является не выходом за пределы, не просто продолжением, а необходимой стороной собственно познавательной деятельности.

Впрочем, тенденции развития современной науки таковы, что популяризация результатов исследований все чаще начинает рассматриваться в качестве составной части самого исследовательского процесса не только в социальных и гуманитарных, но и в естественных науках. Объясняется это тем, что социальная поддержка науки становится сегодня все более значимым ресурсом, жизненно необходимым для ее развития. Вместе с тем эта поддержка отнюдь не гарантирована: для ее обеспечения и государству, и научному сообществу необходимо выработать и реализовывать активную, целенаправленную политику.

На прежних стадиях развития науки ее взаимодействие с обществом ограничивалось, в общем и целом, именно популяризацией науки и ее достижений. Ныне, по мере движения к обществу знаний, решение такого рода задач, а значит, и деятельность научного сообщества по популяризации научных достижений, с одной стороны, становится все более важной. Но, с другой стороны, самой по себе такого рода деятельности оказывается недостаточно. Поэтому во многих развитых, да и развивающихся странах в последние годы уделяется значительное внимание поиску путей и механизмов, выработке технологий более активного вовлечения общества, в том числе многочисленных неправительственных организаций, в определение приоритетных направлений научно-технического развития.

В целом деятельность ученых, направленная на ознакомление широкой общественности с тем, чем они занимаются в лабораториях, становится сегодня все более и более важной и необходимой. Дело в том, что возможность получения ресурсов, необходимых для развития науки, во многом определяется уровнем доверия общества к науке. В свою очередь, и та информация о результатах и перспективах исследований, которую сообщают ученые, привлекает все более широкое внимание, особенно в тех случаях, когда исследования касаются вопросов здоровья и безопасности людей.

Учитывая это обстоятельство, многие исследователи, а также и научные учреждения уделяют все более серьезное внимание популяризации своей научной деятельности и в целом тому, что можно назвать «работой с общественностью», пиаром. Порой для этого внутри научных учреждений создаются даже специальные подразделения.

Между тем научные традиции предписывают, чтобы те сведения, которые адресуются широкой аудитории, предварительно были удостоверены научным сообществом. На практике это обычно достигается тем, что результаты исследований первоначально публикуются в научных журналах – сам факт такой публикации означает определенную степень признания сообществом исследовательского результата. В наши дни, однако, эта норма действует не так уж непреложно – подчас СМИ сообщают о новых научных достижениях одновременно или даже раньше, чем специализированные научные издания. И, следовательно, широкая аудитория получает такую информацию, которая еще не прошла экспертизу научного сообщества.

Это вызывает особую тревогу, когда речь идет, к примеру, о новых методах лечения серьезных болезней или о возможных негативных экологических, токсических, генетических и т.п. последствиях тех или иных широко распространенных в быту материалов, технологий, продуктов питания, медикаментов и пр. Такая информация, с одной стороны, вызывает повышенный интерес аудитории и, с другой стороны, может провоцировать в обществе необоснованные ожидания либо опасения.

Другая проблема состоит в том, что в контактах с широкой аудиторией наиболее успешными оказываются те, кто хотя и не пользуется никаким авторитетом в научном сообществе, тем не менее берется выступать с сенсационными заявлениями якобы от лица науки. Весьма характерный пример в этом отношении – постоянно появляющиеся в прессе сообщения о том, что вот-вот родится или уже родился клонированный человек. В итоге же получается, что людям более известны имена шарлатанов, будоражащих общественность, чем тех, кто ведет серьезные и ответственные исследования в этой области.

В ноябре 2005 г. Генеральный директорат по исследованиям и разработке технологий Европейской комиссии организовал семинар на тему: «От науки и общества к науке в обществе: определение рамок кооперативного исследования»¹. Формулировка темы весьма примечательна, поскольку за ней стоит принципиально новое понимание со-

---

¹ FROM SCIENCE AND SOCIETY TO SCIENCE IN SOCIETY: TOWARDS A FRAMEWORK FOR 'CO-OPERATIVE RESEARCH'. Report of a European Commission Workshop Governance and Scientific Advice Unit of DG RTD, Directorate C2 Directorate General Research and Technology Development. Brussels, 24th – 25th November 2005.

циальной роли науки и характера ее взаимоотношений с обществом. Имеется в виду, что наука и общество соотносятся между собой не как две автономных сущности, а скорее как часть и целое. Выражение «наука в обществе» призвано зафиксировать в качестве реалии современного общества более непосредственную, более, если угодно, тесную связь науки и общества.

Следующим важным шагом в этом направлении стал доклад «Глобальное управление наукой», подготовленный в 2009 г. группой экспертов для Генерального директората по исследованиям Европейской комиссии¹. В докладе, в частности, отмечалось, что взаимоотношения науки с традиционной национальной политикой являются амбивалентными: с одной стороны, ученые ищут от правительств признания и финансовой поддержки, с другой стороны, те же ученые могут оказывать сопротивление правительственному контролю. В свою очередь, правительства стремятся к тому, чтобы их решения были легитимизированы наукой, в то же время пытаются формировать науку в соответствии со своими собственными интересами. Авторы доклада формулируют ряд рекомендаций, среди которых отметим следующую: «От всех ученых требуется делать результаты их исследований настолько широко доступными, насколько это возможно — путем открытого доступа к протоколам публикаций»². Это требование широкой доступности, между прочим, имеет самое непосредственное отношение к проблеме добросовестности при проведении исследований. Ведь тем самым, с одной стороны, затрудняется фальсификация исследовательских данных, а с другой стороны — открывается максимум возможностей для независимой их проверки. Сегодня, как мы увидим позже, такая широкая доступность исследовательских данных рассматривается как один из показателей качественно проведенного исследования.

Особый интерес в этой связи представляет пример Великобритании, где на протяжении ряда лет проводится целенаправленная политика по укреплению социальной поддержки науки. В этой связи имеет смысл обратить внимание на доклад, опубликованный в 2006 г. фондом Wellcome Trust — одной из крупнейших организаций, финан-

---

¹ Global Governance of Science. Report of the Expert Group on Global Governance of Science to the Science, Economy and Society Directorate, Directorate-General for Research, European Commission. Brussels, 2009.

² Ibid. P. 9.

сирующих исследования (его годовой бюджет — около 600 млн. фунтов стерлингов). Доклад озаглавлен «Включаясь в науку: мысли, дела, анализ и действие»¹.

Авторы доклада отмечают, что корни участия общества в науке уходят в глубь времен. Однако в отличие, скажем, от времен Ньютона природа взаимоотношений между учеными и непрофессионалами сегодня существенно изменилась, она в значительно большей мере является двунаправленной.

С момента возникновения Лондонского Королевского общества джентльмены считали важным присутствовать при проведении экспериментов, так что публика всегда была в сфере интересов науки, хотя формы ее участия отнюдь не были постоянными. Популяризация науки — отнюдь не феномен одной лишь сегодняшней реальности.

Вскоре после Второй мировой войны, как известно, наряду с преклонением перед наукой в общественном мнении возникают и новые нотки разочарования, враждебности или просто недоверия по отношению к ней. Вместе с тем ученые предпочитали прятаться в своих раковинах, осуждая в своей среде тех, кто рискует обращаться к публике.

В 1985 г. был опубликован подготовленный под руководством известного генетика У. Бодмера доклад Лондонского Королевского общества, озаглавленный «Понимание науки обществом»². Вскоре после этого под эгидой Королевского общества был создан комитет по этой проблеме, а затем возникло и общественное движение, ставящее своей целью повышение научной грамотности общества. Доклад Бодмера отразил беспокойство влиятельных научных кругов по поводу того, что отступление ученых от контактов с обществом достигло таких масштабов, которые ставят под угрозу финансирование научных исследований. После выхода в свет этого доклада в Великобритании в беспрецедентных масштабах начинают поощряться ученые, стремящиеся делать свои дисциплины открытыми для общественности и общаться с нею.

В 1995 г. Комитет, возглавляемый астрономом сэром Арнольдом Уолфендэйлом, подготовил для Бюро по науке и технике парламен-

---

¹ Engaging Science: Thoughts, deeds, analysis and action. Ed. John Turney. Wellcome trust, 2006.

² Public Understanding of Science. Report of a Royal Society ad hoc Group endorsed by the Council of the Royal Society, 1985.

та Великобритании доклад, посвященный пониманию науки обществом¹. Одна из рекомендаций доклада состояла в том, что ученые, которые получают финансирование для своих исследований из государственных фондов, обязаны сообщать о результатах этих исследований общественности. В 2005 г. Совет по науке и технике при премьер-министре Великобритании опубликовал универсальный этический кодекс поведения ученых, в котором говорится, что ученые должны «стремиться к обсуждению проблем, которые наука ставит перед обществом»².

Теперь ученых, подающих заявки на финансирование исследований, спрашивают об их планах взаимодействия с общественностью, и организации, которые осуществляют такое финансирование, используют различные схемы, призванные способствовать взаимодействию с общественностью.

Впрочем, как показывали результаты социологических опросов, к 2000 г., несмотря на все усилия и затраты, научная грамотность граждан не повысилась. В этом контексте комитетом по науке и технологиям палаты лордов парламента Великобритании была инициирована подготовка нового доклада³. В начале XXI века, отмечается в нем, вопрос о взаимоотношениях науки и общества приобретает иные очертания: теперь становится ясно, что суть его — не в низкой научной грамотности населения, а в том, что наука и базирующиеся на ней новые технологии ставят человека перед лицом новых трудностей, новых проблем. На смену «дефицитной» модели коммуникации науки и общества, в рамках которой главной проблемой считается недостаточность имеющихся у рядовых людей научных знаний, невежество населения в области науки, приходит другая модель, которая подчеркивает необходимость диалога между учеными и гражданами и самого серьезного отношения к знаниям и верованиям публики⁴.

---

¹ Wolfendale Committee. (1995). Final report. London: Office of Science and Technology. Retrieved from <http://www.dti.gov.uk/ost/ostbusiness/puset/report.htm>

² Council for Science and Technology. (2005). Universal ethical code for scientists: Consultation letter and code. P. 4. Retrieved from www.cst.gov.uk/cst/business/files/ethical-code-letter.pdf.

³ См.: House of Lords Science and Technology Committee. Science and Society. Third Report of Session 1999–2000. (HL 38) London: The Stationery Office; 2000. www.publications.parliament.uk/pa/ld199900/ldselect/ldsctech/38/3801.htm [accessed 5 June 2006].

⁴ Ibid. P. 14.

«В современных демократических условиях наука, как и любой другой игрок на публичной арене, может игнорировать установки и ценности людей только во вред самой же себе. Наш призыв ко все более широкому и интегрированному диалогу с публикой направлен на то, чтобы сохранить за наукой лицензию на свою деятельность», — говорится в докладе¹.

В 2002 г. начинают говорить о кризисе самой методологии, на которой базируется концепция понимания науки обществом (PUS - public understanding of science). На смену ей постепенно приходит другая концепция — (PEST, public engagement in science and technology), название которой можно перевести как «включенность общества в науку и технологию»².

Но если для естественных наук включенность, вовлеченность общества — это то, чего надлежит достигать, к чему надо стремиться, то в гуманитарных науках нечто подобное предполагается изначально. Дело в том, что знание, получаемое в гуманитарных науках, вообще говоря, воспринимается субъектом, которому оно адресовано, иначе, чем знание естественнонаучное. Каждый воспринимаемый таким субъектом новый квант знания о мире природы добавляет нечто к тем знаниям, которыми он уже обладает; при этом в каких-то случаях дело не ограничивается простым суммированием — оказывается необходимой еще и определенная перегруппировка, перестройка имеющихся у него знаний.

Знания, вырабатываемые в гуманитарных науках, имеют наряду с этим еще и другой вектор. Они призваны так или иначе воздействовать на сферу ценностей воспринимающего их субъекта, в них должен наличествовать существенный элемент суггестии, побуждения к тому, чтобы субъект-потребитель этих знаний в каких-то аспектах переосмыслил свои ценностные предпочтения и установки. Следовательно, речь в данном случае идет не столько о добавлениях к существующим массивам гуманитарных знаний, сколько именно о переосмыслении, переоценке этих предпочтений и установок. И естественно, такой посыл обращен, в конечном счете, не к коллеге по профессиональному сообществу (которое в данном контексте

---

¹ Ibid.

² См., напр., “From PUS to PEST”, *Science*, vol. 298, 4th October 2002. P. 49; Nico Pitrelli. The crisis of the “Public Understanding of Science” in Great Britain. *JCOM* 2 (1), March 2003. P. 1–9.

выступает лишь в качестве инстанции, удостоверяющей – исходя из принятых критериев научности – приемлемость данного фрагмента знания), а к широкой публике.

Иначе говоря, в современном обществе гуманитарные науки выступают в качестве такого института, который обладает социально санкционированным доступом к сфере выработки и пересмотра ценностей и смыслов. А это значит, что когда ученый-гуманитарий выступает в роли популяризатора или публициста, он несколько не выходит за рамки своих профессиональных обязательств, а напротив, в полной мере их выполняет. Между тем те информационные каналы, по которым осуществляется такая деятельность, никоим образом не фигурируют среди библиометрических баз, на которых опирается СМОН.

Разумеется, профессиональная деятельность ученого-гуманитария включает те аспекты, которые могут быть учтены и сочтены библиометрическими средствами. Однако эти средства, как мы видим, способны фиксировать далеко не все то, что входит в круг его профессиональных интересов и обязанностей.

* * *

Само по себе использование такого критерия, как количество публикаций (будь то общее или количество публикаций в рецензируемых журналах), в качестве едва ли не единственного и уж во всяком случае определяющего для оценки научной продуктивности влечет за собой целый ряд негативных последствий, затрагивающих интересы всего научного сообщества. Какие-то из этих последствий достаточно отчетливо обозначились уже сейчас, другие могут обнаружиться в более или менее близком будущем.

Вообще говоря, сами попытки предложить те или иные критерии, притом формализуемые, для оценки продуктивности исследователей свидетельствуют, помимо всего прочего, об определенных напряжениях, возникающих во взаимодействии научного сообщества и структур, призванных вырабатывать научную политику и обеспечивать ее реализацию. Если прежде такого рода оценка почти исключительно рассматривалась как внутреннее дело научного сообщества, то в последние десятилетия властные структуры (а также и бизнес, и многообразные социальные группы и движения) становятся все более активными при определении как приоритетных направлений иссле-

дований, так и того, насколько эффективно используются ресурсы, выделяемые на исследования.

Такая активность вполне естественна, поскольку именно эти социальные агенты наиболее причастны к выделению финансовых и иных ресурсов для исследователей и, следовательно, проявляют наибольший интерес к тому, как используются эти ресурсы. Здесь, однако, лежит первый источник напряжений, поскольку критерии для оценки результативности, эффективности и т.п. исследований у научного сообщества, с одной стороны, и у внешних агентов, с другой, как правило, не совпадают.

Вообще говоря, эти результативность и эффективность должны оцениваться как многомерные параметры, что не может учитываться в полной мере, если в основу оценки кладется количество статей либо производные от этой величины, такие, как количество статей в рецензируемых журналах или параметры, основывающиеся на цитируемости тех же статей.

Все эти меры, с одной стороны, встречаются в штыки многими представителями научного сообщества, которые считают их, как сказал бы И. Лакатос, карикатурой реальной исследовательской деятельности, огрубляющими и примитивизирующими ее содержание и смысл. С другой же стороны, они не учитывают того, что в первую очередь интересует внешних агентов. Действительно, если научное сообщество ставит на первое место приращение так или иначе обоснованных, подтвержденных и, что особенно важно, новых знаний, то для внешних агентов основное — это новые, способные дать тот или иной исчисляемый практический эффект технологические решения.

Оценки, основанные на измерении количества статей, не позволяют охарактеризовать именно тот аспект результативности исследований, который наиболее важен для научного сообщества, что не может не отразиться на его отношении к таким оценкам. Да и само по себе количество статей является всего лишь производной от выполненных исследований, особенно тех, что получают высокую оценку коллег. А с точки зрения традиционного этоса науки именно качество проведенных исследований выступает главным основанием для доступа к источникам финансирования новых исследований, которые позволяют получить новые качественные результаты, и т.д.

Однако в науке, настроенной на поиски новых технологических решений, главные источники финансирования исследований нахо-

дятся в распоряжении внешних агентов, которые обычно не очень-то компетентны в оценке научного качества исследований, а следовательно, и научных статей. Эти агенты ориентируются прежде всего на технологическую эффективность и, соответственно, потенциальную коммерческую ценность исследований. Таким образом, критерии, основанные на количестве и цитируемости статей в научных журналах, в некоторых важных отношениях все чаще оказываются недостаточными для оценки продуктивности исследователей как со стороны тех, кто их непосредственно проводит, так и со стороны их потенциальных потребителей.

Более того, когда во главу угла ставится такого рода одномерный критерий, это порождает феномен, который в психологии называют «сдвигом мотива на цель», когда действия вступают в противоречие с породившими их мотивами. Как отмечал А.Н. Леонтьев, «в результате происходит сдвиг мотивов на цели, изменение их иерархии и рождение новых мотивов — новых видов деятельности; прежние цели психологически дискредитируются, а отвечающие им действия или вовсе перестают существовать, или превращаются в безличные операции»¹. В нашем случае такой дискредитируемой оказывается цель получения нового знания, а то, что первоначально выступало как средство — публикация статьи, информирующей коллег о проведенном исследовании и, следовательно, о достижении этой цели, теперь оказывается самой по себе целью. Таким образом стимулируется гонка за количеством публикаций, нашедшая выражение в известном афоризме «publish or perish» — публикуй или погибай.

Неадекватность такого подхода проявляется, в частности, в том, что входят в употребление различные, мягко говоря, не очень добросовестные технологии искусственного «накачивания» этих количественных показателей. Это, прежде всего, три главных прегрешения перед нормами добросовестного проведения исследований: плагиат, фабрикация, фальсификация. Это, далее, и ложное соавторство, и привлечение (разумеется, за отдельную, и весьма немалую, плату) к написанию статей тех, кто не участвует в исследовании, но умеет составлять «гладкие» тексты для научных журналов. Это — и технология т. наз. «салями слайсинг», когда одно проведенное исследование

---

¹ Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1977. С. 210.

подобно батону колбасы «нарезается» на мелкие кусочки, каждый из которых описывается в отдельной статье. Это — и то, что называют автоплагиатом, т.е. переписывание из статьи в статью того, что получено в одном исследовании. В последние десятилетия попытки борьбы с такого рода грязными технологиями стали объектом пристального внимания в рамках международного движения за добросовестное проведение исследований.

Сегодня проблема добросовестности при проведении исследований и публикации их результатов (*scientific integrity*) привлекает все большее внимание не только научного сообщества, но и государственных структур, ответственных за формирование и реализацию политики в области науки и, в конечном счете, общества в целом. Было проведено четыре Всемирных конференции по добросовестности в исследованиях: в Лиссабоне (2007 г.), Сингапуре (2010 г.), Монреале (2013 г.) и Рио-де-Жанейро (2015 г.). На Сингапурской конференции было принято Заявление о добросовестности в исследованиях¹, а на Монреальской — Заявление о добросовестности в кросс-граничном сотрудничестве исследователей². Следует отметить, что организаторы этих конференций подчеркивают независимость как самих конференций, так и принимаемых на них заявлений от официальной политики стран или организаций, оказывающих поддержку в их проведении. Тем самым организаторы стремятся акцентировать то обстоятельство, что данная инициатива исходит непосредственно от научного сообщества.

Конечно, в научном сообществе всегда так или иначе осознавалось то обстоятельство, что время от времени имеют место недобросовестные, недостоверные исследования, факты подтасовки, фальсификации результатов, плагиата и т.п.

Пренебрежение этими нормами научной добросовестности было чревато негативными последствиями как для самого нарушителя, так и для научного сообщества. Нарушитель — в случае, если его проступок будет обнаружен, — мог подвергнуться санкциям со стороны коллег. Что касается сообщества, то подтасованные или сфальсифицированные данные могут, если на них будут опираться в своих исследованиях коллеги нарушителя, породить целую цепь недостоверных результатов.

---

¹ http://www.singaporestatement.org/Translations/SS_Russian.pdf

² http://www.wcri2013.org/Montreal_Statement_e.shtml

Впрочем, в той мере, в какой эти негативные последствия не выходили за пределы научного сообщества, можно было рассчитывать на то, что действующие внутри сообщества механизмы самокоррекции позволят достаточно быстро преодолеть эти последствия. Действительно, чем более значимым сфальсифицированный результат представляется с точки зрения тех исследований, которые проводятся на переднем крае науки, чем, следовательно, в большей мере он будет использоваться в этих исследованиях, тем скорее будет обнаружена его ненадежность. В то же время сфабрикованный результат в публикации, которая не вызвала никакого отклика со стороны коллег, окажется — именно в силу его не востребуемости — безвредным для сообщества.

В последние десятилетия, однако, ситуация быстро и резко меняется. Один из ведущих специалистов по проблематике добросовестности в исследованиях американский историк науки Николас Стенек пишет: «Озабоченность общественности нарушениями этических норм при проведении исследований впервые проявилась в начале 1980-х годов, когда в печати было опубликовано несколько сообщений о фактах вопиющих нарушений. Один исследователь напечатал под своим именем десятки статей, ранее опубликованных другими. Другие в той или иной форме фальсифицировали результаты проведенных исследований. Усугубило ситуацию то, что создавалось впечатление, будто в ряде случаев исследовательские учреждения старались игнорировать или намеренно покрывали такие факты, а не расследовали их. В конечном счете, вмешался Конгресс и потребовал, чтобы федеральные министерства и агентства и научно-исследовательские институты разработали документы, регламентирующие меры на случай нарушения этических норм»¹.

В марте 2007 г. экспертная группа Европейской комиссии опубликовала доклад «Добросовестность в исследованиях. Обоснование действий Европейского сообщества»². В докладе, в частности, обсуждался следующий вопрос: иногда говорится, что ненадлежащее поведение в исследованиях — это преступление, которое обходится без жертв.

¹ *Nicholas H. Steneck*. ORI introduction to the responsible conduct of research. Washington, D.C.: Dept. of Health and Human Services, Office of the Secretary, Office of Public Health and Science, Office of Research Integrity, 2003. P. 12.

² Integrity in Research — a Rationale for Community Action //, see: http://ec.europa.eu/research/science-society/document_library/pdf_06/integrity-in-research-ec-expert-group-final-report_en.pdf

Считается при этом, что когда исследование будет повторено другими, фальсификация или неполнота данных будет обнаружена. Однако такие повторные исследования проводятся далеко не всегда, да и при их проведении такие неверные данные не обязательно обнаруживаются. В целом же, как отмечается в докладе, «ненадлежащее поведение исследователей вызывает много жертв. В их числе:

- пациенты, которые участвуют в мошенническом исследовании или пользуются его результатами;
- общество, доверие которого ко всем вообще исследованиям поддается;
- лица, принимающие решения, которые начинают сомневаться в надежности данных, на которые они опираются;
- налогоплательщики или компании, деньги которых тратятся понапрасну;...»¹.

Сколько-нибудь точных сведений о распространенности ненадлежащего поведения исследователей немного. Тем не менее существующие данные говорят о том, что масштабы подобных явлений весьма значительны. Так, один из опросов, проведенных в США в 2002 г., в котором участвовало 3600 ученых среднего возраста и 4160 исследователей, недавно защитивших диссертации, чьи проекты были поддержаны НИИ, дал такие результаты: 33 % респондентов (38 % находящихся на пике карьеры и 28 % молодых исследователей) признали, что за предыдущие три года у них бывали достаточно серьезные случаи ненадлежащего поведения².

Согласно данным, цитируемым в докладе экспертов Еврокомиссии, недобросовестность бывает характерна для 0,1–0,3 % исследований. Таким образом, по оценке европейских экспертов, учитывая, что в странах Евросоюза 1,2 млн. исследователей, то даже при 0,1 % получается, что набирается около 1200 недобросовестных исследователей³.

Именно значительные масштабы и серьезность последствий, вызываемых этими явлениями, привели к тому, что проблемами недобросовестного поведения исследователей стали заниматься не только внутри научного сообщества, но и в тех административных структу-

---

¹ Ibid.

² См.: *Brian C. Martinson, Melissa S. Anderson, Raymond de Vries*. Scientists behaving badly // *Nature*, 435, 737–738 (9 June 2005).

³ FP7 – 2007–2013 webpage (http://cordis.europa.eu/fp7/home_en.html)

рах, которые так или иначе связаны с разработкой и реализацией научной политики.

Национальный совет по науке и технологиям — исполнительный орган при президенте США — дает следующее определение ненадлежащего исследовательского поведения (research misconduct): «фабрикация, фальсификация или плагиат в предложении, проведении или рецензировании исследования либо в сообщении его результатов»¹. При этом под фабрикацией (подлогом) понимается выдумывание данных или результатов и запись или сообщение их; под фальсификацией — манипулирование исследовательскими материалами, оборудованием или процессами либо изменение или невключение данных или результатов, вследствие чего искажаются материалы исследования; под плагиатом — присвоение идей, процессов, результатов или слов другого лица без указания соответствующих заслуг этого лица².

Наряду с перечисленными формами ненадлежащего исследовательского поведения обсуждается и такая тема, как сомнительные исследовательские практики (Questionable Research Practices), под которыми понимается отклонение от принятых в соответствующем научном сообществе практик проведения исследований³. Считается, что нарушения такого рода имеют место более часто, их общее количество оценивается в диапазоне от 10 до 40%. К их числу относят: статистические ошибки; неправильное указание авторства; дублирование публикаций и т.д.⁴

Есть все основания утверждать, что обострение проблем добросовестности при проведении исследований в значительной мере обусловлено все той же системой оценки продуктивности исследовательской деятельности по библиометрическим показателям. Следует отметить, что в научном сообществе становится все более ощутимым недовольство этой системой оценки. В этой связи отмечается, что даже те меры и усилия, которые предпринимаются в разных странах

¹ Federal Policy on Research Misconduct // http://www.ostp.gov/cs/federal_policy_on_research_misconduct

² Ibid.

³ *Steneck, Nicholas*. Fostering integrity in research: Definitions, current knowledge, and future directions // *Science and Engineering Ethics*, Volume 12, Number 1, March 2006, pp. 53–74.

⁴ См.: *Kelly L. Wester, John T. Willse, Mark S. Davis*. Responsible Conduct of Research Measure: Initial Development and Pilot Study // *Accountability in Research*, Volume 15, Issue 2, April 2008, pp. 87–104.

разными структурами и органами — как собственно научными, так и общественными, и правительственными — пока что не позволяют преодолеть неблагоприятные тенденции в динамике недобросовестного поведения исследователей. И одна из серьезных помех здесь — сложившаяся система оценки научной результативности.

Как отмечает американский физиолог Дж. Хикс (Университет штата Калифорния в Ирвайне), кстати, занимающий в университете должность ответственного за добросовестность исследований, «система оценки в биомедицинских науках и науках о жизни сильно перекошена количественными мерами. Успех отдельных исследователей и исследовательских учреждений оценивается по количеству подготовленных выпускников и аспирантов, числу полученных грантов, количеству статей, опубликованных в журналах с высоким импакт-фактором и другим мерам цитируемости. Такая система оценки фокусируется на достижении этих специфических показателей, а не просто на проведении высококачественных исследований»¹.

И далее Хикс приводит еще одну причину, провоцирующую недобросовестность при проведении исследований: «Больше того, продолжает тяжелеть административное и регуляторное бремя, ложащееся на исследователей. Журнал *Chronicle of Higher Education* сообщает, что ученые тратят 42% своего времени на решение административных задач. Несмотря на такую утечку времени, от них продолжают ожидать поддержания все той же высокой исследовательской производительности, заставляя проводить больше исследований за меньшее время. Наряду с этим административные обязанности зачастую отвлекают исследователей от лабораторного стола, что является потенциальным источником ошибок»².

Конечно, СМОН в силу его одномерности и относительной простоты особенно привлекателен для администраторов от науки. Считается, что он дает объективные оценки научной продуктивности, независимые от субъективных пристрастий тех или иных оценщиков. Однако критическое отношение научного сообщества во многом обусловлено именно тем, что СМОН, как и другие подобные системы, вводятся без учета позиции этого сообщества, даже без попыток ее вы-

---

¹ *James Hicks*. Opinion: Ethics Training in Science; The NIH has required researchers to receive instruction about responsible conduct for more than 20 years, but misconduct is still on the rise // *TheScientist.com* May 14, 2013.

² *Ibid.*

явить. В этой связи представляются особенно важными и перспективными предпринимаемые внутри самого научного сообщества попытки оценки продуктивности на основании мнений экспертов. Одна из таких попыток поддерживается ОАО «РВК» (Российской венчурной компанией). Речь идет о проекте «корпус экспертов».

Один из членов рабочей группы этого проекта, д.ф.-м.н. М.В. Фейгельман отмечает, что проект «возник из того, что некоторое количество научных работников лет пять назад поняло довольно простую вещь: нас осталось мало и нам необходимо самоорганизоваться, чтобы иметь, по крайней мере, более-менее регулярную среду, в которой можно найти специалистов, действительно знающих толк в своих конкретных научных разделах. В принципе хотелось, чтобы существовали, как и раньше, некоторые обширные коллегии ученых, которые справлялись бы с этой ролью. Такой была Академия Наук, но де-факто она этим механизмом не служит или служит, но неэффективно»¹. И далее: «...идея этого проекта состояла в том, чтобы, с одной стороны, использовать объективные данные по активности ученых в области публикаций, а также оценки этих публикаций другими учеными (например, цитирование). С другой стороны, применить потенциал экспертных оценок – сделать синтез того и другого»².

Этот проект интересен тем, что в нем процесс формирования корпуса экспертов рассматривается как самостоятельная задача, а не то, что может быть сделано по наитию или бюрократическому приказу. Помимо того, проект не ставит своей целью сплошную оценку всей нынешней российской науки в целом или ее отдельных отраслей, а направлен на выявление того, что авторы характеризуют как «островки науки в России». Очевидно, проект нацелен не на то, чтобы решить проблему раз и навсегда, а на длительную работу, во многом исследовательскую, по выстраиванию и отладке системы, которая позволит получить достаточно полную и репрезентативную картину текущего состояния и тенденций развития научной продуктивности.

После всего сказанного вполне резонно будет задаться вопросом: коль скоро и научное сообщество в целом, и отдельные его предметные области столь критичны по поводу настойчиво внедряемых количественных методов оценки результативности исследовательской

---

¹ <http://www.polit.ru/article/2012/11/09/ostrovki-nauki-rbk/>

² Там же.

деятельности, готовы ли они предложить взамен что-нибудь более приемлемое? В этой связи следует отметить, что сообщество ничуть не меньше, чем бюрократия от науки, озабочено проблемами добросовестности и качества исследований. И в последние годы его усилия во все большей мере направляются на то, чтобы, не ограничиваясь критикой, зачастую весьма язвительной, тех негативных последствий, к которым ведет чрезмерное пристрастие к простым количественным мерам, предложить иные, более содержательные критерии оценки качества исследований.

Несомненный интерес в этом отношении представляет такой документ, как появившаяся в декабре 2012 г. Декларация Сан-Франциско об оценке исследований (Declaration on Research Assessment - DORA). Первоначально Декларация была принята на ежегодном заседании Американского общества биологии клетки, при этом ее создатели обратились к заинтересованным сторонам, представляющим все области науки, с предложением поставить свои подписи под документом. Уже через полгода его подписали более 6 тыс. человек и свыше 230 организаций.

Главная идея DORA такова: «Импакт-фактор выступает как популярная численная мера работы ученого. Несмотря на множество его хорошо задокументированных недостатков, импакт-фактор широко используется при приеме на работу, назначении на должность и принятии решений о финансировании. В настоящее время различные группы стейкхолдеров прилагают согласованные усилия для того, чтобы преодолеть злоупотребления импакт-фактором и призывают к разработке более точных мер оценки исследований»¹. Основная рекомендация DORA состоит в том, чтобы все стейкхолдеры исследовательского сообщества не использовали метрики, основанные на журналах, такие, как импакт-факторы журналов, в качестве суррогатных мер для оценки качества отдельных исследовательских статей, для оценки вкладов отдельных ученых ли при найме на работу, при принятии решений о поддержке или финансировании.

Импакт-фактор журналов, отмечается в Декларации, первоначально был создан для того, чтобы помочь библиотекарям при выборе журналов, которые им имеет смысл приобрести, а не как мера

---

¹ *Misteli T.* Eliminating the impact of the Impact Factor // *The Journal of Cell Biology*. Retrieved from <http://jcb.rupress.org/content/early/2013/05/21/jcb.201304162.full> on 24 May 2013.

для оценки научного качества исследования, описываемого в статье. Важно иметь в виду такие ограничения, присущие импакт-фактору: распределения цитат в журналах чрезвычайно необъективны; свойства журнальных импакт-факторов зависят от области знания, они составлены на основе множества крайне различающихся между собой типов статей, от сообщений с переднего края исследований до обзоров; редакционная политика может манипулировать («играть») журнальным импакт-фактором; данные, используемые для вычисления импакт-фактора, не являются ни прозрачными, ни открытыми для широкого доступа.

Поименованной выше основной рекомендации, обращенной ко всем стейкхолдерам, Декларация включает также рекомендации, адресованные отдельным стейкхолдерам: для агентств, финансирующих исследования; для институтов; для издателей, публикующих исследовательские статьи; для организаций, проводящих измерения; для исследователей. Общими рекомендациями для всех этих адресатов являются, наряду с отказом от широкого использования журнальных импакт-факторов, также необходимость оценивать исследования по их собственным достоинствам, а не по тому, в каком журнале они публикуются, и необходимость использовать возможности, открываемые онлайн-публикациями (такие, как ослабление обязательных ограничений по количеству слов, рисунков и ссылок в статьях, и освоение новых индикаторов научной значимости и влияния статей).

Как показала состоявшаяся в мае-июне 2015 г. в Рио-де-Жанейро 4-ая Всемирная конференция по проблемам добросовестности в исследованиях, поиски, ведущиеся в этом направлении, становятся все более интенсивными. Об этом свидетельствует уже сама заявленная тема конференции: «Поощрение исследователей и добросовестность: улучшение систем, способствующих ответственному проведению исследований». При этом повышение качества исследований, как, впрочем, и его оценка, оказываются многомерными задачами. Возможности их решения, как отмечалось на конференции в Рио, во многом зависят от окружающей среды, в которой проводятся исследования¹. Иными словами, речь идет о том, чтобы рассматривать

---

¹ Rewarding true inquiry and diligence in research. Editorial // www.thelancet.com Vol. 385. May 30, 2015.

проблематику добросовестности в исследованиях в контексте того, как принимается решение о проведении исследования, как оно проводится, как о нем сообщается и как оно поощряется. Система поощрений, отмечает в своей редакционной статье один из ведущих медицинских журналов «Lancet», должна быть выстроена таким образом, чтобы покончить с простыми и бессмысленными измерениями и соответствовать истинной цели исследований: честному, прилежному и прозрачному научному поиску, который обеспечивает развитие знаний во благо общества.

ГЛАВА 6.

СИСТЕМА РИНЦ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К ФИЛОСОФСКИМ НАУКАМ

«Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ) — отечественная система учета и подсчета продуктивности научной деятельности индивидуальных авторов по публикациям в отобранных РИНЦ научных (также технических и медицинских) журналах и по (выборочно) подсчитанным на их основе цитированиям. Эта система возникла десятилетиями позже аналогичных зарубежных служб и в основном строилась по их образцам и моделям. Отсюда ее важная особенность, о которой вполне добросовестно сообщают организаторы системы и работающие в ней специалисты: РИНЦ — только в начале пути. Она пока не располагает в необходимом объеме ни финансовыми ресурсами, ни подготовленными для решения означенных целей специалистами, ни солидным историческим опытом. Но поскольку подобная информационная деятельность затребована временем, ученым и научным учреждениям придется осваиваться, считаться с её результатами и формами.

В наши задачи не входит информирование научной общественности о том, на выполнение каких именно целей направлена деятельность РИНЦ, с какими трудностями этой службе приходится сталкиваться и какие программы уже разработаны, проводятся в жизнь, чтобы *со временем* и *поисильно* разрешать проблемы, неизбежные на первых стадиях работы. Служба РИНЦ на своем сайте (eLibrary.ru) предоставляет в распоряжение пользователей информацию также и о своей деятельности, с чем не только полезно, но и необходимо знакомиться ученым, сотрудникам научных учреждений, ибо к данной системе им теперь придется обращаться регулярно.

Прежде всего важно понять исходные предпосылки и ограничения, т.е. учесть, *чего заведомо не делает*, к чему не обращается РИНЦ — подобно другим национальным и международным наукометрическим системам (самая продвинутая из них — Thomas-Reuters Corp.). Так, эти информационные службы “отвлекаются” от монографий, индивиду-

альных и коллективных (за исключением публикаций материалов отдельных конференций), т.е. оставляют за бортом книжные публикации ученых, что объективно обусловлено рядом причин, внутренних для данных служб. Между тем при подсчете публикаций, особенно в гуманитарных дисциплинах, такое отвлечение является серьезным недостатком. Другое ограничение – неизбежность *отбора* отдельных журналов, публикации в которых принимаются в расчет, из необозримого, в сущности, моря журнальных публикаций¹.

Получается, что довольно значительная по объему и важности часть общей панорамы развития наук и деятельности ученых, а именно книжная продукция, не попадает в эти системы в силу *изначального решения об исключении книг из информационных данных*. Правда, применительно к работе самих этих систем речь идет об объявленных решениях, вытекающих из все же ограниченных возможностей учета поистине необозримого количества книжных публикаций. Решение зарубежных и отечественных информационных систем ограничиться журналами, причем только ими отобранными и составляющими небольшую долю издаваемой журнальной продукции, тоже вполне понятно.

Однако дело существенно меняется, если и когда *вне этих систем* принимаются решения – и складывается соответствующая практика, при которой имеет место исключительная опора на данные системы при вынесении количественно-качественных оценок об эффективности, результативности, продуктивности деятельности отдельных ученых и состоянии целых научных областей, – прямо влияющие на распределение финансовых средств, рейтинги институтов, иногда и на их необоснованную ликвидацию. Проблема взаимоотношений научных сообществ с чиновниками разного рода, ретиво требующими полностью и без поправок ориентироваться на системы, подобные РИНЦ (часто зная их только по названиям), нуждается в специальном осмыслении, что не принадлежит к главным целям данной статьи.

В целом я буду исходить из следующих общих предпосылок: система РИНЦ может сыграть полезную информационную роль даже в

---

¹ О том, к каким искажениям это приводит – при попытках дать количественные и тем более оценить качественные параметры развития наук и деятельности отдельных ученых – даже в таких развитых наукометрических системах, как Thomas Reuters Corp., – см. в главе 4, а также в статьях: *Юревич А.В.* К проблеме оценки вклада российской социогуманитарной науки в мировую // Вестник РАН. 2011. № 7; *Михайлов О.В.* Критерии и параметры объективной оценки качества научной деятельности // Вестник РАН. 2011. № 7.

рамках принятых ею условий и ограничений. Тем более что на сайте РИНЦ оговорено: настоящее время – начальное и переходное для данной системы, так что принимаются пожелания, направленные на усовершенствование используемых методик, иногда с пониманием их неоптимальности. (Хорошо бы не забыть об этом самокритичном понимании тогда, когда система окрепнет и, что называется, наберет обороты...).

Что будет дальше, посмотрим. На сегодняшнем же этапе возникает *объективная необходимость для самих ученых и научных институтов* (например, входящих в РАН) вникать в вопросы как о полезности, так и о недостатках уже возникших отечественных информационных систем. Эта необходимость определяется тремя главными обстоятельствами.

Во-первых, для ученого владеть информацией о публикациях в его областях знаний, о цитатах и ссылках на его работы и на исследования коллег и т.д. – весьма полезно. Даже при использовании Интернета собственные усилия добыть такую информацию сильно уступают возможностям профессиональных наукометрических систем.

Во-вторых, для научных институций соответствующие данные тоже могут быть полезными при сравнительных оценках научно-исследовательского вклада отдельных ученых и научных школ, внутриинститутских подразделений. А потому и отдельным российским ученым, и научным сообществам, и периодическим изданиям лучше всего помогать РИНЦ по принципу: уж если в этой системе производится указанный учет и обсчет, то в интересах самих ученых способствовать достижению наибольшей полноты и объективности результативных показателей. Правда, это потребует от нас дополнительной и систематической работы (о чем подробнее – в заключительной части главы).

В-третьих, сейчас на ученых, научные институты накатывает волна требований, инструкций, «инноваций», исходящих от разных чиновных инстанций (министерств, внутриакадемических управленцев, руководства научных фондов и т.д.), суть которых состоит в напористом стремлении *немедленно* использовать «точные количественные показатели результативности научно-исследовательского труда» – на основе тех систем и данных, которые имеются «под рукой». *Проверка именно точности и релевантности их данных, оценок по отношению к реальным процессам, качеству, значимости действительного вклада отдельных ученых, научных школ, исследовательских коллективов, целых научных дисциплин никем не делается и даже не предполагает-*

ся как исходное условие. Тщательные проверки в принципе могли бы стать делом тех самых инстанций, представители которых директивно требуют на данные информационные системы опираться. Но, говоря реалистически, у них нет ни знаний, профессионально требующихся в подобных случаях, ни особого желания подойти к делу критически. А потому конкретные проверки надежности данных опять-таки становятся делом *самих ученых, научных учреждений и коллективов* — по отношению к реальным индивидам и соответствующим областям знаний.

Правда, применительно к РИНЦ самой правильной стратегией со стороны научного сообщества сегодня было бы дать этой системе время для созревания, одновременно надеясь на государственную поддержку и на высокопрофессиональную экспертизу достигнутого уровня её работы. При этом ученые и их институции могли бы отнестись к *сегодняшним* результатам и данным, предлагаемым РИНЦ, с пониманием и доброжелательностью. Вместе с тем в сложившихся обстоятельствах ученым одновременно приходится как *использовать* данные РИНЦ, так и самим критически *проверить* достоверность, надежность, полноту предоставляемой информации, сопоставляя её с действительным положением вещей в сферах их исследовательской работы и предотвращая использование неточных, неполных данных как основание для тех или иных ошибочных решений.

Поскольку и РИНЦ, и информационно-наукометрические системы разных стран учитывают не книжные, а журнальные публикации, прежде всего рассмотрим, какие массивы журналов служат основой для осуществления дальнейших подсчетов.

1. Проблема отбора журналов по философии

Вопрос о том, какие именно журналы образуют для информационных систем поле обсчета, имеет для получаемых результатов ключевой характер. Поэтому в нашем случае целесообразно присмотреться к тому «Каталогу журналов», по которому РИНЦ подсчитывает количество публикаций и ссылок по философским проблемам и дисциплинам.

В настоящее время в рубрике “Философия” на сайте РИНЦ приведен каталог названий, включающий *345 единиц* (!) и объединяющий собственно журналы, а также вестники, ежегодники и т.п. Как и по какому принципу их отбирали? Видимо, дело отбора сильно облегчалось

для РИНЦ тем, что в каталог вошли 87 единиц, ранее включенных в лицензионный перечень ВАК именно по философии¹.

Как можно оценить этот каталог? Скажем сначала о хороших новостях. Несомненно, что включение некоторых журналов, вестников, ежегодников именно в каталог *по философии* выглядит вполне обоснованным, более того — само собой разумеющимся делом и для философов, и для представителей других дисциплин. Это подтверждается дополнительными характеристиками, которые имеются в каталоге, — количеством подсчитанных (в основном за период с 2008 г.) статей и ссылок на них. Эти данные могут быть полезны, но — скажу забегая вперед — исключительно при понимании и знании того, сколько случайных и необъективных факторов пока что определяют все процессы отбора и подсчета. Например, учтены (к январю 2012 г.) 91 выпуск (за 7 лет) журнала «Вопросы философии» — с 1674 статьями и 14901 ссылкой на его публикации (здесь индекс цитирования, согласно РИНЦ, 1,094 — самый высокий в этом списке и далеко отстоящий от индексов большинства журналов.). Что еще раз подтверждает статус «Вопросов» как центрального российского философского журнала. Кстати, это единственный отечественный журнал, включенный в Каталог мировых философских журналов в базе данных Thomas Reuters Corporation (Web of Science). Хорошие позиции у журнала «Человек» Института философии РАН (41 ученный выпуск, 876 статей, 1616 ссылок). Еще один наш популярный журнал, а именно «Философские науки», в РИНЦ представлен 70 выпусками — с 997 статьями и высоким цитированием (1660 ед.). Другая философская периодика, по праву включенная в каталог РИНЦ, это: «Вестник Московского университета. Серия 7: Философия» (40 выпусков, 362 статьи, 649 ссылок); «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия» (26 выпусков, 356 статей, 49 ссылок). Нельзя не отметить — и Каталог РИНЦ это учитывает — относительно недавно появившиеся, но уже занявшие свое место в философской периодике высокопрофессиональные специализированные журналы, такие как «Эпистемология и философия науки» (учтено 30 выпусков с 731 статьей и 351 цитированием).

Все названные журналы — московские. Вместе с тем обращает на себя внимание оправданное включение в обрабатываемую РИНЦ

¹ Последний, кстати, далеко не безупречен, что ясно проявляется в списках публикаций диссертантов. Но это специальная проблема, которая отчасти попадет в поле нашего зрения при дальнейшей оценке качества каталога РИНЦ.

российскую философскую периодику журналов из других городов России. Примеры: «Философия науки» Сибирского отделения РАН (47 выпусков, 460 статей, 386 ссылок); «Философия права» Ростовского юридического института Министерства внутренних дел РФ (27 выпусков, 960 статей, 210 ссылок) или специализированные «Соловьевские исследования» Ивановского государственного технического университета им. В.И. Ленина (19 выпусков, 414 статей, 68 ссылок); «Философия образования» Сибирского отделения РАН (24 выпуска, 1119 статей, 1099 ссылок). Будучи главным редактором «Историко-философского ежегодника», я, естественно, интересовалась позициями философских ежегодников. Формально говоря, на общем фоне они неплохи. Так, один из старейших ежегодников ИФ РАН «Логические исследования» представлен 7 учтенными выпусками (138 статей и 107 ссылок), «Этическая мысль» — 9 выпусками (103 статьи, 38 ссылок). От «Историко-философского ежегодника», издающегося с 1986 г., учтен пока только 1 выпуск. Но радует то, что на 22 статьи лишь одного этого выпуска имеется 92 ссылки.

Пока речь шла, что называется, о хороших новостях. Они, говоря обобщенно, состоят в том, что РИНЦ *учитывает данные по главным, признанным философским журналам России, и собранные, пусть далеко не полные, эти данные достаточно убедительно подтверждают их сохраняющуюся центральную роль, высокий престиж в философии и за её пределами.* Эта группа журналов и ежегодников образует ядро философской периодики России. И сей факт отображен Каталогом РИНЦ. А следовательно, база для последующей объективной информационной работы существует.

Но есть и плохие новости. Они состоят в следующем. Хотя в каталог РИНЦ по философии вошла профессиональная философская периодика, не она составляет там большинство. Включение немалого числа изданий — не вообще в число источников для РИНЦ, а *в каталог именно по философии* — вызывает сильные сомнения. Возникает такой вопрос: поскольку в каталоге имеется 345 единиц, то где нашли такое большое количество *философских журналов*? После внимательного изучения списка удивление рассеивается. Многие журналы, фигурирующие в списке, вовсе не являются *специально-философскими*; более того, возникает подозрение, а есть ли среди их публикаций (добротные) философские работы. В каталоге *по философии* фигурируют по преимуществу журналы, вестники вузов, в которых публикации

по философии образуют только *часть работ*, и не всегда полностью ясно, какую, но предположительно — незначительную, потому что часто речь идет об институтах негуманитарного профиля. В случае гуманитарной тематики журналы, вестники, если они всё-таки подразумевают также и философские публикации, скорее берут гуманитарную проблематику, что называется, скопом. Характерны, например, такие широкие объединения: «Культура, история, философия, право» или «Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения» и т. д. Не получалось ли так, что философию «на всякий случай» присоединяли к некоему гуманитарному комплексу, не обязательно предполагая, что наберется достаточное количество качественных философских статей? Впрочем, это предположение в каждом отдельном случае требует конкретной проверки. И дело РИНЦ — организовывать *специальные экспертизы* для определения того, правомерно ли включение того или иного журнала, вестника в соответствующий дисциплинарный каталог.

При изучении каталога (без просмотра статей или по крайней мере их тематики *de visu*) применительно к некоторым изданиям, включенным РИНЦ в перечень *философской* периодики, трудно судить о том, каков в них удельный вес *философских статей*, если они вообще имеются. Кстати, слабая их представленность ничего не говорит о качестве соответствующих журналов. Так, журнал «Сервис plus» Российского государственного университета туризма и сервиса или журнал «Ветеринарная патология», возможно, вполне хороши для своих областей, однако остается вопрос, по праву ли они занимают место в каталоге *философской* периодики.

Сомнение вызывает и то, имеют ли отношение именно к философии те вестники, журналы немалого количества вузов (а среди них — носящих гордое название «академий»), даже в названии которых слово «философия» не присутствует.

При первом подходе (ещё раз оговариваю: без просмотра публикаций) кажется, что добрая половина заявленных в каталоге журналов, вестников и т. д. могла бы не фигурировать именно в рубрике «Философия». И тогда вместо них можно было бы включить в список и, соответственно, обсчитывать журналы, названия которых, с одной стороны, не явно философские, но которые, с другой стороны, определенно публикуют немало работ именно по философии (пример — интересный и популярный журнал «Вестник аналитики»).

Впрочем, к решению обрисованной проблемной трудности возможны два противоположных подхода. *Подход первый*: в целом заметно сократить список журналов, включенных именно в *философский* каталог, оставив некоторые из них лишь в «родных» им дисциплинарных областях. (Это требует, Впрочем, не формально-механического исключения, а проведения конкретной экспертизы.) Вместе с тем, как сказано, некоторые журналы с — доказанными и постоянными — философскими публикациями, можно в список добавить. *Подход второй* (и им, вероятно, руководствовались в РИНЦ): пусть список и несколько избыточный (с точки зрения редких и вряд ли высокопрофессиональных обращений ряда изданий именно к философской проблематике), лучше оставить в нем большее количество журналов и вестников, тем самым поощрив их к дальнейшему и более интенсивному опубликованию философских статей. Хотя я лично скорее придерживаюсь первого подхода, признаю, что второй подход, возможно, более практичен — тем более что в некоторых городах России комплексные вестники вузов, особенно общегуманитарные, являются и единственной реальной возможностью также и для местных философов опубликовать свои работы.

Система РИНЦ, как и другие аналогичные информационные службы, предоставляет некоторые данные, так или иначе пригодные для оценки результативности исследовательской деятельности ученых. Но результаты, достигаемые самой этой системой, как и её методы, сами требуют оценки, главным критерием которой, как представляется, является следующий: соответствуют ли добытые данные и в какой мере действительной картине деятельности ученых, её по крайней мере количественным, но также и отдельным качественным показателям?

2. Данные РИНЦ и действительная продуктивность ученых

Всё, что будет исследоваться и высказываться далее, отнюдь не имеет целью как-то опорочить работу РИНЦ, тем более на той стадии, когда эта работа только началась и когда в самой системе (судя по многим «документам» на сайте) понимают сложность проблем и необходимость устранения обнаружившихся погрешностей.

В системе РИНЦ имеющиеся наукометрические инструменты ещё только подгоняются к условиям и задачам информирования о рос-

сийской науке. Поэтому наши опасения и предостережения скорее относятся не к РИНЦ, а к тем ретивым управленцам различных уровней, которые непременно хотят, притом как можно скорее, «внедрить в практику» оценки научно-исследовательского труда в России пока ещё не готовые методики и приемы информационного характера.

Да и само наше обсуждение уже сделанного и делаемого РИНЦ — чисто предварительное. Спешить с ним не следовало бы, если бы не упомянутое чиновное рвение, прикрываемое разговорами об «инновациях». Ибо ведь в Институты РАН уже «спущены» сверху распоряжения о том, что «объективными» данными РИНЦ (и зарубежных корпораций) сотрудники исследовательских учреждений должны сопровождать свои отчеты или заявки в научные фонды. Вот почему нас вынуждают уже *сегодня* разобраться с тем, соответствуют ли данные, отнесенные в РИНЦ к теме публикационной активности конкретных ученых, самой этой активности, прежде всего — по количественным параметрам. (Надо учесть и то, что наблюдается желание ряда наукометров на основании не критического принятия подобных количественных расчетов делать качественные, даже «меритократические» выводы о заслугах и достижениях касательно целых областей знаний. Об этом — по отношению к философии — шла речь в главе 4.)

Далее проблема будет разобрана применительно к философии. Забегая вперед, скажем: на сегодняшний день результаты сопоставления информационной картины РИНЦ с действительными — в данном случае чисто количественными — показателями работы ученых выглядят неудовлетворительно, а порой просто удручающе. Цифры подчас различаются на целые порядки. Что мы попытаемся доказать далее на конкретных примерах.

3. Case studies

В качестве одного из методов указанного сопоставления мы избрали метод *case studies* — для того чтобы на конкретных примерах продемонстрировать весьма существенное расхождение между картиной, которая возникает при использовании данных РИНЦ, и действительной публикационной деятельностью ученых. Были выбраны — в качестве объектов изучения — исследовательские результаты трех видных ученых; из Института философии РАН это доктора философских

наук, профессора Рубен Апресян и Елена Князева, из РГГУ – доктор философских наук, профессор Алексей Круглов. Все трое – философы с мировыми именами. Данные об их публикациях за 2008–2011 гг. предоставлены ими самими; вместе с тем *проверенные* списки публикаций за 2008–2010 гг. двух первых философов опубликованы в годовых отчетах Института философии РАН. *Недостоверность данных, приведенных в этих списках, исключена.*

Case study № 1. Здесь имеется в виду (с количественной стороны) работа доктора философских наук, профессора Рубена Апресяна. В схеме 1 приведены его публикации за 2008–2011 гг.

Схема 1

Общее количество публикаций и их объем	Зафиксированы РИНЦ	Цитирования, зафиксированные РИНЦ	Публикации в рецензируемых журналах	Не учитываются РИНЦ		
				Учено РИНЦ	Монографии	Другие публикации
61, объем 45,4 а. л.	11	9	15	11	4 (отв. редактор), 141 а. л.	31

Общий итог: система РИНЦ зафиксировала 1/5 публикаций данного автора. *Оказались полностью неучтенными следующие важные категории публикаций Р.Г. Апресяна:*

1) 4 коллективные монографии, его работа как отв. редактора (141 а. л.) и одного из авторов. Эта деятельность является содержательной и почетной, ибо реально означает высокое признание ученого со стороны профессионального сообщества. Примеры: монография «Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы» (М.: Альфа-М., 2009 – 31,1 а. л.), которая принадлежит к числу книг, относимых специалистами к лучшим отечественным исследованиям последнего времени по этике; тематическая публикация в «Логосе» (2008, № 5) «О праве лгать». Последняя коллективная работа отражает дискуссии – формально по статье Канта, а на самом же деле по центральным современным проблемам этики. В данной работе позиция Р. Апресяна обсуждалась в качестве одной из важнейших в современной российской этике;

2) не учтены авторские публикации Р. Апресяна как в других коллективных монографиях, так и в нерцензируемых журналах; вместе

они составляют *половину* численности всех опубликованных работ Р.Г. Апресяна за отчетный период. Справедливости ради следует отметить: случай Р.Г. Апресяна – особый в том смысле, что замеченность его публикаций и ссылок на его работы в системе РИНЦ за все «учтенные» годы – одна из самых высоких и как будто благоприятных. Так, всего в РИНЦ зафиксировано *250 ссылок на его работы* – цифра, сравнительно с другими авторскими, очень высокая¹.

Но если взять «замеченность» в системе РИНЦ за последние 3 года, то пока цифра эта (9 ссылок) отличается от реальной картины на целые порядки. Итак, если в ответ на требования чиновных инстанций Р. Апресян укажет, что, согласно РИНЦ, на его работы ссылались 9 раз, сколь же необъективными, неблагоприятными для данного высокопродуктивного ученого, хорошо замеченного и признанного обществом, окажутся эти данные!

Case study № 2. Публикации доктора философских наук, профессора Елены Княzewой (схема 2).

Схема 2

Общее число публикаций	Зафиксировано РИНЦ и другими системами	Цитирования, зафиксированные РИНЦ	Публикации в рецензируемых журналах	Не учитываются РИНЦ		
				Учено РИНЦ	Монографии (число и объем)	Другие публикации
86	РИНЦ – 13, т.е. 15%; Web of Science – 3, т.е. 3,5%	1	9, объем 5,9 а.л.	Учено РИНЦ Все учтены РИНЦ	2 (в соавторстве) – 37 а. л. 1 учебное пособие (в соавторстве – переиздание) – 16,5 а. л.	70

Общий итог: система РИНЦ зафиксировала за 2008–2011 гг. 13 из 86 публикаций Е.Н. Княzewой, т.е. 15%, что в этой системе, возможно, считается неплохим средним показателем. Все её публикации этого

¹ Возможно, сказался тот факт, что его фамилия начинается на «А», стоит в начале списка, так что применительно к ней процесс дополнения сначала заведомо неполных данных уже осуществлен. Если это так, то что же говорить об авторах с очень малой «замеченностью» со стороны РИНЦ и их публикаций, и ссылок на них...

периода в рецензируемых журналах учтены РИНЦ (9 публ.). Тем не менее *оказались полностью неучтенными следующие важные категории публикаций Е.Н. Княzewой:*

1) 2 индивидуальные монографии (в соавторстве) общим объемом 37 а.л., а также 4-е издание монографии (в соавторстве) объемом 16,5 а.л. Излишне доказывать, что переиздание научной монографии или учебника — доказательство их признания, востребованности в исследовательском сообществе;

2) подавляющее большинство публикаций Е. Княzewой (70 единиц из 86, т. е. почти 80%), включая монографии, учебники и статьи в нелицензионных журналах, в том числе работы, опубликованные за рубежом, — не получили отражения в РИНЦ. Что касается Thomas Согр., то здесь показатели ещё хуже: отражены 3 публикации из 86, т.е. 3,5 %;

3) неучет (заведомый) со стороны РИНЦ публикаций в зарубежных изданиях — весьма прискорбный факт: ведь в системе требований, ныне предъявляемых российским ученым, акцентируется то, насколько их исследования известны интернациональному сообществу¹;

4) цитирования, которые приведены в РИНЦ за некоторые годы предыдущего периода (1992, 1994, 1997, 1999), показывают достаточно высокую степень замеченности работ Е.Н. Княzewой, особенно написанных в соавторстве с Курдюмовым (91, 43, 25, 19 ссылок соответственно). Применительно же к публикациям 2008—2010 гг. пока чаще всего дается нулевой показатель цитирования. В дальнейшем показатели, всего вероятнее, возрастут (ведь работы вышли сравнительно недавно). А это опять-таки относится к неизбежным издержкам, которые говорят о необъективности показателей цитирования РИНЦ, а значит — о нежелательности использования их в «чистом виде» для оценок эффективности работы ученых, когда они делаются «по свежим следам» публикаций.

Применительно к обоим case studies необходимо также подчеркнуть следующее. Р. Апресян и более молодой и в то же время высо-

---

¹ Я произвела соответствующие подсчеты по показателям РИНЦ, касающиеся лично меня. Здесь расхождения ещё более резкие, чем в case studies № 1 и № 2: из 36 публикаций за 2008—2011 гг. объемом 62,7 а.л. в РИНЦ учтено 7 публикаций, составляющих 1/5 объема опубликованных работ. В более длительной перспективе (т.е. за 11 лет, за которые РИНЦ приводит данные о моих «замеченных» публикациях) расхождения ещё более значительны: «замеченное» и «отраженное» число моих публикаций в 10 раз меньше реального. Публикации за рубежом (в том числе издания *книг*) не учтены.

копродуктивный исследователь Е. Князева, вероятно, принадлежат к числу философов, чья публикационная деятельность в «наибольшей степени» замечена и отражена в системе РИНЦ (*в сравнении с другими авторами.*) Тем более досаден, если говорить мягко, следующий несомненный факт: в сравнении с действительным массивом работ данных авторов отражена, во-первых, малая часть, тогда как *подавляющее большинство их опубликованных сочинений – около 80 % – система не учитывает, причем согласно изначальным условиям!* Во-вторых, именно те работы, которые сами авторы и их коллеги ставят на первое место – с точки зрения содержания, выражения главных идей и концепций, замеченности со стороны профессионального сообщества, – *вообще не попадают в кадр имеющихся систем подсчета, причем как отечественных, так и зарубежных.*

Case study № 3. Публикации доктора философских наук, профессора Алексея Круглова за 2008–2011 гг. (схема 3).

Схема 3

Общее число публикаций	Зафиксировано РИНЦ	Цитирования, зафиксированные РИНЦ	Публикации в рецензируемых изданиях Учтено РИНЦ	Не учитываются РИНЦ	
				Монографии	Другие публикации
26	2			2 (общий объем – 1000 стр.)	22

Общий итог:

1) из 26 публикаций А.Н. Круглова за рассматриваемый период РИНЦ учел 2 единицы, т. е. менее 10%; если же подсчитать процент учтенного по объему, то результат поистине удручающий. За отчетный период А. Круглов опубликовал две монографии, которые являются новаторскими, беспрецедентными для существующей литературы о рецепции философии И. Канта в России – объемом около 1000 страниц! Поскольку РИНЦ монографий не учитывает, в данном случае *весьма значительная по объему и высочайшая по качеству часть работы А. Круглова не учтена;*

2) А. Круглов – автор относительно молодой, но уже хорошо известный мировому сообществу. Он много публикуется за рубежом. В частности, за рассматриваемый период на иностранных языках он

опубликовал 12 статей. *Все они остались неучтенными* в РИНЦ (согласно изначально принятым ограничениям);

3) другое ограничение, принятое РИНЦ, касается переводов. Это важная область деятельности А. Круглова, который блестяще владеет немецким языком и делает высококачественные переводы труднейших философских текстов. В данном случае благоприятно то, что 4 перевода, опубликованных им в «Кантовском сборнике», получили отражение в данных РИНЦ;

4) одна из проблем РИНЦ, обсуждаемая на сайте этой системы, — путаница с однофамильцами. «Алексей Николаевич Круглов» как автор, работающий в РГГУ, в списке РИНЦ не фигурирует. Имеется в списке РИНЦ полный тезка — Алексей Николаевич Круглов из Института радиотехники и электроники РАН. Это создает большие трудности, скажем, при «ручном» поиске ссылок и цитирований.

А.Н. Круглов делает вывод: «Точное количество публикаций в моем случае определить с помощью РИНЦ невозможно. Количество ссылок на свои работы я определить не могу. Список своих работ, на которые ссылаются, и их количество по каждой отдельной работе, я определить не могу. Между тем ручной поиск подтверждает, что эта невозможность объясняется не отсутствием работ и ссылок, а тем, что РИНЦ пока сделан халтурно».

4. Выводы

Анализ, основанный как на общих исследованиях функционирования зарубежных и отечественных систем количественного учета результативности, эффективности работы отдельных ученых, состояния тех или иных научных дисциплин, деятельности научных учреждений, так и на обращении к отдельным дисциплинам или конкретным case studies¹, — этот анализ в целом убедительно показывает: имеются весьма *существенные расхождения* между числом и особенно объемом «найденных» данными системами публикаций тех или иных ученых и действительным количеством их опубликованных работ. При этом подобные расхождения касаются основной массы, если не всех уче-

---

¹ Указания на литературу вопроса — и в целом, и в применении к философии — см. в главе 4 и в работах других ученых на сходные темы.

ных. И расхождения эти, как правило, «не в пользу» ученых. Даже цифры, относящиеся к избранным РИНЦ журнальным публикациям, как правило, в 2–3 раза меньше действительного количества опубликованных в журналах работ ученого.

Болезненный парадокс: у *наиболее продуктивных ученых*, особенно при учете более долговременных периодов работы, число их произведений и особенно их общий объем бывает на «порядки» больше, чем учетное библиометрическими системами.

Могут сказать: все эти системы, в том числе самые мощные и знаменитые (не говоря о тех, что — подобно РИНЦ — лишь в начале пути), *заведомо не ставят своей задачей целостно учесть, отразить* количество публикаций и индивидуального ученого, и тем более публикационную активность того или иного научного сообщества, института, коллектива, научной дисциплины и т. д.

Все верно. Но тогда требования непременно использовать — с сегодня на завтра — полученные этими системами якобы точные данные именно для оценок реальной исследовательской «эффективности», научного вклада отдельных ученых и т. д. *тоже изначально* безосновательны. При подобном подходе они могут принести не пользу делу функционирования науки, управления ею, а, напротив, очень серьезный вред.

Во многих откликах на эту проблематику реально работающих ученых, признанных в своих исследовательских областях, отмечены те значительные упущения в работе обсуждаемых систем, которые тоже имеют характер заранее принятых ограничительных условий. А в их составе заведомый *отказ подсчитывать книжные публикации* (за исключением тезисов конференций, которые отнюдь не всегда относятся, говоря мягко, к самым значительным работам ученых) становится особенно пагубным для сферы социогуманитарных наук — пагубным прежде всего с *качественной* стороны. Конечно, книга книге рознь. И прорывные статьи великих или выдающихся ученых — больше всего в естествознании, в точных науках — с исследовательской точки зрения могут стоить много больше, нежели целые штабеля иных книг. Однако книга традиционно и совсем не случайно стала важной «единицей» исследовательского труда: в ней идеи и концепции ученых в заметном числе случаев получают наиболее систематическое, доказательное воплощение.

Между тем подсчеты библиометрических систем (включая РИНЦ), построенные по принципу «за вычетом монографий», как раз и по-

рождают одно из тех кривых зеркал, в котором показатели продуктивности, эффективности научного труда как бы по умолчанию искажаются. И не только качественно, но и количественно. Об этом хорошо сказал О.В. Михайлов — заметьте, не гуманитарий, а известный химик: «...публикация публикации рознь: одно дело — монография, другое — статья, и уж совсем иное — тезисы докладов, но тем не менее и первое, и второе, и третье в списке трудов любого исследователя будет занимать по одной позиции»¹.

В силу разных причин (применительно к разным дисциплинам они подробно рассматриваются в публикациях последнего времени, в том числе — по отношению к философии — в статье автора этих строк, публиковавшейся в «Вестнике РАН» (2011. № 2. С. 134–146)) *данные наукометрических служб не являются ни полным, ни объективным отражением реальной эффективности исследовательской работы ученых.* Два выявившиеся здесь обстоятельства должны быть особо подчеркнуты. Во-первых, неблагоприятие касается не только социогуманитарных дисциплин; оно зафиксировано учеными и применительно к естествознанию, к математике. Один из примеров — процитированная статья химика О.В. Михайлова, который также и относительно естественных наук доказывает: количественные оценки по общему числу публикаций (с нивелированием их реального сравнительного веса), по уровню цитирования и т.д., — а ими, конечно, нельзя полностью пренебрегать, — как и другие критерии, фиксируемые, в частности, на библиометрическом уровне, *не могут служить «общепризнанными количественными критериями оценки качества» исследовательской деятельности.*

Во-вторых, показатели, изображаемые *в качестве объективных количественных данных*, на разных уровнях пронизаны многими случайностями и определяются по преимуществу не объективными и внутринаучными, а субъективными вненаучными факторами. Последние относятся уже к деятельности самих библиометрических систем на той или иной стадии их развития, притом с особой, как правило, негативной спецификой в «опоздавших» с созданием национальных систем странах современного мира. Конечно, в результате и в сумме в итоговых данных все же что-то объективное отражается. Но «объективное» отражается *лишь частично* и *в основном искаженно*: перед нами пред-

---

¹ Михайлов О.В. Указ. соч. С. 624.

стают не реальные количественные показатели даже по выбранным параметрам (число публикаций и ссылок), а то, что по этим рубрикам сумели, успели, наконец, захотели учесть соответствующие службы (как сказано, заведомо установившие содержательные ограничения и произведшие *свои* выборки). Значит, здесь «объективно» выражается скорее уровень, степень, характер «замеченности» деятельности тех или иных ученых, результатов их деятельности соответствующими службами. Что, согласитесь, вовсе не то же, что достоверные, реальные характеристики самой исследовательской деятельности.

Можно признать, что сквозь такие особые призмы *как-то* проникают — пусть и преломленными, искаженными — лучи от многогранной, объективно существующей деятельности ученых. И потому картину надо существенно корректировать. Какие тут надо принять поправки и дополнения — вопрос весьма трудный (в дальнейшем о нем специально пойдет речь).

Разберем ещё один «довод» тех, кто ратует за использование данных обсуждаемых систем на любой стадии их развития и со всеми их недостатками. Говорят: да, система дает искажения, неблагоприятные для ученых; но разные ученые здесь как бы «равны» перед лицом такой необъективности. А значит, данные таких систем могут быть использованы хотя бы для сравнения.

Эти и подобные «доводы» и соображения не выдерживают критики. Дело как раз в том, что обилие чисто субъективных, ситуативных расхождений приводит к неравенству условий, подсчетов по отношению к ученым. И прежде отмеченное нами парадоксальное обстоятельство — *неблагоприятность подсчетов, особенно для наиболее продуктивно работающих ученых*, — говорит само за себя. Если, скажем, ученый опубликовал всего 2 работы (причем если он, не создав книги, сумел напечатать эту пару своих статей, например, в местном комплексном издании лицензированных «Записок»), и их «заметила» система — хотя бы потому, что с первой статьей данный автор попал в *Список* этой системы, то он получает преимущество (50 или более процентов замеченности!) по сравнению с автором, имеющим за тот же период около 100 публикаций и «замеченным» системой только на 5–10 % процентов...

Ещё сложнее обстоит дело с неравенством условий и результатов при подсчете осуществленных учеными ссылок и цитирований, не говоря уже о замеченности уровня цитируемости той или иной систе-

мой. В специальные проблемы цитатного индекса и его *непременного*, немедленного (на чем настаивают наши чиновники) использования как объективного-де показателя эффективности и признанности ученого здесь входить невозможно. Приведу лишь высказывание (1972 года) выдающегося социолога науки Роберта Мертон о вполне возможных и, увы, уже сделанных роковых ошибках при малограмотном использовании SCI – Science Citation Index (напомню, что его создали ученики Р. Мертона под руководством Ю. Гарфильда, до сих пор курирующего деятельность соответствующих служб): «Уже со времени изобретения SCI, – писал Р. Мертон, – исследования цитирования разрастались с таким стремительным ускорением, что они рисковали отбиться от рук. При их часто некритическом использовании имело место пренебрежение многими методологическими проблемами. Тем не менее само по себе существование SCI и растущее изобилие анализов цитирования (даже в таких вопросах, как оказание помощи в приеме на работу и продвижении ученых) могут привести к таким изменениям в практиках цитирования, которые в длительной перспективе могут неблагоприятно повлиять на эти практики и даже обесценить их в качестве измерений качества исследований. И это будет не первый случай, когда введение статистических фиксирований применительно к исполнениям ролей привело к такому оттеснению (displacement) целей, при котором когда-то пригодный статистический индикатор, скорее, чем актуальное исполнение [соответствующей роли], становится центром манипулятивных замыслов»¹.

Как же прав оказался Р. Мертон в своем предвидении! Мы опять находимся на той стадии, когда не столько данные давно существующей SCI (впрочем, для российских ученых заведомо неблагоприятные), сколько неудовлетворительные подсчеты цитирования РИНЦ в очередной раз становятся – уже вне науки – «центрами манипулятивных замыслов» и ведут, как и раньше, к оттеснению (displacement) содержательных целей, ради которых, как кажется, и вводятся «практики» повсеместного обращения к «точным показателям» признанности, а на деле – к весьма неудовлетворительному учету цитирований (даже если понимать весьма ограниченное значение самого этого цитирования).

---

¹ *Zuckerman H., Merton R.K. Age, Aging and Age Structure of Science // A Theory of Age Stratification. N. Y. 1972.*

5. Конкретные предложения

В силу всего вышесказанного в качестве оптимальных *на сегодняшний день* представляются следующие предложения, касающиеся деятельности отдельных ученых, научных сообществ и научных институтов (в частности, институтов РАН), применительно к науко-, библиометрическим системам, включая РИНЦ.

1. Ученым полезно ознакомиться и освоиться с этими системами, обращаться к их данным, в частности, посильно помогать становлению, развитию РИНЦ своими наблюдениями и критическими замечаниями.

Вместе с тем *эти обращения на нынешней стадии могут иметь, по моему, только чисто вспомогательный, так сказать, факультативный характер и ни в коем случае не должны быть директивно навязываемы «сверху»*.

2. Поскольку в системе РАН документы, требующие предоставлять данные РИНЦ (число публикаций и ссылок), имеют вид требований, спускаемых «сверху»¹, ученые вправе потребовать от чиновных инстанций, а точнее, от реальных авторов тех или иных документов, от соответствующих экспертов — обнародования своего авторства и готовности вступить в гласный диалог с подведомственными институтами и отдельными учеными.

3. В более чем возможном случае, если соответствующие чиновные инстанции (а фактически — отдельные лица, остающиеся анонимными) продолжают рассылать свои директивы, отдельные ученые и институты будут принуждены совместно разработать свои корректирующие поправки к показателям обсуждаемых систем. В чем могли бы состоять такие поправки?

Первое. Поскольку «сверху» все-таки требуют предоставлять «точные количественные данные» систем (включая РИНЦ), то ученым нужно добиться, чтобы вместе с такими данными — *и на более «сильных» правах* — в каждом отдельном случае предоставлялись реальные количественные результаты, прежде всего касающиеся общего количества публикаций ученого за соответствующий период. Такие количественные данные должны быть ответственно проверены и подтверждены научными учреждениями, их отчетами².

¹ См. соответствующие документы в Приложении к электронному варианту статьи на сайте РАН.

² Такие отчеты ежегодно публикуются рядом институтов РАН, включая ИФ РАН, причем они проходят предварительную проверку. Со ссылками и цитатами

Второе. Для работы рассматриваемых служб, для управляющих инстанций, а также для тех ученых, которые все-таки хотели бы использовать добываемые на нынешних этапах библиометрические данные — хотя бы как вспомогательное средство (*помогающее* оценить эффективность исследовательской деятельности — при обязательном соотношении *показателей служб с реальными данными*), полезным делом была бы, по моему мнению, *разработка корректирующих коэффициентов и моделей*.

Поясню, что имеется в виду. «На местах», т.е. в полях реальных исследований и деятельности конкретных исследователей возможно определить — непременно с опорой на работу математиков и других специалистов — коэффициенты (хотя бы средних) отклонений, расхождений между данными какой-то системы (например РИНЦ) и действительными, разумеется, строго проверенными показателями. А соответственно, разработать коэффициенты поправок к данным библиографических систем. Если и когда такая работа будет проделана применительно к деятельности каких-либо научных институций и, точнее, к деятельности отдельных ученых, показателями Web of Science или РИНЦ всё-таки можно будет пользоваться.

В частности, нет никакого сомнения в том, что при любых достоверных и объективных формах учета эффективности, продуктивности исследовательско-публикационной деятельности ученого *на первое место должны быть поставлены монографии* — прежде всего индивидуальные, но также деятельность ученых в качестве ответственных редакторов важнейших коллективных монографий, особенно международных.

Подлежит обсуждению вопрос о том, что следует конкретно отличить (объемные) индивидуальные монографии от статей (неоправданно ставших «равноценными» единицами отчетности). Тут необходимы и возможны соответствующие корректирующие коэффициенты.

Трудно утверждать заранее, но вряд ли такие коэффициенты могут быть «стандартными» для всех институтов и специальностей, для разных (с точки зрения публикационной активности) категорий ученых.

дело обстоит значительно сложнее: отдельные авторы вряд ли способны откорректировать сугубо выборочные данные библиометрических систем, которые со своей стороны касаются такого сугубо субъективного дела, как ссылки и цитирования. Поэтому подсчеты по ним тем более могут использоваться лишь по желанию ученых, сугубо факультативно.

4. Коснусь (но только коснусь) темы, которая была обозначена ранее. Раз количественные данные о тех ученых, которые — как и положено нормами науки — публикуют свои труды, так или иначе собирают, отбирают, обобщают библиометрические системы, то *в наших интересах* способствовать тому, чтобы они были более полными и, следовательно, хоть в какой-то мере объективными. Что каждый ученый и каждый научный институт могут сделать *в своих интересах*? Прежде всего — *проверить* показатели о нем самом, приводимые РИНЦ, и доводить до сведения работающих там специалистов критические реакции и соображения. (Данный текст можно считать такой реакцией со стороны небольшого числа философов, которые думают так же, как её автор.)

Особый вопрос — о периодических изданиях, включенных в каталог РИНЦ. Скажу, к примеру, об «Историко-философском ежегоднике», издаваемом ИФ РАН и бегло упомянутом ранее. Пока «замечен» со стороны РИНЦ лишь один выпуск (ибо этот издающийся 25 лет ежегодник только недавно включен в «замусоренный», как сказано, лицензионный список ВАК). И это печально. Возникает частная задача для РИНЦ — не зависеть от лицензионного отбора ВАК, «замечая» *давно* зарекомендовавшие себя издания. Сейчас со стороны РИНЦ нам предложено самим обсчитать (по публикациям и ссылкам) все предшествующие выпуски ежегодника. Работа предстоит весьма объемная и сложная. *Но мы понимаем: сделать её — в наших интересах.*

В данной главе, сосредоточенной на теме авторских публикаций (и соответствующих показателей), были, по существу, оставлены в стороне другие немаловажные факторы эффективности современной научно-исследовательской работы — такие, например, как выступления на научных конференциях и вообще участие в дискуссиях исследователей, научное редактирование изданий, иногда высокопрестижных в научных, в том числе интернациональных сообществах или (что для философии особенно важно) трудное, ответственное дело издания классиков научного знания и т.д. Применительно к философии я бегло затрагивала эти темы в главе 4». Но требуется специальное обсуждение этого ряда проблем в связи с целостным вопросом об эффективности научно-исследовательской деятельности.

Итак, осмысление затронутых и незатронутых тем, диалог вокруг них должны продолжиться.

ГЛАВА 7.

ИМПАКТ-ФАКТОР: ЕГО ВОЗМОЖНОСТИ И ИЗЪЯНЫ

В научном знании важную роль играют процедуры измерения и репрезентация их результатов в количественной форме. Однако следует помнить, что количественные индикаторы до поры до времени безразличны к качественным характеристикам, равнодушны к качественным особенностям измеряемого объекта или процесса. Так, можно измерять по весу разнообразные предметы, и различие по весу вряд ли что-нибудь скажет о природе этих объектов и их качественной определенности. Более того. Выявление количественных индикаторов само основывается на аксиологической оценке того или иного индикатора: именно этот индикатор считается решающим, и его измерению подчиняется всё исследование. Для адекватной оценки процедур измерения и их результатов важно проанализировать это аксиологическое основание количественных измерений. Таким аксиологическим основанием количественных репрезентаций научных публикаций является не содержание статей, а количество ссылок в них и на них. Долгое время в научных работах вообще не было ссылок. Да и сейчас публикуются статьи, в которых отсутствуют ссылки. Это не только публицистические статьи, но и, например, статьи по математике. Лишь во второй половине XX в. сложилась такая система журнальных публикаций, которая потребовала научного аппарата, статьи «обросли» ссылками, и в них стали видеть нечто более содержательное, чем просто фиксацию своих предшественников и оппонентов. В ссылке стали усматривать показатель качества научной статьи, ее актуальности и перспективности. Ссылки стали взвешивать и в «весе» каждой сноски стали усматривать индикатор возникающего научного сообщества на переднем крае исследований. Более того. Взвешивание ссылок стало способом ранжирования научных статей и их авторов: чем больше ссылок на ту или иную статью, тем выше ранг и статьи, и ее автора, и журнала, в котором опубликована статья.

Каждая статья рассматривается как дискретное образование, а непрерывность дисциплинарного знания фиксируется лишь с помощью ссылок и их отображения в библиографическом аппарате статьи. Именно в них видят показатель как взаимодействия ученых, так и качества статьи. В этой связи мне хотелось бы напомнить мысль Гегеля о количестве как безразличной определенности и о внешнем характере количественного отношения: «здесь относятся друг к другу именно безразличные определенные количества, т. е. они имеют свое отношение с самими собой в таком вонне-себя-бытии»¹. Если перевести эту мысль с гегельянского языка, то можно сказать, что бытие статьи вонне-себя репрезентировано ссылками, квантативистский взгляд на результаты научных исследований ограничивается ссылками, а ссылки соотносятся с самими собой и совершенно безразличны к определению качества измеряемого объекта. Цитируемость, выраженная в совокупности сносок, стала мыслиться как индикатор не только качества статей, но и содержательного и научного уровня журналов. Этот способ измерения результатов, публикуемых в журналах, фиксируется с помощью так называемого Импакт-фактора.

Что такое Импакт-фактор? Это определенный – библиометрический – индикатор оценки журналов. Как он строится? На основе базы данных JCR (Journal Citation Reports) Института научной информации (ISI), которая охватывает 5684 журнала 65 стран мира и более 100 журналов России, был предложен индикатор воздействия публикаций журнала. Он включает в себя «сумму ссылок на статьи текущего года на опубликованные в журнале статьи за два прошедших года, деленную на сумму статей, опубликованных в этом журнале в два предшествующих года»². Если исходить из среднего показателя цитируемости в базе данных NSI (Национальных показателей науки) – 58,86 %, то показатель цитируемости в философии – более 20 % и менее 0,5 ссылки на статью. Импакт-фактор рассматривается как показатель воздействия публикаций журнала на продуктивность научного сообщества. Проанализируем изъяны этого показателя и амбициозные формы его применения.

Можно ли считать этот показатель показателем воздействия журнальных публикаций на активность научного сообщества? По-моему,

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 1. М., 1970. С. 257.

² Маршакова-Шайкевич И.В. Россия в мировой науке. Библиометрический анализ. М., 2008. С. 168.

нет. Во-первых, речь идет не о воздействии, а о признании тех или иных журнальных публикаций в качестве значимых для той или иной области знаний. Во-вторых, если и говорить о воздействии, то лучше говорить о воздействии на субъективные оценки дисциплинарного или исследовательского сообщества. Причем ссылки на ту или иную публикацию ничего не говорят, о какой оценке идет речь – позитивной или негативной: любая ссылка оказывается приемлемой и включается в этот показатель.

Индикатором воздействия этот показатель может стать и в том случае, если будут найдены способы и методики определения воздействия тех или иных журнальных публикаций на активность, выраженную в патентах. Между тем исследований такого рода приложений вообще не проводится.

В соответствии с этим показателем Импакт-фактор (далее ИФ) в биологии больше, чем в физике, в физике больше, чем в математике, в экономике больше, чем в социологии, в социологии больше, чем в философии¹.

Возникает вопрос о том, как представлены российские журналы в NSI. Из 156 журналов по философии в наибольшей степени представлены журналы США, Англии и Голландии. Насколько мне известно, лишь один журнал («Вопросы философии») попадает в эту базу данных. Предвзятость в подборе журналов очевидна.

Остановимся более подробно на изъянах ИФ.

Во-первых, речь идет о среднем числе появившихся в текущем году ссылок на статьи данного журнала, опубликованных за последние два года. Возникают сомнения в достоверности такого рода усреднения. Кроме того, в целом ряде исследовательских областей и научных дисциплин ссылки на опубликованные статьи появляются позже, чем два года. Это касается не только математики, где статьи появляются или вообще без ссылок, или 90 % ссылок относятся к гораздо более ранним публикациям.

Это же относится и к философии, где ссылки на статьи за последние два года относятся скорее к статьям на конъюнктурно-актуальные темы и не учитывают ссылки на классиков философской мысли и на фундаментальные труды, появившиеся даже в последние два года.

---

¹ Там же. С. 191.

Во-вторых, как в математике, так и в философии можно найти массу случаев, когда та или иная статья выпадала из памяти научного сообщества и лишь намного позднее (иногда через десятки лет) она всплывала в памяти, на нее стали ссылаться, и она входит в научное знание как работа, положившая начало тому или иному исследовательскому направлению. Приведу несколько примеров.

В 1928 г. Иван Ефимович Орлов опубликовал в «Математическом сборнике» статью «Исчисление совместности предложений». Это была его последняя статья по логике. Она не была понята и никем не цитировалась до тех пор, пока не была переоткрыта в конце 60-х – начале 70-х гг. прошлого века. Она оказалась первой статьёй по аксиоматизации релевантной логики, на что указал в 1978 г. В.М. Попов и в 1991 г. Р. Роугли, после чего она стала многократно цитироваться. Иными словами, хотя статья была в архиве науки, она стала цитироваться лишь через полстолетия после ее публикации.

Еще один пример. Иван Адамович Боричевский опубликовал в 1926 г. в журнале «Вестник знания» (№ 12) статью «Науковедение как точная наука». В этой статье он не только различил философию науки от науковедения, но и описал структуру науковедения. Эта статья была надолго забыта по сугубо идеологическим причинам (его причислили к «механистам»). Возникновение термина «науковедение» и анализ его структуры стали связывать с именами польских ученых Марии и Станислава Оссовских, опубликовавших статью «Наука о науке» лишь в 1936 г.

Днепропетровский математик Григорий Алексеевич Грузинцев издал в «Записках Днепропетровского института народного образования» в 1928 г. статью «Очерки по теории науки». Она интересна и своим подходом к научному знанию, и своими концептуальными различиями (например систем дисциплинарного знания и исследований научных проблем). Можно увидеть в этой статье начало того направления, которое утвердилось в 60–70-е гг. XX в., – логики науки. К сожалению, и эта статья, и его собственно математические работы оказались забыты.

Еще один пример. В 1929 г. в журнале «ISIS» (Т. XII. (2) № 38) на английском языке была опубликована статья Тимофея Ивановича Райнова «Волнообразные флуктуации творческой продуктивности в развитии западноевропейской физики 18 и 19 столетий». На основе историко-научных работ Райнов выявляет изменения числа физиче-

ских открытий в трех европейских странах (Англии, Франции, Германии) с 1626 г. по 1900 гг. по циклам в 5 лет. Эта статья, в буквальном смысле пионерская, опередившая свое время и по своим результатам, и по своей методике, положила начало библиометрическому анализу научного знания, но, к сожалению, выпала из памяти научного сообщества. Лишь год спустя Питирим Сорокин и Роберт Мертон в том же журнале «*ISIS*» опубликовали статью, посвященную количественному анализу арабской науки, но осуществленную лишь на базе обработки книги Д. Сартона по истории арабской науки. Чем объяснить забвение этой статьи, положившей начало и социологии науки, и наукометрическому анализу, из памяти научного сообщества? Можно предположить, что Райновым была взята весьма размытая единица анализа науки — физическое открытие, зафиксированное в историко-научных исследованиях¹. Кроме того, очевидно, зарубежных социологов науки смутили те корреляции между волнообразными флуктуациями в физике и волнообразными флуктуациями в экономике, которые фиксировал Райнов. Но ведь у него не идет речь о том, что экономика является основанием или причиной научных открытий в физике, а лишь о существовании корреляций между развитием науки и развитием экономики. Выявление такого рода корреляций гораздо более корректно, чем каузальная интерпретация роста науки.

В-третьих, в базу данных вообще не включаются монографии. Квантом наукометрического измерения оказываются цитирование в журнальной статье и цитируемость статей в журналах.

В-четвертых, вообще не фиксируются позитивные и негативные сноски, т.е. ссылки, положительно оценивающие работы тех или иных авторов, и ссылки, негативно их оценивающие. Если вспомнить того же Гегеля, то в своей «Философии природы» он цитирует и ссылается на работы биологов (Ламарка и др.), атомистов в химии (Дальтона и др.), математиков (Ньютона, Лейбница). Иными словами, по всем библиометрическим показателям «Философия природы» Гегеля находится на уровне современной ему науки. Но этот формальный показатель скрывает то, что Гегель выступает как критик и эволюционизма,

---

¹ А. Эйнштейн считал, что «выражение “открытие” само по себе не совсем безукоризненно. Ибо открыть — значит увидеть то, что уже имеется в готовом виде. При этом забывают о доказательстве, которое уже не имеет характера открытия, а может являться только средством к нему». (*Мошковский А.* Альберт Эйнштейн. Беседы с Эйнштейном о теории относительности. М., 1922. С. 90–91.)

и исчисления бесконечно малых, и атомизма, т.е. при всем большом числе сносок на значимые естественнонаучные работы своих современников его отношение к ним отрицательное. Но именно это вообще не фиксируют библиометрические индикаторы. Они безразличны к той содержательной оценке, которая скрыта в сносках. Поэтому необходима экспертная оценка того содержания, которое представлено в «Философии природы» Гегеля, а не просто фиксация числа ссылок без их содержательного анализа.

В-пятых, Филипп Кемпбелл – главный редактор журнала «Nature» в статье «Бегство от импакт-фактора» отметил еще один изъян этого показателя: чем больше статей публикуется в журнале, тем ниже ИФ. Это означает, что редколлегия и редакция журнала не заинтересованы в публикации большего числа статей на страницах журнала – в противном случае упадет ИФ. Кроме того, Кемпбелл отмечает, что в состав NS1 не включены препринты и публикации в *archiv.org*, которые существенно опережают и по скорости публикаций, и по редакционной политике журнальные публикации¹. Еще один пример, который М.К. Петров анализирует как свидетельство массовой гибели научного продукта в предпубликационном периоде и который для меня является демонстрацией манипуляции с ИФ. Петров писал: «Пока шли споры о цитируемости, ценности и качестве статей, редакция американского журнала “Физикал ревью” по неведению, надо полагать, поставила своеобразный эксперимент по смягчению селекции рукописей. За 15 лет она увеличила годовой объем журнала в 4,6 раза – с 3920 страниц в 1950 г. до 17060 страниц в 1965 г. Как позже выяснилось, численность физиков за этот период выросла только в 2,4 раза. Естественно, что в 1965 г. публиковались статьи, которым, по меркам 1950 г., следовало бы быть в корзине. Довольно скоро журнал вышел в лидеры физической периодики мира»². Р. Мертон, подвергнув критике неоправданные амбиции и необоснованные надежды, связанные с библиометрическими методиками изучения науки, заметил, что публикуемые в «Физикал ревью» статьи цитируются намного чаще, чем статьи, публикуемые в любом другом журнале, даже чаще, чем соб-

¹ *Campbell Ph.* Escape from the impact factor // *Ethics of Science and Environmental Politics (Кемпбелл Ф. Бегство от импакт-фактора / Пер. К. Иванова // Игра в цифры. М., 2011* (<http://www.mcsme.ru/free.books/bibliometric.pdf>)

² *Петров М.К.* Редакционная практика: объективность или волюнтаризм?// *Вестник АН СССР. 1978. № 11. С. 79.*

ственные статьи других журналов». Так, в итальянском журнале «Нувово Сименто» 36 % ссылок на «Физикал ревью» и только 17 % на все итальянские журналы, в «Журнале экспериментальной и теоретической физики» 22 % ссылок на «Физикал ревью» и 17 % на собственные статьи. В лондонском журнале «Просидингз» 34 % ссылок на «Физикал ревью» и 9 % на собственные статьи¹. Таковы итоги расширения объема журналов, публикаций большего числа статей и снижения уровня редакционных требований к публикациям.

В-шестых. При определении ИФ не учитываются такие факторы, как наличие нескольких авторов статьи и самоцитирование. Между тем это немаловажные факторы, которые непосредственно влияют на ИФ.

Самоцитирование и принуждение к цитированию существенно искажает ИФ. Так, «Journal of Gerontology» в 2004 г. из 277 ссылок на статьи 195 были в обзоре, опубликованном одним из членов редколлегии. Журнал «International Journal of Nonlinear Sciences and Numerical Simulation» в 2006–2009 гг. занимал 1-е место по ИФ, в 2005 г. / – 2 место. Это объясняется тем, что более 70 % ссылок (243) были самоцитированием в обзорах. В этом отношении показательна активность Хе Цзи Хуань – главного редактора более 20 журналов, специалиста в области компьютерной науки, автора 137 статей, в которых было более 3000 ссылок на самого себя². При этом необходимо фиксировать не только самоцитирование, но и цитирование публикации кем-то из ее соавторов или соавторов каких-то других публикаций (причем независимо от года появления этих публикаций).

В-седьмых, низкие показатели цитирования связаны и с языковым барьером³. Российские публикации в базе данных NSI представлены преимущественно на английском языке.

Попытки расширить базу данных, предпринятые в России, в том числе включить в нее более широкое представительство журналов и изданий, в том числе и философских, также вызывают ряд недоумений и возражений.

В-восьмых. Очевидно, что целесообразно учитывать тип публикаций (статьи, препринты, письма в редакцию, тезисы на конференции

---

¹ *Merton R. Sociology of science. Chicago. P. 475–476.*

² *Дуглас А., Фаулер К. Гнусные цифры // American Mathematical Society. 58 (3). 2011. P. 434–437 / Пер. С. Кузнецова http://www.ispras.ru/ru/preprints/archives/prep.22_2010/php*

³ В противовес мнению И.В. Маршаковой-Шайкевич (указ. соч. С. 191).

и др.) и тип журналов (Ученые записки, Ежегодники, ведущие журналы и др.). Это, конечно, дело трудное, но вполне осуществимое. Но лишь в таком случае будут осмыслены «вес» и ценность тех или иных научных публикаций.

Вывод. Все попытки представить ИФ как показатель продуктивности исследователей и на этом показателе ранжировать ученых и определять наиболее активных исследователей за определенные годы являются, по моему мнению, необоснованными и недопустимыми. Такого рода экстраполяция показателя ИФ за пределы библиометрического исследования журнальных публикаций чревата бюрократическо-чиновничьими оргвыводами относительно конкретных ученых: ведь его продуктивность складывается не только из статей за последние два года, а включает в себя и монографии, и учебники, и обзоры, и доклады на конференциях, и патенты. Все это вообще не учитывается при определении ИФ того или иного журнала.

ИФ может быть одним из показателей признания со стороны научного сообщества тех или иных публикаций в качестве решающих для этой области исследований и складывания новой исследовательской области на переднем крае научных исследований, связей между различными исследовательскими областями, их отображения в журнальном публикационном фонде. Но не более того, хотя и это немало важно. Наилучшим средством оценки журналов являются экспертные оценки.

ИФ полезен при ранжировании журналов той или иной исследовательской области или научной дисциплины (и то с определенными поправками), что немало важно для научных библиотек, подписывающихся на журналы, и для выявления признания со стороны научного сообщества того или иного журнала.

ГЛАВА 8.

О РЕАЛЬНЫХ ФАКТОРАХ, ОБЪЯСНЯЮЩИХ НЕОПРАВДАННОСТЬ ИСТОЛКОВАНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЦИТИРОВАНИЯ КАК ТОЧНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИССЛЕДОВАНИЙ

В этой главе не ставится задача более полного теоретического осмысления общей проблемы эффективности научно-исследовательской деятельности, не анализируются проблемы целесообразности и конкретных способов использования существующих в мире, в частности в нашей стране, систем возможного учета публикаций и цитирования. По этим вопросам существует обширная литература. Она включает не только (важные сами по себе) разъяснения специалистов-научковедов, в том числе по вопросам цитирования, но также и реакции, аргументы ученых разных специальностей, общая суть которых — критические суждения о необходимости весьма ограниченного и чрезвычайно осторожного применения данных систем цитирования в практических делах организации и регулирования научно-исследовательской деятельности.

Важное теоретическое и практическое значение для всей этой тематики имеют те актуальные работы, которые специфицируют проблематику цитирования, во-первых, применительно к обществузнанию, во-вторых, к такой особой научно-исследовательской, творческой области, каковой является философия. И в-третьих, совершенно ясно, что во всех случаях нам следует учесть те «затрудняющие коэффициенты» социально-исторического происхождения и характера, которые относятся к развитию науки именно в России и в целом свидетельствуют о том, что отечественные учёные, российское исследовательское сообщество здесь поставлены в заведомо неблагоприятные условия. (Что к цитированию полностью относится.)

Необходимо с самого начала зафиксировать особое обстоятельство, без учета которого накал дискуссий остается непонятным. Предпосылкой и фоном именно в России является не столько сама по себе немаловажная проблема эффективности научно-исследовательского

труда в её современном звучании, сколько то, как её предъявили науке в своих действиях и инструкциях те чиновники, которым в последние годы доверили руководить российской наукой. А они, судя по всему, практически исходят из такой убежденности: данные наукометрических служб и систем, прежде всего зарубежных, в частности и в особенности связанные с цитированиями, являются теми долгожданными количественными и даже качественно толкуемыми показателями, с помощью которых можно и нужно-де точно, объективно оценивать (притом, что называется, повседневно и повсеместно) результаты, эффективность деятельности российских ученых-исследователей. Существенно, что при этом каких-либо гласных, «именных» экспертных обоснований подобного чиновного подхода исследовательскому сообществу России не предоставляется. Все происходит где-то за кулисами.

Такова расстановка сил, с которой приходится считаться, и мало изменившаяся, до боли знакомая командно-административная практика чиновного регулирования развития науки.

Во избежание кривотолков с самого начала скажу: я не являюсь противником использования — но только в качестве сугубо дополнительных источников — ни подсчета числа российских публикаций, ни даже частоты цитирований и по зарубежным (главным образом американским или американизированным) системам, и по находящейся в процессе становления системе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования). Но после основательного изучения (по крайней мере применительно к развитию философии в России) я пришла к следующему выводу: ни достаточно объективных, ни репрезентативных, ни действительно точных выкладок — даже применительно к тому, что названные системы обещают (число публикаций отдельных ученых и цитирование их работ) — они не предоставляют и в силу сложившихся ограничений выборки предоставить не в состоянии. (Подробные доказательства этого в отношении к философии — в главах 4 и 6).

Я отстаивала ранее и буду отстаивать в этой главе и более сильный тезис: само по себе число публикаций и цитатных ссылок (даже если бы применительно к реальным людям их было возможно, абстрактно говоря, точно подсчитать — что нереально) абсурдно истолковывать в качестве критериев оценки качества чьего-либо научно-исследовательского труда, его эффективности и результативности. И если

сложится такая «практика», при которой с сегодня на завтра, с помощью количества, объема публикаций, цитирований, подсчитанных на основе американизированных практик, будут – в России! – отделять «эффективных» исследователей от «непродуктивных» (и – ещё хуже – будут приводить в соответствие с этими якобы точными данными штатное расписание и финансирование научных учреждений), – так вот, при таком руководстве российской науке, еще не добитой рыночными реформами, грозит, скорее всего, окончательное разрушение...

В этой главе, посвященной проблемам цитирования в науках, хочу специально обратиться к реальной и изначальной исследовательской деятельности, выражающейся в создании соответствующих исследовательских продуктов, – к практике, складывающейся ещё до того, а часто и совершенно независимо от того, как количество цитат кем-то и как-то (впоследствии) подсчитывается. Но когда цитирование уже реально имеется – или не имеет места, возникает целая группа вопросов для исследования, объединенных общей темой: как, кого, почему цитируют ученые? Есть ли тут свои закономерности и возможна ли обобщающая типология? При ближайшем рассмотрении становится ясно, что проблема в значительной степени специфицируется и применительно к особым историческим этапам развития науки, и к особенностям научных дисциплин, и к различным типам научной культуры, складывающейся в тех или иных странах. И всё же тут имеется ряд черт, типологически общих для современного исследовательского труда.

Мы рассмотрим проблему под углом зрения специфики философии.

1. К вопросу об исторических особенностях цитирования в философии

Этот вопрос в его деталях и подробностях не изучен. Если оставить в стороне более чем своеобразные древние, средневековые эпохи и инокультурные философские произведения, а ограничиться лишь классическими для философии нововременными европейскими условиями, то на фоне всегда значимых индивидуальных предпочтений и склонностей все-таки просвечивают более общие правила и законо-

мерности. А именно: 1) в более ранние века Нового времени, вплоть до XIX в., цитирования в философских работах подчас встречаются, но они очень редки, тем более вместе с аккуратными и точными ссылками на те или иные произведения предшественников и современников; 2) чаще имеются упоминания великих имен — вместе с освещением великих идей, но в собственном понимании автора. Приведу примеры, подтверждающие эти констатации.

Так, в великой кантовской «Критике чистого разума» почти нет цитат — в современном смысле этих слов, когда они точно берутся из текстов, выделяются (и потом кем-то подсчитываются.) Это не значит, что отсутствует переключка с теми мыслителями прошлого и тогдашней современности, имена которых названы и идеи которых обсуждены. Особенно важные для Канта (в этом произведении) мыслители — Платон, Аристотель, Хр. Вольф, Лейбниц, Юм. Но прямые цитаты отсутствуют; а теперь напомним: ведь только они и не простые упоминания имен принимаются во внимание в современных системах учета цитирования. У Руссо подчас встречаются ссылки и цитаты (например, в труде «*Di contrat social...*» он цитирует Аристотеля, Макиавелли, маркиза д'Аржансона), но и у него они весьма немногочисленны. Подобное положение с цитированием можно наблюдать в работах Гегеля. Возьмем его великое (авторизированное) произведение — «Науку логики». Здесь тоже есть историко-философские вкрапления-упоминания о древних авторах (Анаксагоре, Платоне, Аристотеле и т.д.), о близких предшественниках (особенно о Канте), но тоже не в форме прямых цитат, а в виде собственного гегелевского изложения их идей. Цитатные ссылки в прямом смысле имеются у Гегеля главным образом на собственные более ранние произведения.

В истории философской мысли последующих эпох складывается своеобразная закономерность: хотя цитаты встречаются все чаще, наиболее самостоятельные, *bahnbrechende*, как говорят немцы, т.е. прокладывающие новые пути мыслители — это одновременно наиболее пассивные, или совсем плохие «цитатчики». И чем более зрелыми, известными становятся философы, тем настоятельнее такая закономерность проявляется в их трудах. Яркий пример — философ-классик XX в. Эдмунд Гуссерль. В ранних работах, пока он искал свой путь в философии, ещё цитировались другие авторы (эта тенденция вообще более характерна для молодых ученых). А когда Гуссерль создал новый тип философской феноменологии и стал основателем на-

правления, развивающегося и в наши дни, он (почти) перестал цитировать других авторов¹.

Принципиально важное для нашей темы уточнение: когда ранее говорилось о цитированиях в произведениях философов прошлого, то в расчет принимались их великие книги. Что вполне естественно. (Мне уже приходилось писать: если бы существующая ныне практика учета и подсчета не книг, а только статей — во имя выявления научной значимости идей автора — существовала в прошлом, то пришлось бы вычеркнуть из философии подлинно великие имена и произведения...) Если бы была возможность говорить именно о статьях знаменитых теперь авторов уже XX в. (подобные конкретные исследования есть у меня применительно к малым произведениям таких мыслителей XX в., как Л. Витгенштейн, К. Леви-Стросс, Б. Рассел и др. — но здесь я их вынуждена опустить), то выявилась бы следующая закономерность: чем значительнее, самостоятельнее были эти их работы, тем реже цитировались другие авторы.

Могут возразить: всё сказанное ранее касается классиков философии, а их признание как раз и подтверждается лишний раз огромным множеством цитат, число которых с течением времени растет в геометрической прогрессии. О классиках (здесь — классиках философии) в связи с современным цитированием возможен особый разговор, и он по-своему интересен, например, для историков философии, когда число цитат может подтвердить сравнительную популярность тех или иных философов прошлого в определенную эпоху в тех или иных странах. Однако ведь суть обсуждаемой здесь проблемы касается не классиков той или иной дисциплины и не признанных — например, с помощью премий типа Нобелевской или других престижных премий — «сегодняшних» корифеев той или иной науки. Ибо с признанием их эффективности все в порядке. Скажем прежде всего о ситуации второй половины XX и начала XXI в.

Выдающийся социолог науки Р.Мертон доказательно раскрыл действенность закономерности, которую он назвал «эффектом Матфея»: ученые, ранее уже обретшие некоторые важные отличия и пре-

---

¹ Разумеется, здесь, в разговоре о цитировании, принимаются во внимание только опубликованные и авторизованные самим этим философом печатные произведения, а не тысячи страниц рукописных или надиктованных заметок, из которых в последние десятилетия составились многие тома обширнейшей «Гуссерлианы» (в них цитат и не могло быть).

имущества (количество и популярность публикаций, степени, звания, премии – и активное цитирование их работ в том числе), будут в увеличивающейся степени получать их и далее (в формулировке ученика Мертон Ст. Коулла: «Прежние заслуги авторов в определенной мере ускоряют распространение их последующих результатов»)¹.

Поэтому, повторяю, проблема и забота при обсуждении проблемы цитирования – не о классиках прошлого, не о «бенефициантах» настоящего (нобелевских лауреатах), даже не о тех ученых, которые в каждый момент формально или неформально, но реально «стоят во главе» целых научных областей. Ибо о них «позаботились» закономерности и обычаи самой научной практики, включая те, которые пояснены на примере «эффекта Матфея». (Надо надеяться, что чиновное рвение не доходит до того, чтобы у наших – увы, немногочисленных – нобелевских лауреатов и лауреатов других престижных премий требовать подтверждений их научной состоятельности через цитирование.)

Центры тяжести обсуждаемой практической и теоретической проблемы – в другом. Надо – действительно надо – при осуществлении контроля за наукой: 1) не пропустить всегда так нужных науке «будущих Эйнштейнов» или будущих лауреатов Нобелевских премий, а в социогуманитарных науках – перспективных крупных ученых (что у нас их «пропускают» и даже даром отдают другим странам, прежде всего США – это печальный факт); 2) не оскорбить, не отпугнуть, не принудить к отъезду в другие страны лучших ученых из той массы исследователей, которые в каждый данный момент нашей эпохи весьма доброкачественно работают в отечественной науке и без которых разветвленная, системная научно-исследовательская деятельность во всех дисциплинах сегодня совершенно немислима. Иными словами, речь идет об объективной и именно верной оценке их труда в каждый актуальный «момент» их исследовательской деятельности. В связи с этим как раз и возникает центральный в обсуждаемой теме вопрос (проблема): соответствует ли сложившаяся в науках реальная практика цитирования тому, чтобы впоследствии подсчитанные показатели цитирования смогли служить обрисованным выше целям? А сначала вопрос: как ученые цитируют, если вообще цитируют, других авторов?

---

¹ О всей сложности ситуации см.: *Мотрошилова Н.В.* Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль. М., 2012. С. 193–209.

В чиновных и близких им экспертных соображениях незримо и, возможно, неосознанно присутствуют представления о некоторой почти «идеальной» практике цитирования, т. е. надежда на то, что ученые цитируют друг друга «по делу» или что и при всех погрешностях цитирования точные (по крайней мере сравнительные) показатели эффективности на основе цитатной работы могут быть получены наукометрами (которые, как предполагается, тоже работают «образцово» или просто хорошо). Со всем этим тоже надо внимательно разобратся.

2. Об «образцовых» статьях — с точки зрения цитирования

Можно ли найти статьи ученых, о которых правомерно говорить как об «образцах» с точки зрения цитирования? Прежде всего следует понять, каковы сами эти образцы и кто их устанавливает. По собственному опыту могу сказать, что (по крайней мере внутри философских дисциплин) не приходилось встречать соответствующие критерии и требования в четко выраженной форме и тем более такой, которая была бы где-то и когда-то принята научным сообществом. (Думаю, так же обстоит дело не только в философии.) Поэтому приходится рассуждать, исходя из логики самой проблемы и имеющегося опыта наиболее близкой к тебе дисциплины. С самого начала отметим: в сложившихся условиях проблему приходится рассматривать, прибегая только к статьям как «единицам», учитываемым в существующих системах обсчета, зарубежных и отечественных. В работах ученых, в том числе публикуемых в данной книге, доказывается: исключение книг как не просто преимущественно важных, но хотя бы равноправных со статьями единиц отсчета есть существенное искажение характера и критериев научно-исследовательского труда. Что особенно сильно затрагивает социогуманитарные дисциплины, включая философию.

Это искажение также и с точки зрения фактора цитирования: ведь в современных книгах цитирование, как правило, — во много раз более продуманное, выверенное, систематическое, чем в статьях.

Но при сложившейся практике — повторяю, вопреки особенностям самого современного исследовательского труда — приходится, рассуждая о цитировании, говорить о статьях. Разумеется, и здесь снова надо учесть особенности тех или иных дисциплин.

В философской статье (объема сколько-нибудь разумного для выражения и доказательства развиваемых идей и отстаиваемых утверждений) «образцовое» цитирование было бы связано с выполнением ряда предварительных условий. 1) При осмыслении той или иной научной проблемы должны быть освоены — и впоследствии, в самой статье точно и аккуратно процитированы — главные источники среди имеющейся литературы вопроса. В отдельных случаях (например в истории философии), где существует вероятность обнаружения новых источников, они по возможности должны быть найдены или по крайней мере упомянуты. 2) Должна быть освоена — и процитирована, опять-таки точно, по самим источникам — мировая литература вопроса, а не только та, которая в данное время, в данной стране «имеется под рукой» (но и последняя тоже должна входить в кадр рассмотрения). 3) Должны быть даны содержательные оценки данной литературы и она 4) должна быть взята в максимальной возможной полноте, в свете объективных оценок её значимости. 5) Предполагается, что первичные, вторичные и т. д. источники, имеющиеся на других языках мира, кроме родного, процитированы достоверно (что, в свою очередь, предполагает адекватный перевод по крайней мере цитат из них на родной язык или язык, на котором осуществляется публикация).

Выполнение такого рода строгих требований, особенно, подчеркиваю, в статьях, что понимает каждый, — дело чрезвычайно трудное, а потому и исключительно редкое. Поэтому подобные «образцы цитирования» в каждой дисциплине — это, что называется, «штучный» товар. Так, в области, в которой я работаю, т. е. в истории философии, мне пока довелось встретить совсем немного исследователей, чья работа (по моему, разумеется, мнению и мнению известных мне коллег) отвечает перечисленным требованиям. Это, например, живой классик современного кантоведения немецкий философ Норберт Хинске, чьи глубокие и самостоятельные книги и статьи, посвященные исследованию философии Канта и других мыслителей, отличаются и таким свойством: после него в исследуемых им областях (и на доступных ему языках¹) вряд ли может остаться хотя бы один не упомянутый, не

---

¹ Обратите внимание что даже Н. Хинске, живо интересующийся российской философией и, в частности, выпустивший вместе со мною в Германии книгу со статьями наиболее авторитетных российских кантоведов, сам не владеет русским языком. И стало быть, даже в его исследованиях, образцово-полных по цитированию, нет цитат из литературы вопроса на русском языке...

процитированный источник, который сколько-нибудь достоин этого. Второй философ – это наш отечественный автор молодой профессор РГГУ Алексей Круглов, занимающийся историей немецкой философии (и прошедший школу Н. Хинске.) Он осуществил уникальное (пока) исследование рецепции философии Канта в России, вводя в научный оборот большое количество малоизвестных, вовсе забытых или обнаруженных им самим материалов. (И если бы в нашей стране хоть как-то умели ценить подобный вклад в тщательнейшие исследования отечественной культуры, он заслуживал бы, по моему и не только по моему мнению, престижных премий и отличий, подобных тем, которые в Германии или Франции присуждаются даже зарубежным ученым, имеющим заслуги в исследовании немецкой и французской культуры, включая философию.)

Но от примеров вернемся к нашей общей теме. Если и полезно говорить о таких образцах для подражания, то можно ли надеяться на реальное следование им? Уверена: «образцовое» цитирование в науках именно такой штучный товар, который куда более редок, чем высококачественное исследование. О трудностях на путях даже к не-образцовому цитированию скажем позже. А пока предварительно констатируем то, что представляется очевидным: подавляющее большинство научных статей составляют такие, которые не дают ни «образцового», ни даже «средне-нормального» цитирования, а иногда лишены его полностью.

Теперь – снова возвратившись к моему примеру – разберем такой вопрос: учтен ли научный вклад самих авторов подобных образцовых работ в существующих сетях цитирования? И снова же ответ характерен, по-своему типологичен. Относительно Н. Хинске у меня нет точных данных, но на основе чисто эмпирического опыта изучения соответствующей зарубежной литературы могу сказать: его в кантоведении цитируют весьма часто. Но всё дело в том, что кантоведение, при всем его значении для истории философии – сравнительно ограниченная, «узкая» область исследования. И поэтому уровень цитирования его работ и работ других кантоведов – в сравнении с другими популярными европейскими авторами более широкого проблемного диапазона – будет существенно ниже. (Хотя Н. Хинске, как я отметила, считают одним из классиков в его области исследования.)

В случае А. Круглова вступают в силу и другие (наряду с более узкой специализацией) негативные (применительно к делу цитиро-

вания) факторы. И последние, подчеркну, также имеют типологический характер именно для 1) относительно молодых перспективных исследователей — и, в частности, таких, которые 2) выбирают как бы запущенные в данный момент области, становясь в них своего рода первопроходцами. А если это 3) российские исследователи, хотя бы реально или потенциально мирового класса, то неблагоприятное положение усугубляется. В частном случае А. Круглова тот упомянутый факт, что он 4) пишет книги, и как отмечено, замечательно профессиональные, как бы завершает грустную картину. Ее общее, типологическое значение заслуживает быть специально зафиксированным. А именно: в силу реально сложившихся условий «зеркало» цитирования особенно кривое и неблагоприятное для молодых ученых-новаторов, дерзающих выбирать ещё не пройденные пути, при довольно узкой специализации, двигаться по ним оригинально, и осуществлять фундаментальные, системные исследования (чаще всего воплощающиеся в книгах). Итак, вроде бы постулируемая задача способствования молодым научным талантам существенно противоречит использованию показателей цитирования как раз на линии отыскания «таланта выше среднего». Такие таланты (по крайней мере в философии) могут попасть в «сети цитирования» лишь в виде исключения и совершенно случайно. Между тем элементарный опрос ученых соответствующей области (разумеется, проведенный профессионально) помог бы достаточно быстро «засечь» уже появившиеся таланты! (Из них совсем не обязательно вырастут крупные ученые, но это все же в высокой степени вероятно.)

Теперь, после обсуждения проблемы редчайших «образцов» цитирования, вернемся к наиболее массовым способам цитирования в науке.

3. Как и кого обычно цитируют ученые?

Картина, которую я далее набросаю, вряд ли порадует читателей — и не только чиновников, свято верящих в точность «показателей цитирования», но и самих ученых. Но я призываю всех нас к максимальной честности в ответах на поставленный вопрос.

Сначала о типологических факторах, внешних, так сказать, объективных, отклоняющих даже от приличного — с точки зрения совсем не суровых требований — цитирования при написании статьи.

1. **Фактор времени.** Обычная статья пишется за относительно короткое время, определяемое заказом на неё из определенного журнала, актуальными задачами самих ученых (сделать её к отчетному сроку и т.д.). Сегодня, когда цитирование всё-таки считается необходимым, оно обычно выполняется соответственно возможностям, например, уже найденным или быстро находимым источникам, из которых приводятся цитаты. Понятно, что результат (по цитированию) весьма далёк не только от «образцов», но даже и от того объема источников, который сам автор — при «идеальных» обстоятельствах, которых ведь никогда не бывает — был бы склонен и готов процитировать. Словом, фактор времени можно счесть скорее отклоняющим от целей надежного и объективного цитирования, нежели приближающим к ним.

2. **Фактор объема статьи.** В статье обычного объема цитаты, что вполне объяснимо, должны занимать относительно скромное место. Это склоняет к сокращению цитат даже тех авторов, которые накопили для этого обширный материал, но больше чем устраивает тех авторов, которые и не стремятся к сколько-нибудь репрезентативному (для их тем и проблем) цитированию и облегчает многим из них подход к цитированию как некоему принятому ритуалу. Его, этот ритуал, вроде бы надо соблюсти, но он же считается не слишком важным очень многим авторам (признаемся в том честно).

3. **Фактор доступности источников.** Относительно трудностей цитирования зарубежных работ по темам создаваемой статьи вопрос более или менее ясен: необходимо не просто знать соответствующие языки, быть в общем виде информированным насчет важности работ, но и попросту иметь к ним доступ. Сегодня, в эпоху интернета, доступ несколько облегчается, но главные трудности все же остаются. Поэтому здесь остается много недочетов и претензий к отечественным исследованиям. Но и с доступностью отечественных источников всё в последние десятилетия обстоит из рук вон плохо: советская система распространения научных изданий по всей стране похоронена, так что в провинции узнать о новой книге или журнале и тем более заполучить их, как правило, практически невозможно. И наоборот, ученые центральных городов, как правило, не цитируют своих коллег из рассеянных по всей стране научных центров, ибо попросту не информированы об их работах или не добираются до них. В результате — отсутствие даже возможных цитирований и многие несправедливые перекосы в этом деле... И особенно в такой большой стране, как наша:

мы сильно проигрываем малым странам и в цитатном отражении отечественной литературы.

4. Фактор влияния на науку социально-идеологических установок. Имеется в виду то, что в науке, как и во всей жизни общества, имеются формы и ступени социально-идеологического господства-подчинения. В разные эпохи и в разных странах их влияние варьируется. Степень же этого влияния во многом зависит от характера дисциплин. Например, и в советское время было нелепо предположить цитирование речей генеральных секретарей КПСС, скажем, в научных работах по математике. Но в диссертациях, и даже по естественным наукам, полагалось приводить подобные цитаты. А в биологии одно время «победителем» по цитированию, скорее всего, стал бы печально известный «народный академик» Т.Д. Лысенко... Что касается философии, то влияние этого фактора было очень сильным. Если бы о научных заслугах отечественных философов 40–50-х гг. XX в. судили по цитированию, то составил бы список «авторов», в наше время с полным основанием забытых. И наоборот, философы, в 60–70-х гг. образовавшие когорту авторов исследовательского круга и в последующие десятилетия признанные с точки зрения их научных заслуг, в это раннее время никак не были и не могли быть «чемпионами» по цитированию. Итак, для некоторых длительных времен и эпох актуальные цитирования не только неспособны стать показателями уровня эффективности научных исследований и вкладов — они, как правило, дают искаженную, превратную картину исследовательской реальности. Впоследствии, правда, эта картина существенно корректируется. Но ведь в нашем контексте речь неизменно идёт об актуальном, «сегодняшнем» цитировании и его значении для науки.

Однако и в наши дни, во времена, куда более свободные от прямого давления господствующей идеологии, в том числе в социогуманитарных дисциплинах, существует не только немало искажающих внешних факторов — к ним присоединяются и субъективные, внутренние влияния, тоже делающие показатели цитирования сугубо неточным мерилем эффективности. Далее — о некоторых факторах субъективного ряда, которые можно считать типологически распространенными и правомерно присоединить к ранее перечисленным.

5. Факторы зависимости ученых от начальства, от фондов и т.д.

Приходится учитывать такие, например, осложняющие обстоятельства: среди цитат (и даже в числе соавторов) в научной статье

могут быть такие, которые не связаны с научными заслугами (как правило, весьма скромными или отсутствующими) цитируемых или упоминаемых «деятелей». Все здесь подчас определяется какой-либо зависимостью авторов статей от разных категорий людей, работающих в науке — ими могут быть руководители, реально в исследованиях не участвующие или участвующие очень мало, или люди, от которых зависит распределение грантов, других средств и т.д.

В академической среде распространено цитирование ученых-членов Академии — особенно в случаях, когда тот или иной цитирующий автор имеет академические амбиции, т.е. рассчитывает войти в элитарный научный корпус, а потому цитирует, иногда совсем не к месту, как говорится, «всеу», членов своего отделения АН и т.д.

Тут надо сделать очень существенную оговорку, которая, кстати, тоже снижает значимость именно фактора цитирования. Сегодня не цитирование подтверждает уровень научных заслуг членов АН. Например, в философии, в отличие от прежних времен (когда члены академии были, как правило, «верными последователями учения Ленина—Сталина», частенько назначенными в Академию самим Сталиным), членами академии чаще всего становятся признанные философским сообществом ученые-исследователи. И ведь не цитирование выделило их: как раз на более ранних стадиях формирования их научной деятельности, именно в советское время, они подчас слыли и были неортодоксальными авторами, так что сильно уступали по уровню цитирования ранее упомянутым ортодоксам. Сегодня, конечно, их цитируют достаточно часто, но в целом их реальное признание всё-таки основывается в главном не на цитировании их работ (в составе которого практически невозможно отделить и вычесть цитирование «всеу»), а на других, более существенных для науки факторах. Я бы сказала так: это (в основном) люди, которым несмотря на все социально-идеологические препятствия также и в философии удалось сделать своего рода открытия и стать лидерами целых научных направлений. (В каждом случае требуются конкретные обоснования, и их вполне можно представить.)

Не в пользу фактора цитирования в случае членов АН можно отметить уже иное, никак не относящееся к их заслугам обстоятельство: когда их цитируют «всеу», они — по цитированию — обходят своих коллег, не имеющих таких званий, но не уступающих им по уровню научных заслуг и реальному признанию со стороны научного сообще-

ства: последние, не состоящие в Академиях, не имеющие отношения к распределению фондов и т. д., цитируются в куда меньшей степени, что также искажает общую картину того, «кто есть кто» в данной научной области.

6. Чисто субъективные факторы, реально определяющие уровень цитирования других авторов и искажающие картину реального признания в (той или иной) науке, довольно многочисленны и здесь могут быть упомянуты лишь кратко, без детального рассмотрения.

— Влияние личных отношений — все же достаточно основательное: некоторые авторы вообще не цитируют коллег, которые им по тем или иным (внеаучным) обстоятельствам несимпатичны и, наоборот, обильно цитируют ближайших соратников, друзей, помощников, учеников и т.д. вне зависимости от научного качества работ этих последних. Отсюда — особое отличие результатов: по наличному цитированию подчас можно вычлениить некоторые кластеры, свидетельствующие о группировках в науке, или, выражаясь более обыденно, внутринаучных тусовок...

— Влияние «моды» внутри науки тоже имеет место и прямо отражается на цитировании. Механизм её воздействия похож на тот, что описан у Пушкина в «Евгении Онегине»: «Она любила Ричардсона, не потому чтобы прочла... Но в старину княжна Алина, её московская кузина, твердила часто ей о нем...» Подобные синдромы — «не потому чтобы прочла» и следование мнению «московской кузины» — в особой форме влияют на науку. Один пример: сейчас очень модно цитировать Мартина Хайдеггера (цитировать по одному-другому переводному источнику, подвернувшемуся под руку). Я спросила диссертанта, защищавшегося по той теме ранней средневековой философии, в которой Хайдеггер отнюдь не является экспертом, зачем именно в этом случае цитировать столь сложного автора без вхождения в детали (перевода и т.д.). Ответ был характерным: для «осовременивания», для «оживления»... Иными словами, в силу следования сложившейся моде. Подобным образом цитируют некоторых модных сегодня отечественных авторов. Сказанное отнюдь не означает, что они вообще недостойны цитирования. В некоторых случаях весьма достойны. Но в иных контекстах и на других условиях — не по принципу: «не потому чтобы прочла...» Кстати, для оценок действительного влияния того или иного философского учения (в том числе и такого популярного, как философия Хайдеггера) такие феномены

модного цитирования скорее вредны, чем полезны, ибо тут перед нами «модные шумы»...

А значит, от ранее рассмотренных факторов всего более страдают (с точки зрения показателей цитирования) те молодые и зрелые авторы, темы исследований которых — мы о них ранее говорили — специальные, новые, казалось бы, частные, но очень важные для той или иной дисциплины. И снова подчеркну: дискредитированы те ученые, которые пишут обстоятельные книги, иногда объемные, требующие длительного, последовательного, внимательного изучения и вполне достойные этого. Особенно важен фактор спешки, поверхностного чтения или вообще его отсутствия в условиях сегодняшнего времени, когда большинство ученых не могут избавиться от влияния исторически обусловленных способов повседневной жизни. Ныне это — высокие «скорости» всего и вся, «суета сует», от которых не уберегается и научно-исследовательская практика. В России к этой «суете сует» последних десятилетий присоединились дополнительные факторы: мизерные заработки в науке и необходимость, особенно для более молодых поколений, где-то подрабатывать, чтобы жить — и многое другое. И тогда, в частности, манера «цитировать», почти или совсем не читая вроде бы упоминаемого автора, становится своего рода эпидемией... Ко всему тому, что ранее сказано о реальном цитировании в науках и что, скорее всего, имеет интернациональное значение, добавим еще один фактор, относящийся к России. (И, быть может, еще к ряду стран с так называемыми редкими языками.)

О неблагоприятной, несправедливой ситуации, сложившейся применительно к российскому сообществу, много писали отечественные ученые¹.

Зафиксирую исходное и сейчас вряд ли исправимое положение (имея в виду прежде всего лучше знакомую мне картину, касающуюся философских наук) и специфицирую его применительно к фактору цитирования.

В то время как наиболее продвинутые российские философы разных специализаций достаточно активно и грамотно цитируют реле-

---

¹ Наша статья, опубликованная первоначально в «Вестнике РАН» (2011. № 2. С. 134–146) и обсуждавшая ту ситуацию, которая исторически сложилась по отношению к современной отечественной философии и отражает не просто её слабую представленность, а фактическую непредставленность в системах Web of Science, перепечатана в данной книге.

вантные их исследовательским занятиям работы западных и восточных коллег, у наших зарубежных коллег (особенно в Европе и США) начисто отсутствует привычка цитировать российских авторов. Прежде всего, конечно, работы, написанные и опубликованные на нашем родном языке. Но не только их: даже философы, знающие своих российских коллег, подчас публикуя свои статьи в европейских изданиях, что называется, рядом с российскими авторами, которым они нередко устно выражают свое одобрение, не спешат когда-либо и где-либо процитировать российских ученых. Так складывается не просто асимметрично-несправедливое, но и по-своему парадоксальное положение. А именно: ученые-россияне, при таких условиях исправно цитирующие западных авторов, даже вносят свой «вклад» в закрепление подобной асимметрии: ведь они-то, добросовестно и регулярно цитируя зарубежных коллег на языках оригиналов (при этом в весьма богатом разнообразии последних), как бы закрепляют их преимущество, если оно регистрируется с помощью фактора цитирования.

4. Общие выводы относительно фактора цитирования

Главные, пожалуй, субъективные соображения, влияющие на практику цитирования, состоят в пусть и не всегда сформулированной ясно следующей принципиальной убежденности большинства ученых, в том числе современных: как число публикаций, так и особенно число цитирований в их работах (даже при нереальном для сегодняшнего дня условии точного их подсчета) не могут служить ни главными, ни даже второстепенными индикаторами качества научно-исследовательского труда — и тех, кто цитирует, и тех, кого цитируют.

Не сильно расходятся с этими убеждениями и профессиональные выкладки таких признанных социологов науки, как Р. Мертон. Он, правда, социологически осмысливает те более поздние этапы научно-исследовательской работы, когда фактор цитирования уже вошел в научную практику и когда социологи науки стали говорить, подобно Мертону: ссылки и сноски действительно нужны, и они даже могут стать «главным элементом системы стимулирования научного труда и лежащих в её основе представлений о справедливом распределении,

которые во многом способствуют ускорению научного прогресса»¹. Но это, так сказать, в идеале, который должен быть построен, и это главное, — на целой системе, принадлежащей к тому виртуальному, так сказать, «высшему суду» в науке, куда входят прежде всего качественные и длительные оценочные факторы. Например, «ономастика», т.е. присвоение имени определенных ученых тем или иным научным законам или формулам (закон Ньютона и т. п.). Использования подобных достижений столь многочисленны, что их подсчет невозможен — здесь и не требуется прямых цитат.

Упоминания великих имен в любых науках — фактор, не принимаемый в расчет в системах цитирования, на деле весит много больше, чем прямые цитаты. Наконец, в обсуждаемую систему входят не прямо подсчитываемые и трудные для учета, но все же уловимые и очень важные факторы негласного признания в каждой науке в любой данный момент её функционирования. Суждения и оценки друг другом членов научного сообщества — при всей их субъективности, при всех трудностях их учета и обобщения — могли бы много успешнее служить одним из параметров качественной оценки научного труда. При этом можно было бы, как ранее сказано, достаточно оперативно опознавать молодых ученых, которых ещё не цитируют сколько-нибудь активно, но которые уже успешно приобретают реальный вес в науке.

На фоне всей совокупности упомянутых (и не разобранных аналогичных) факторов практика цитирования, взятая с чисто количественной точки зрения (и тем более ученная с не раз упоминаемой высокой неточностью существующих систем), может скорее усложнить, затруднить получение реальной картины эффективности труда в актуально развивающейся науке². В крайнем случае их можно принимать во внимание как совокупность сугубо неточных чисто количе-

¹ Об отношении Р. Мертон к данной проблеме см.: *Мотрошилова Н.В.* Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль. С. 199, 201, 204–208.

² Мы не разбираем аргументацию, иногда приводимую в пользу преимущественной опоры на практику цитирования. Когда признают: да, она ненадежна и неточна, но может использоваться для сравнительных оценок (ибо она неточна-де в равной мере для каждого ученого). Но из того, что говорилось ранее, следует: непригодность сложившихся практик учета цитирования обусловлена в том числе их неточностью, которая имеет дискриминационный, несправедливый характер, причем не только по отношению к отдельным ученым, но к целым странам с неслабыми научными центрами.

ственных показателей (уже тут – внутреннее противоречие) даже не второстепенной, а куда меньшей значимости. Но в обстоятельствах, когда им придают первостепенное значение, все чревато ошибками и вредными, необъективными выводами и большими затратами времени, в том числе драгоценного времени самих ученых. Если им для отчетов перед высшими чиновными инстанциями придется собирать заведомо неточные данные и показатели...

ГЛАВА 9.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СЕТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ БИБЛИОМЕТРИИ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Библиометрия в широком понимании — это использование методов математической статистики к исследованию книг и периодики. Как отдельное научное направление в науковедении библиометрия стала оформляться в конце шестидесятых годов, хотя основные идеи библиометрии, связанные с мониторингом научных достижений, были сформулированы еще раньше — в период первых промышленных революций, то есть, как минимум, в начале XIX в.

Библиометрия использовалась для самых разнообразных прикладных задач — от определения границ научных направлений до установления значимости периодических изданий, от тематического распределения публикаций в научном дискурсе до выявления корреляций между возрастом ученого и его научной активностью. В настоящее время методы библиометрии широко применяются для оценки научной продуктивности ученых и научных организаций.

Понятно, что привлекает проponentов данного метода оценки научных исследований. Во-первых, это очевидная формальность используемых методик, основанных на чисто внешних характеристиках научной продукции — статей ученых, патентов, зафиксированных в установленном порядке, подтвержденных открытий, ссылок на публикации и т.д. Иными словами, процедура оценки максимально алгоритмизирована и тем самым легко реализуема с использованием компьютерных средств обработки данных. Во-вторых, внешняя объективность получаемой оценки — публикация либо есть, либо ее нет, научная премия либо присуждена, либо нет. В-третьих, библиометрические методы оценки научного вклада кажутся универсальными и легко распространяемыми на различные научные дисциплины. Наконец, последнее — *last but not least* — такой способ оценки не требует специальных научных знаний у чиновника, который выставляет

оценку. Кроме того, такой подход отнюдь не исключает возможности манипулирования оценкой. Дело в том, что сам список «рецензируемых» изданий легко регулируется, а различным видам публикаций можно присваивать различные веса. Инструментарий библиометрии в руках чиновников, как показывают события последнего времени, творит чудеса в сфере оценки научной деятельности.

Критика библиометрических методов в классическом варианте и разнообразных модификациях общеизвестна и нет смысла ее еще раз воспроизводить (см. в частности, многие работы данного сборника). Представляется важным и наиболее существенным одно соображение: библиометрические методы «заточены» на внешние, формальные характеристики научной продукции. При этом сущностные, содержательные оценки остаются в стороне. Они оказываются производными от количественных оценок формальной стороны. Действительно, 100 публикаций одного ученого больше 50 публикаций другого. Значит, делает вывод «библиометр», результаты первого ученого более значимы, чем второго. Понятно, что такая интерпретация сомнительна, поскольку различие в количестве часто указывает именно на различие в количестве и совершенно ничего не говорит о качестве. При этом часто бывает ровно наоборот: формально продуктивный ученый может эксплуатировать одни и те же идеи, а ученый, опубликовавший две-три статьи, открывает новое направление в науке. Примеров такого рода очень много — один из них (теория речевых актов) рассматривается ниже. Каждый исследователь может привести множество примеров такого рода из своей научной дисциплины.

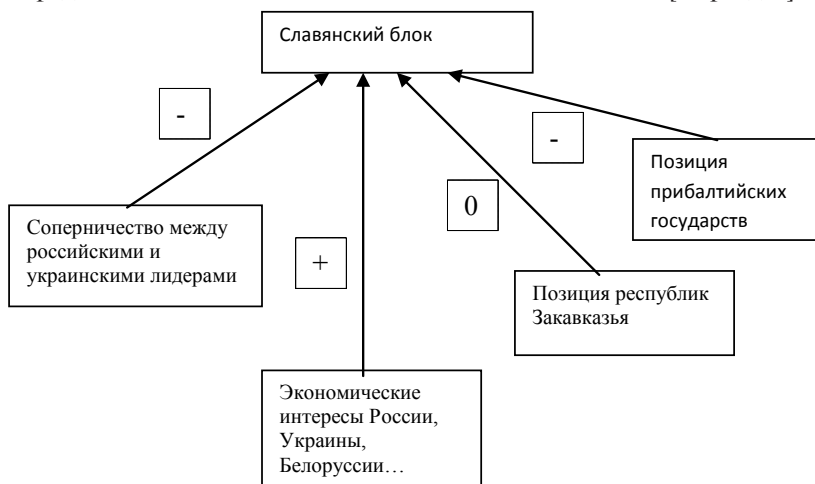
Несоответствие количества и качества особенно типично для гуманитарной области знания. Например, тома британской «Лингвистической службы Индии» (*Linguistic Survey of India*), в которых последовательно описывались многочисленные языки Индостана (многие из них находились уже в XIX в. на грани исчезновения), довольно редко упоминаются даже в специальных исследованиях. Между тем они лежат в основе современной практики полевых исследований редких языков и могут рассматриваться как предтеча известных сейчас методов лингвистической типологии, основанных на процедурах открытия грамматики и лексики, созданных (на новом витке развития знания) в рамках дескриптивной лингвистики. Разработанные британскими лингвистами анкеты описания языков Индостана послужили прообразами современных методик работы с информантами — носителями редких и неописанных языков.

Представляется, что методы библиометрии применительно к гуманитарным специальностям должны опираться на правдоподобную концептуальную модель сущностного вклада ученого в науку — того кирпича, который он кладет в здание научного знания. Метафора строения применительно к научной деятельности вполне традиционна, или как говорят — конвенциональна. Однако и конвенциональные метафоры обладают креативным потенциалом. Действительно, важен ведь не сам кирпич (большой, средний, маленький и пр.) и даже не количество кирпичей. Существенно то место в здании, где он будет положен: образует ли он часть фундамента, основание балки или является частью декора.

В середине двадцатого века в искусственном интеллекте для представления структур знаний стал широко использоваться инструментарий семантических сетей. С математической точки зрения сеть — это граф, то есть множество узлов, связанных разнообразными семантическими (смысловыми) отношениями. В когнитивном картировании, например, цель которого заключалась в моделировании каузальной (причинной) структуры политического текста, в узлы помещались описания некоторых важных событий, ситуаций, а отношения, связывающие узлы, (стрелки или дуги) отражали причинные связи между событиями, влияние событий друг на друга. Поскольку влияние могло быть положительным (одно событие способствует реализации другого) и отрицательным (событие препятствует или затрудняет реализацию другого), то стрелки получали маркировку «+» или «-». Возможен и такой вариант, когда влияние событий друг на друга в тексте отмечено, но характер влияния в тексте не определяется, тогда стрелка не получает никакой маркировки или ей приписывается знак «0». Сравним фрагмент политического текста, в котором описывается политическая ситуация на постсоветском пространстве в 1991 году, и иллюстрирующая его когнитивная карта:

«Экономические интересы России, Украины и Белоруссии, общность их культур объективно вели к формированию славянского союза внутри СНГ. Однако соперничество между российскими и украинскими лидерами за контроль над Украиной и Белоруссией, кажется, навеки похоронило идею славянского блока, с которого, собственно, и началось СНГ. <...> Кроме того, в общей геостратегической игре участвуют страны Прибалтики, которые, по сути, уже сегодня образуют “мягкую” конфедерацию с общими военно-стратегическими интересами. Для них идея союза славянских государств представляет явную

угрозу. Несколько выпадают из общей картины республики Закавказья, которые из-за гражданских и межнациональных конфликтов не определили своего отношения к этой важнейшей теме». [«Правда»]

Варианты формализма когнитивной карты позволяют более точно отражать степень воздействия события на другое событие с помощью аппарата «весов», приписываемых стрелкам. Часто используется трехкомпонентная шкала весов – 1 (минимальное влияние), 2 («обычное», «нормальное» влияние), 3 (сильное, решающее влияние). Расстановка весов дает возможность суммировать положительные и отрицательные влияния, определяя «вектор» развития политической ситуации. Так, различная расстановка весов на приведенном фрагменте когнитивной карты будет давать совершенно разный результат. Если экспертная оценка влияния узла «Экономические интересы России...» будет равна 3, а оценка значимости узлов «Соперничество между российскими и украинскими лидерами» и «Позиция прибалтийских государств» будет равна –1 для каждого, то в сумме получится положительное значение: $3 - 1 - 1 + 0 = 1$. Иными словами, ситуация описана как способствующая идее образования славянского блока. Другое дело, что фактически экспертные оценки, скорее всего, для данного отрывка текста будут ровно противоположны:

- +1 («Экономические интересы России, Украины и Белоруссии...»);
- 3 («Соперничество между российскими и украинскими лидерами»);
- 2 («Позиция прибалтийских государств»);
- + 0 («Позиция республик Закавказья»).

Иными словами: $+1 -3 -2 +0 = -4$. Этот вариант распределения весов больше соответствовал реальности на указанный период времени. Экспертные оценки значимости событий либо выводятся из содержания текста, либо оказываются частью представлений эксперта-составителя карты о политической ситуации.

Даже такой простой вариант каузального графа – когнитивной карты политического текста – оказался эффективным средством моделирования политического мышления. Более того, методика когнитивного картирования стала стандартным средством анализа разнообразных политических текстов¹.

Позже семантические сети нашли применение и в работах по лексической и лингвистической семантике: с помощью аппарата семантических сетей описывалось содержания предложения, текста, его фрагментов, а также и лексикон человека, рассматриваемый как психологическая и когнитивная реальность².

Семантические сети представляют собой универсальный метаязык описания разнообразных семантических отношений между смысловыми элементами, которые в каждой проблемной области могут быть своими. Значимость отдельных узлов семантической сети легко определяется по их местоположению в сети и по количеству стрелок (в общем случае – дуг), которые входят в узел и из него выходят. Самые важные элементы – либо наиболее центральные (для ориентированных сетей), либо наиболее связанные в семантической сети, либо и первое и второе одновременно. Именно это можно положить в основу качественной оценки научного вклада ученого в той или иной гуманитарной специальности.

Центральные узлы – это работы тех ученых, которые, может быть, и не упоминаются слишком часто, но образуют основу всей сети. Элиминация таких работ из сети должна приводить к тому, что единая семантическая сеть разбивается на ряд подсетей, не связанных или плохо связанных между собой.

---

¹ *Херадтвейт Д., Нарвесен У.* Психологические ограничения на принятие решения // *Язык и моделирование социального взаимодействия*. М., 1987. С. 381–407; *Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику. М., 2000.

² *Brugman C., Lakoff G.* Cognitive Topology and Lexical Networks / S. Small et al (eds.). *Lexical Ambiguity Resolution: Perspectives from Psycholinguistics, Neuropsychology, and Artificial Intelligence*. – San Mateo, CA: Morgan Kaufmann, 1988; *Taylor J.* Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory. Oxford: Clarendon Press, 1989.

Периферийные узлы – это работы тех ученых, которые не являются существенным вкладом в научное знание в данной дисциплине – возможно, до момента, пока на «отростках» этих работ не вырастут новые подграфы, формирующие новые области научного знания. Наконец, между центром и периферией сосредоточены те работы, которые находятся в русле современных научных трендов – современных теорий, концепций и устоявшихся парадигм.

Наиболее связанные узлы соответствуют работам, на которые приходится значительное количество ссылок. Соответственно, слабо связанные узлы могут рассматриваться как модельное воплощение малоизвестных исследований.

Такую семантическую сеть можно назвать «библиометрической сетью».

Проиллюстрируем некоторые преимущества предлагаемого подхода конкретными примерами.

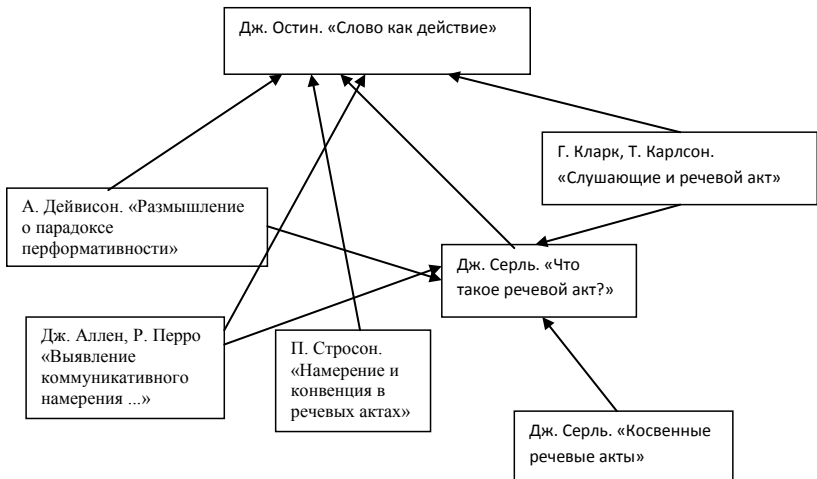
Вряд ли у кого-то вызовет сомнение, что основателем теории речевых актов является Дж. Остин, описавший в своей работе «Слово как действие» основные категории данной теории (понятие перформативности и перформатива) и сформулировавший первую классификацию типов перформативов¹. В сборнике переводов «Новое в зарубежной лингвистике», Вып. XVII (М., 1986) собраны основные работы по теории речевых актов на середину 80-х гг. Можно считать, что этот сборник представляет собой упрощенную модель соответствующей предметной области – литературы по теории речевых актов. Исследуя комплекс библиографических отсылок в статье Дж. Серля «Косвенные речевые акты»², можно обнаружить, что ссылок на Дж. Остина нет. В ней присутствуют следующие отсылки: [Searl 1969], [Searl 1978], [Grice 1975]. Классическое библиографическое индексирование для определения индекса упоминания (не важно, как он считается) не позволит никак связать данную работу с базовым исследованием Дж. Остина. Более того, чем больше поток исследований, инициированных Дж. Остиным, тем реже будет упоминаться сам основатель, и это естественно: перейдя в разряд классических произведений, «Слово как действие» станет упоминаться существенно реже – хотя бы по-

¹ *Остин Дж.Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986. С. 22–129.

² *Серль Дж.Р.* Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986. С. 195–222.

тому, что более современные классификации речевых актов (того же Дж. Серля) будут более актуальны. Будет ли это искажать картину реального вклада ученого? Разумеется, хотя Дж. Серль может рассматриваться как второй классик данной теории.

Семантическая сеть позволяет учитывать эффект снижения прямого цитирования основоположника теории за счет связности сети. В этом случае работа Дж. Остина окажется в такой позиции в сети, что к ней можно будет перейти по ориентированным стрелкам от любого узла. Пусть в нашей «тестовой» сети узлу соответствует конкретная научная работа – статья или монография, а направленная стрелка отражает наличие ссылки на соответствующий научный источник:

Приведенный пример, разумеется, является упрощенным иллюстративным примером, основанным на неизбежно ограниченном по объему материале сборника «Новое в зарубежной лингвистике» (Вып. XVII). Тем не менее из данного фрагмента библиометрической сети хорошо видно, что работа Дж. Остина «Слово как действие» достижима из любой статьи сборника – либо прямо, либо через посредство другого узла, что указывает на ее исключительную важность для данной предметной области.

Приведенный фрагмент позволяет также формализовать оценку таких важных содержательных параметров, как фундаментальность работы для данной теории, направления и даже научной дисциплины. Действительно, работа Дж. Остина не только достижима из всех узлов сети, но и имеет только входящие стрелки. Иными словами, на нее ссылают-

ся, но в ней содержатся отсылки другого типа – не к работам по теории речевых актов, а к другим смежным теориям и научным направлениям. Ср. ссылки Дж. Остина в данной работе на «Ипполита» Еврипида и Дж. Мура («Принципы этики»)¹. Столь небольшое количество отсылок отчасти объясняется жанром: «Слово как действие» представляет собой изложение курса лекций, который Дж. Остин читал студентам. Однако в большей степени это связано с фундаментальным характером работы: именно с нее теория речевых актов начинается как особое научное направление, находящееся на стыке философии, логики и лингвистики.

Фундаментальность лекций Дж. Остина отражается и в том, что элиминация узла, соответствующего этой работе, приводит к тому, что вся сеть разрушается, превращаясь в множество несвязанных (или слабо связанных) более простых подграфов.

Семантическая библиометрическая сеть позволяет отразить и степень значимости тех или иных исследований в рамках конкретно выбранного научного направления или дисциплины. Так, в приведенном фрагменте библиометрической сети «Новое в зарубежной лингвистике» (Вып. XVII) работа Дж. Серля «Что такое речевой акт?» занимает особое положение: из нее выходит одна стрелка – к лекциям Остина «Слова как действие» и входят четыре стрелки. В данном случае цитируемость работы Дж. Серля указывает на ее относительную значимость в рамках теории речевых актов: она менее значима, чем лекции Дж. Остина, но более значима, чем все остальные (из приведенных в сборнике). Это хорошо согласуется и с интуицией, поскольку классификация речевых актов Дж. Серля широко использовалась и используется в исследованиях данного направления.

Семантическая библиометрическая сеть представляет собой очень мощный исследовательский инструмент науковедения. Действительно, варьирование содержания узлов сети позволяет увидеть картину научного направления под другим углом зрения. Так, помещая в узлы сети не отдельные работы, а конкретных авторов, мы получим возможность оценки не отдельных работ, а самих исследователей.

Можно усовершенствовать и формализм стрелок. Так, классический инструментальный уже упоминавшегося когнитивного картирования включает три типа отношений между узлами: "+", "-", "0": $A \rightarrow + B$ («А способствует В»), $A \rightarrow - B$ («А препятствует В»), $A \rightarrow 0 B$ («А никак не влияет на В»). Легко показать, что эти отношения скрывают мно-

¹ Мур Дж. Принципы этики. М., 1984.

жество различных семантических связей. Например, за парой $A \rightarrow - B$ стоит, как минимум, два варианта интерпретации: это может быть и « A — причина не B » и « A — гарантия от B ». Если в первом случае позиция автора текста относительно A и B не вполне ясна, то во втором — автор, несомненно, отдает предпочтение A , а B для него нежелательно. Аналогичное разбиение по модальности ‘желательно—нежелательно’ можно провести для двух других отношений. Так, для $A \rightarrow + B$ допустимо и нейтральное понимание « A способствует B », и понимание, при котором для автора предпочтительнее «не B » — « A попустительствует B ». Наложение различных модальностей на узлы сети существенно усиливает возможности описания — его различительную силу.

Применительно к стрелкам семантической библиометрической сети модальности, «навешиваемые» на стрелки, могли бы давать информацию о характере ссылки: используется ли она для обоснования тезиса автора или, наоборот, ссылка указывает на работу, с которой автор не согласен. Это позволило бы выделить, например, наиболее спорные работы и, наоборот, исследования, результаты которых не вызывают существенных сомнений.

Еще один вариант усложнения — приписывание весов (скажем, от 1 до 3). Возрастание веса стрелки можно связывать с количеством отсылок на соответствующую работу или ее автора.

* * *

Модель библиометрической сети, разумеется, более трудоемка, менее алгоритмизована, и менее формальна. Более того, она требует от «оценщика» знаний о соответствующей научной области и в этом смысле крайне неудобна для чиновников, однако многое из этих сложностей в принципе можно преодолеть, если разработать базовые концептуальные сетевые модели сфер гуманитарного знания, обсудив и утвердив их в соответствующих экспертных сообществах. Использование современных лингвистических процессоров — грамматических, синтаксических и семантических парсеров — позволяет надеяться и на автоматизацию многих содержательных процедур анализа текстового материала.

Раздел III

**SCIENCE POLICY
ОТ ОТЕЧЕСТВЕННОГО
ПРОИЗВОДИТЕЛЯ**

ГЛАВА 10.

ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ПРИЗНАНИЕ ТРУДА УЧЕНЫХ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУССИЙ

В последнее время ученые из различных областей научного знания, в том числе далекого от специального изучения социальных измерений и критериев развития науки, вынуждены были озаботиться осмыслением как общих проблем эффективности науки, так и более конкретных вопросов об определении вклада отдельных исследователей в избранные ими научные дисциплины¹.

Они сделали это не от хорошей жизни (о чем подробнее в одной из последующих частей главы). И отнюдь не потому, что в общем составе наук такие специальные исследования до сих пор не велись. Кратко подытожим опыт научных разработок, обращенных к самой науке.

Комплекс наук о науке начал оформляться ещё до Второй мировой войны. Сначала это были больше теоретические философско-социологические дисциплины — история науки, логика и методология научного познания, социология познания, социология науки. Литература по этим областям знания, в том числе приходящаяся на 30–50–60-е годы XX века, весьма внушительная, причем добротные труды отечественных специалистов, созданные в советское время, занимают в ней заметное место. Уместно подчеркнуть: вопреки тому, что подчас думают некоторые представители точных, технических наук, *философия, социология и другие социогуманитарные дисциплины* тогда — как, впрочем, и всегда, во все эпохи — *наработали научный задел как бы загодя*, ещё до широкого затребования подобных знаний о науке со стороны исторической практики. А такая потребность через пару десятилетий стала мощно пробивать себе дорогу.

Уже во время войны и особенно после неё, вместе с расширением и ускорением НТР, возникла потребность в практических приложениях

---

¹ Пример: коллективный труд ученых различных специальностей — «Наукометрия и экспертиза в управлении наукой». М., 2013.

уже имевшихся знаний о науке. Несколько позже — вследствие превращения науки в производительную силу (теоретически предсказанного К. Марксом) — стала складываться целая система разнообразных количественных исследований, обращенных к различным сферам научного труда и приспособленных к практике. Особая деталь: прикладные наукометрические выкладки возникли на базе новых тогда фундаментальных теоретических концепций, что убедительно доказывает пример «выведения» Ю. Гарфильдом цитатно-наукометрического блока знаний и методов из социологии науки его учителя Р. Мертона.

Сегодня представляется необходимым снова акцентировать и актуализировать такой вообще-то известный, но вряд ли в достаточной мере использованный в настоящее время именно в России исторический факт: в нашей стране уже во второй половине 50-х, а особенно интенсивно в 60–70-х годах XX века велись вполне качественные, мирового уровня (и нередко во взаимодействии с интернациональным профессиональным сообществом) исследования по существу во всех вышеназванных областях знания, уже в то время становившихся все более актуальными. Объединение их в рамках новой тогда специальной синтезирующей дисциплины, поименованной «наукой о науке», или науковедением, тоже было общемировой тенденцией, зрело и оригинально представленной в работах отечественных ученых¹. (Это тоже зафиксировано в дискуссиях последнего времени.)

В те же десятилетия — соответственно беспрецедентному расширению сфер и значения государственного регулирования по отношению к науке (и в помощь соответствующим инстанциям) — в развитых странах с солидным научным потенциалом оформилась особая специализированная и приспособленная к практике область исследований, получившая обобщенное название «*science policy*», или *государственная политика в отношении науки*. У нас закрепился неверный русский перевод — «научная политика». Он неверен потому, что *science policy* того или иного государства в отношении науки на том или ином конкретном этапе может быть как раз ненаучной, а то и антинаучной, грозящей науке многими бедствиями вплоть до её разрушения. (К сожалению, примеры этого мы видим в России наших дней.) Исследо-

---

¹ Так, книга Г.Т. Доброва «Наука о науке. Введение в общее наукознание» (Киев: Наукова думка, 1966) была итогом работы, которую автор и группа исследователей вели в течение ряда предшествующих лет.

вательская литература, касающаяся science policy в самых различных её ипостасях и включающая отечественные разработки, уже к концу 70-х годов и тем более к сегодняшнему дню насчитывает сотни тысяч произведений общетеоретического и конкретно-практического характера¹.

Соответственно и отечественная science policy советского периода, о чем нынче не любят вспоминать чиновники соответствующих ведомств, вовсе не была заброшенной областью, где можно было творить любой «реформаторский» произвол. Немаловажное обстоятельство: в СССР (после известных репрессий также и против ученых до войны и после неё) в 60–70-х годах всё же постоянно и по восходящей линии росли расходы на научные исследования и разработки, разрасталась сама научно-исследовательская область. В американском издании «Science Indicators 1972» сообщалось: «Число ученых и инженеров, занятых в сфере НИР – в расчете на 10000 чел. населения, в США после 1969 снизилось, тогда как в СССР, Японии и ФРГ оно возросло»². С ростом финансирования, с усилением внимания государства к потребностям науки, к её обеспечению материалами, приборами, кадрами и (в целом, несмотря на все противоречия, коллизии, на жесткий идеологический контроль) повышением престижа ученых, особенно «физиков» – со всеми этими и иными процессами были, несомненно, связаны исторические факты, ставшие символами высокого мирового престижа науки советского времени – скажем, запуск первого «спутника» (теперь – международное слово) или то обстоятельство, что первый человек, побывавший в космосе, был россиянин.

По многим причинам, подробно входить в целостность которых здесь не представляется возможным, в России конца XX – начала XXI века – из-за развала, хаотического состояния многих государственных дел – наукам и научному сообществу приходилось выживать в чрезвычайно сложных условиях. (Факты, цифры тут хорошо известны). Надо ли удивляться тому, что и к совокупности «наук о науке» не проявлялось, в сущности, никакого интереса ни со стороны государственных инстанций, призванных отвечать за развитие науки,

¹ В книге *Н.В. Мотрошилова. Наука и ученые в условиях современного капитализма.* (М.: Наука, 1976) и примыкающей к ней серии статей приведена *Библиография* зарубежных и отечественных работ, в том числе и по проблемам science policy, включавшая к 1976 году 336 произведений.

² Science Indicators 1972. Report of the National Board. N. Y., 1973. P. 2.

(но реально не понесших никакой ответственности за ее развал), ни со стороны ученых из других областей и дисциплин.

Но и в конце XX и в начале XXI века соответствующие исследования упомянутого комплекса в нашей стране, несмотря на почти полную невостребованность, продолжались и продолжают, выходили и выходят в свет книги, публиковались и публикуются специальные альманахи, проходят научные конференции и т. д. Причина проста и состоит в способности науки, научных отраслей самосохраняться и даже наращивать знания также и в жестких условиях невостребованности, даже возникновения разрушающих внешних тенденций. Вот и наука о науке в России не прерывала своего существования в трудную пору полного равнодушия к ней со стороны властей и с трудом выживавшего научного сообщества (о проблемах, о специалистах, институционально-организационных ячейках, литературе, периодических изданиях данной сферы нужен особый разговор — и его постоянно ведут профессионалы в данной области).

В последние несколько лет внимание «вдруг» пробудилось. Причина и тут проста: объективно роль науки в развитии современных обществ, в соревновании государств и наций во всех областях жизни, причем на их «переднем крае», уже в XX веке немалая, в XXI столетии неизмеримо возросла. Было ясно и раньше, но «вдруг» прояснилось с новой силой: без научно-технических инноваций не сделают ни одного значительного шага вперед и отдельные страны, и цивилизация в целом.

Но вот здесь-то многое стало упираться в то, сколь быстро и в содержательном ли смысле правительственные структуры в любой стране осознают эту вроде бы вполне объективную историческую потребность. И многое зависит от того именно, когда и как от общих слов о ценности, значении науки они перейдут — и перейдут ли вообще? — к конкретной, научно обоснованной science policy в специфически-современном и полном смысле данного понятия. При этом давно дискутируемые внутри теорий науки (в частности в науковедении) проблемы — например вопросы о том, как своевременно отыскать, эффективно задействовать ученых, которые «производят», так сказать, «долгоиграющие», фундаментальные научные истины и теории (т.е. понятия, концепции, методы, формулы и т.д.), как опознавать, оценивать и стимулировать научные открытия, как отличить и отделить «настоящих», выдающихся ученых не просто от скромных и все равно нужных научных работников, но главное, от «баласта», как опознать

в молодой научной поросли «будущих Эйнштейнов» и т. п. — подобные вопросы «вдруг» сделались вполне практическими, конкретными, релевантными деятельности каждого учреждения научной сферы, и по сути каждого его сотрудника.

В настоящее время даже и властям (в том числе чиновникам, «занятым своими делами», а подчас и делишками, но приставленным к науке) стало ясно: придется как-то вникать в когда-то чисто специальные проблемы эффективности научного труда. Тем более, что в России наука и ученые (сообщество которых сильно поредело в последние десятилетия из-за плачевной «утечки умов», причем весьма сильных и продуктивных) как бы понизили свою былую, в советское время удостоверенную продуктивность...

Осмысливать и исправлять сложившуюся ситуацию надо было, что называется, всем миром, а это в данном случае должно было бы предполагать объединение сил ученых, учреждений науки, её мощных объединяющих структур (Академии наук, вузовской науки, отраслевых институтов и т.д.) и соответствующих управляющих инстанций. Но по разным причинам (они в каждом случае, в любом звене подлежат конкретному выяснению) *затребованной консолидации сил внутри и вокруг науки в России не получилось.*

А что получилось, вернее, стряслось в сфере науки и государственной science policy в России последних лет? Это большой комплекс проблем, настоятельно требующих, но не находящих у нас глубокого, гласного, ответственного, согласованного обсуждения. Всё подпало под иго волюнтаристских, скороспелых, некомпетентных решений. Кратко обратимся к фиксации болевых точек в сфере российских (а отчасти и мировых) тенденций science policy последних лет.

1. Болевые точки science policy

Не вникая во все детали и не претендуя на создание целостной картины процессов, под влиянием которых должна бы формироваться, но не формировалась science policy на современном этапе, подчеркнем: в России актуализация вполне объективных потребностей в этой сфере приобрела совершенно особые черты.

Сначала об объективных запросах современности. (О потребности в науке и научных знаниях, как и обо всех цивилизационных противо-

речиях в данной области, нужен особый разговор — и во всем мире, включая Россию, он ведётся.) Сейчас же отметим то, что соответствующие институты (в государстве и сфере бизнеса), которые уже и в XX веке должны были — в развитых странах — регулировать и контролировать расходы на науку, в XXI веке были поставлены перед необходимостью, даже принудой, подсчитывать и в принципе жестко регулировать расходы в этой отрасли, по возможности опираясь на значимые критерии эффективности научных исследований и разработок. Особенно настоятельной эта объективная, в принципе, потребность стала в нашем веке, когда расходы на науку в развитых и развивающихся странах существенно возросли. Но внимание! — в России-то они реально не возросли, а существенно снизились, что привело к известным общепризнанным фактам: к низким (в сравнении и с развитыми, и с развивающимися странами) расходам на науку, к обеднению ученых и научных учреждений и прочим бедствиям. (Все это, правда, маскировалось наличием солидного имущества, накопленного в научной сфере в советское время — а последнее, что тоже общеизвестно, в наше время стало лакомым куском для коррупционеров всех рангов и мастей...) В сопоставлении же с процессами инфляции современное положение российской науки было и остается поистине бедственным как с точки зрения оплаты труда ученых, так и обеспечения техникой, материалами, соответствующего современным потребностям.

И вот тут высокие управляющие лица разгневались на массу плохо оплачиваемых, утративших социальный престиж ученых-трудяг, на с трудом выживающие научные учреждения — что же они не «рождают» мирового класса открытия, не получают Нобелевских премий и т. д.?! Например, во время слушаний в ГД по поводу пресловутого, всё-таки продавленного закона о науке высокая чиновница говорила: подумайте, мы тратим на академическую науку более 70 млрд. рублей! (А через 5 минут после репортажа из ГД, в других сюжетах новостей сообщалось, что два средне-крупных коррупционных синдиката — вокруг бывшего министра из Подмосковья и «дамского батальона» Министерства обороны — невозвратно, некомпенсируемо «увели» из госбюджета суммы, примерно равные расходам на РАН!) Попутно на «умных, но бедных» трудяг из разных областей научного знания мастерски (через средства «массовой дезинформации») перевели стрелку праведного народного гнева — с кого же? С заевшихся и безнаказанных, как всегда и везде, коррупционеров от науки. («Факты» такой

коррупции куда как «удачно» всплыли в аккурат при стремительно-пожарном принятии Думой скороспелого Закона о науке и при сумбурном разгребании многочисленных поправок...)

Когда современные госчиновники выдвигают свои требования и претензии к науке, они подчас говорят об отнюдь не бессмысленных вещах. И это вторая сторона дела по отношению к проблеме увеличения ассигнований на науку. Речь идет о процессах, относящихся не только к России. Ибо во всем мире и на государственно-управленческом, и на научном уровне ведутся дискуссии, общие и достаточно конкретные, о расходах на науку, о science policy и т. д. Есть обширная новая и новейшая литература об особенностях сугубо современной science policy в США, странах Европы, развивающихся странах Азии и Южной Америки — с подробными расчетами, сопоставлениями, применительно к разным областям исследования и разработок, с оценками государственных и бизнес-программ по стимулированию НИОКР. Общепринято в этой (и параллельной по темам) литературе: госрасходы стремительно растут, особенно в ряде стран Азии, претендующих на роль новых игроков в сфере НИОКР; но и ответственность, контроль возрастают и будут возрастать. Россия не составляет исключения. Но есть у нас и специфика: денег на НИОКР требуется всё больше, а в казне, из года в год дружно и безвозвратно разворовываемой чиновниками, мошенниками всех рангов и уровней, их все меньше... Кризисные процессы, нарастающие во всем мире, делают грустную картину еще более мрачной.

Но как бы то ни было, оптимизацию и в сфере НИОКР надо осуществлять; другого не дано... И теперь, отвлекаясь от многих частных и деталей, обратимся к отмеченному в начале главы факту: сегодня как никогда остро и широко встают теоретические и практические вопросы, затрагивающие и ученых, научные сообщества, и непосредственно управляющие наукой государственные инстанции, а конкретно, чиновников, по идее отвечающих за науку. Это прежде всего проблематика, группирующаяся вокруг максимально *конкретных, практически используемых* (приспособленных специально для этого) *критериев и мерил, которые позволяли бы без больших трудностей «измерять» результаты деятельности ученых, их сравнительный «вклад» в науку* (затем, как предполагается, приводя в соответствие оплату этого труда). Как на все это реагируют инстанции, контролирующие науку в России?

Сначала очень важная констатация по поводу тех процедур и критериев, которые в последние годы исходят от этих инстанций и «девятым валом» обрушиваются на науку, причем не только у нас, но и во всем мире. А дело в том, что из всего богатейшего материала, накопленного в науке о науке, *оказались отобранными* главным образом, если не исключительно, *количественные измерения* определенного рода (какого, уточним далее). Они, кстати, в научном заделе наукометрии отнюдь не были и не являются сегодня простыми, общепонятными. Но оказалось весьма «пригодным» то, что науковедение (сначала в США, а потом в других странах) в основном уже прошло путь выделения из своего состава частных, конкретных *наукометрических разработок*, а главное, осуществилась их институционализация через бизнес-структуры (в основном американские), потом монополизировавшие дело и методику разного рода обчетов с помощью измеримых «единиц» научного труда (статей, цитат, журналов и т.д.).

И вот, в других (относительно) богатых странах поняли: можно, не вкладываясь в организацию, оплату самих (высокоспециализированных) обчетов, а заплатив некоторую (для западных условий скромную) сумму фирмам (подобным Thomson Corp., Scopus), получить готовенькие результаты-показатели, ранжированные в соответствии с ними индексы «эффективности» ученых, научных центров и даже целых стран и регионов. Сейчас существует огромная литература, обобщающая исследования, *резко критические по отношению к этой сложившейся практике*, где преимущественно опираются на упомянутые методики, попутно и «незаметно» приходя к их абсолютизации. (О части этих критических доводов далее будет конкретно идти речь.)

Но остается фактом то, что управляющие наукой инстанции – невзирая на уточнения, критику, предостережения, – с доверием и благодарностью, а в ряде стран со слепым энтузиазмом кладут в основу критериальных оценок эффективности науки и труда ученых результаты, добытые наукометрическими фирмами, преимущественно из США. (О странах, не пошедших по этому пути, будет особый разговор.) Теперь – о России. На науку нашей страны упомянутый «девятый вал» обрушился позже, и притом в наиболее уродливо-сокрушительной форме. А именно: чиновники и (псевдо) реформаторы – не учтя многих усложняющих именно для России факторов (дороговизна услуг Web of Science, *полную неблагоприятность её выборки и обчетов как раз для России*, несовершенство российской службы научного ци-

тирования и т.д.), — через свои директивные для ученых документы, графики и схемы (количество которых возрастало в геометрической прогрессии) буквально затерроризировали научное сообщество увеличивающимся потоком отчетных бумаг — с требованиями предоставлять в отчетах «цифирь» разного рода.

Кардинальный вопрос о том, позволяет ли эта лихорадочная деятельность действительно разобраться в том, насколько эффективной является в тех или иных случаях работа отдельных ученых, научных учреждений, — этот вопрос по сути не стоял и не обсуждался. Например, сложный, противоречивый опыт самой наукометрии, предупреждения ученых-наукометров (о них — позже) относительно того, сколь осторожно, с какими поправками надо использовать, скажем, индексы цитирования — все это было оставлено без всякого внимания. Количественные показатели (причем неточные, часто грубо искажавшие реальную картину эффективности научных исследований) у нас в настоящее время только и затребованы высокими инстанциями (т. е. именно Министерством образования и науки); они полностью «правят бал». Это настоящая катастрофа, отражающая и более общие перекосы государственной science policy в России. К тому же все было усилено кризисом всей системы образования, к которому во многом привели «реформаторские» усилия того же министерства.

Ученые, задавленные «игрой в цифирь» и все же вынужденные в неё включиться, скоро поняли: науке грозит серьёзная опасность, и с ней надо бороться. Вот почему было сказано, что они — и не от хорошей жизни — должны были по крайней мере начать глубинную специальную экспертизу (причем многостороннюю, с учетом несогласий, расхождения суждений экспертов и т. д.) по проблемам эффективности научного труда, критериев её определения, оптимального соотношения количественных и качественных параметров и т. п.

Ученые поняли: они должны брать на себя ответственность за погружение в незнакомые многим из них проблемы наукометрии. Они сделали это достаточно хорошо, но, увы, с немалым опозданием, прежде всего в практическом смысле. Судите сами: среди аргументов в пользу «ликвидации» ещё Петром I основанной Академии наук главным «доводом» были сведения о (подсчитанном по американским источникам) ничтожном, якобы, проценте цитирования ученых РАН членами мирового научного сообщества...

В целом же российские ученые не остались безгласными объектами сомнительных чиновных «наукометрических» манипуляций. Что важно прежде всего для истории. Будем надеяться на долговременный эффект. Немалое их число – те специалисты в области естественных, технических, гуманитарных наук, наук о науке (включая наукометров), которые основательно вникли в совокупность теоретических и практических проблем, трудностей, казусов, от которых неотделима особая игромания – бездумная «игра в цифирь». Что очень существенно, такие необходимые обсуждения проводились в научных сообществах всего мира. Итак, поведем речь о *главных результатах*, в соответствии с которыми требуется перевести и научные исследования о науке, и практику её регулирования на иной – не на сугубо количественный, а на качественный – уровень (с учетом и количественных факторов).

1. Важный ингредиент этой суммы обсуждений и выводов – тезис о крайне низком качестве, сумбурности, как полагают многие, а то и отсутствии научно сформированной российской science policy последних лет. Самые общие обращения властей к науке и ученым, требования чиновных инстанций, заклинания, ожидания, обвинения, разочарования, директивы – не в счет, ибо не на них, понятное дело, должна основываться *целостная и грамотная, именно научная политика государства*, готовящая те инновационные продвижения вперед, которые отвечали бы современным цивилизационным вызовам.

Итак, во многих откликах и публикациях делается вывод: деятельность управляющих наукой инстанций России наших дней не опирается на сколько-нибудь осмысленную и тем более согласованную с исследовательским сообществом science policy, т. е. не имеет опоры на научные основания управления наукой.

2. Вследствие многих провалов «реформ» в сферах школьного и вузовского образования подготовка молодежи, из которой рекрутируются кадры для науки, находится на уровне нижайшем – и возможно, за последние столетия, которые для России отнюдь не были безоблачными..

3. Одним из горячих пунктов критики со стороны ученых в адрес министерства (ученых РАН – также в адрес «в бозе почивших» административных инстанций Академии) является указание на келейный, анонимный способ формирования *директивных документов*, критериальных требований, регулирующих практику отчетов, соответствующих оценок эффективности труда и отдельных ученых, и их коллек-

тивов (секторов, лабораторий и т.п.), и целых научных институтов. Они просто в приказном, принудительном порядке «спускались» в научные коллективы, а те должны были, чтобы не попасть в «отстающие», исполнять их, притом в кратчайшие сроки. Думаю, что со стороны научных институций безропотное подчинение было большой ошибкой. Ибо напор стал не просто беспрецедентным для науки, но и безостановочным, усиливающимся. Со всей ясностью это проявилось во время скоропалительной, как сказано, «подготовки» принятых ГД правовых и иных документов, касающихся непосредственно РАН, но со всей несомненностью «положенных в основу» государственного регулирования развития всей отечественной науки. Можно опасаться, что действия новых для науки управляющих агентств и их подразделений будут опираться на те же «критерии» и отличаться теми же (кратко названными ранее) опасными чертами.

Далее – о некоторых конкретных особенностях «текущего момента», которые тревожно приобретают черты долговременного выбора тактики соответствующими инстанциями. (О них ученые с возмущением говорили и говорят в многочисленных устных и письменных, электронных откликах. Но это пока не возымело никакого действия.)

4. Разумные требования к ученым подавать *ежегодные* отчеты в последнее время сменились директивами подавать отчеты *три раза в год* (и по отдельным поводам), которые в изобилии изобретают «неореформаторы» от науки. А это приводит к *непрерывному и лавинообразному возрастанию бюрократического «документооборота»*. Содержание подаваемых «снизу» документов «наверху» никого не интересует. Создается впечатление, что они вообще никем не прочитываются, не анализируются, что из них выбирается цифирь, причем произвольно, скорее «на всякий случай». Ученые – и в шутку, и всерьёз – высказывают опасения, что в недалеком будущем их рабочий день будет складываться так: встал утром, сразу пиши и отправляй отчет за вчерашний день...

В потоке этих министерских требований к отчетам появляются и возрастают в числе (не имеющие никакого отношения к научно-исследовательскому делу) поистине абсурдные конкретные отчетные пункты – вроде «необходимости» измерять размер корешка опубликованной ученым книги... Их исполнение предполагает ненужные затраты времени и труда ученых. Последние же по праву воспринимают их не просто как абсурдные, но и как оскорбительные, причем как раз

для наиболее эффективных, продвинутых ученых. Беда ещё в том, что под видом заботы об эффективности отечественной науки и при сборе самих по себе нужных количественных характеристик (например количества публикаций) действительно важное и десятистепенное сваливаются в одну бесформенную информационную кучу.

5. Подход чиновных инстанций к отчету и отчетности (причем не только в случае министерства, но и других учреждений, например ВАК, который требует все новых бумаг от диссертационных советов) в последнее время отмечен ещё одной специфической особенностью. А именно: управляющие инстанции относятся к ученым, к научным сообществам с априорной подозрительностью, как к людям, норовящим обмануть, пойти на подлоги, мошенничество, обворовать государство (и не оправдать, стало быть, расходов на их более чем скромное, часто полунизищенское — по нынешним меркам — бюджетное содержание).

Причина и тут предельно проста. Ведь за последние годы повсюду в стране в устрашающем количестве расплодилось липовых ВУЗы, продажные диссертационные советы, «корпорации» ловкачей, на каждом шагу в своих публичных (!) объявлениях гарантирующие защиту диссертаций «под ключ» и т. д. Разумеется, добротные, десятилетиями доказывавшие свою эффективность и сугубую честность научные организации, коллективы, Советы здесь ни при чем. А кто — «при чем», т. е. кто ответственен за то, что такие «структуры» в сферах науки и образования расплодилось как грибы после дождя? Да именно министерство, в полномочия и компетенции которого входит выдача разрешений и лицензий! А вот теперь (видимо, хорошо зная, как все это делается, вернее, стряпается, на коррупционной кухне) чиновники заведомо исходят из «презумпции виновности» по отношению к учреждениям, к диссертационным Советам, к вузам, имеющим долготную заслуженную репутацию...

6. О клейме «неэффективности», поставленном, например, на деятельности РАН, надо сказать особо, потому что сразу после этого имел место *массовый, единоклубный протест* не только ученых РАН, но и, например, видных иностранных ученых и научных организаций, хорошо осведомленных о качестве работы и научных заслугах коллег из РАН. В том, что такое клеймо было поставлено (кем, когда, почему, — это осталось, как и в других случаях, анонимным и бездоказательным), во многом виноваты организационно-административ-

ные структуры самой Академии наук. Они долгое время пребывали в состоянии спокойствия и благодушия (а скорее, равнодушия), не ожидая коварного нападения... А надо было — надо и впредь — регулярно и активно суммировать, информируя о том широкую публику, *достижения* ученых и институтов РАН, наиболее важные открытия, предоставление ученым Академии почетных научных отличий внутри мировой науки и т.п. — наряду с демонстрацией того, что они «стоят» государству несопоставимо меньше, чем в других странах. Фактов и доказательств здесь более чем достаточно. Что касается коррупции, которая на совести иных управленцев РАН с академическими званиями, то ведь не корпус ученых Академии должен был её своевременно искоренять, а соответствующие правоохранительные инстанции, в этом, как и во множестве других случаев, не справившиеся со своими задачами.

Перечень «больных точек» в отношениях управляющих организаций к науке и ученым — тех, на которые сами ученые в разных формах и документах сконцентрировали свое внимание, значительно превышает число ранее отмеченных пунктов. Здесь ограничимся сказанным и сделаем общий вывод. Ученые России и других стран четко, зрело, доказательно — причем и достаточно давно, и совсем недавно — предупредили правящие круги и инстанции: *негативные последствия подобной science policy губительны для науки (в частности российской)*. Надо срочно и «всем миром» исправлять положение — пока не стало поздно, пока наука и её структуры, складывавшиеся десятилетиями, а подчас и столетиями, не подпали, подобно РАН, под каток скоро-спелых, непродуманных и безответственных «реформ». (Тем более что в России за подобные лихорадочные действия всегда приходилось и приходится расплачиваться очень дорого — конечно, не самим «реформаторам», а всей стране, с трудом и потерями «затем» восстанавливая то, что было разрушено «до основанья...»)

Теперь перейду к тем более конкретным выводам-корректировкам, необходимость которых вытекает из упомянутого интенсивного изучения самими учеными проблем, касающихся эффективности научно-исследовательского труда, критериев и методов её «измерения» и складывающихся учреждений, а также подразделений, которые профессионально имеют дело с соответствующим материалами.

2. О конкретных выводах и предложениях ученых по определению эффективности научного труда

О приоритете качественных показателей. Об индексе цитирования и индексе Хирша.

1. Существует (относительное) согласие ученых в том, что само по себе использование количественных показателей (количества публикаций и цитирований, специальных показателей вроде индекса Хирша, импакт-факта и т.д.) может быть полезно. Но ученые решительно подчеркнули: не количественные, а *качественные критерии и показатели должны быть выдвинуты на первый план*, тогда как количественные подсчеты даже известных зарубежных фирм и систем должны фигурировать как сугубо дополнительные. При этом и их надо постоянно проверять на точность, релевантность – и особо для данной дисциплины, данной страны и т.п. (О совокупности, системе *качественных критериев оценки эффективности научного знания* и о «примыкании» к ним количественных оценок мы выскажем свои конкретные предложения и суждения впоследствии, в особом разделе.)

2. Скажем сначала о наукометрических индексах в целом, к которым с безоговорочным доверием относятся сами чиновники и их ручные «эксперты», (ведомые не научными соображениями, а тем, чтобы угодить чиновным заказчикам).

Пусть далее свои мнения выскажут ученые. Слово науковедам: «Применение библиографических индексов *требует большой осторожности*. Оценки, опирающиеся только на один библиографический показатель, могут вносить существенные искажения в действительный вклад (вероятно, в определение его. – *Н.М.*) научных работников в связи со сложностью и многогранностью оцениваемого понятия. Также может появиться соблазн для научных сотрудников прибегнуть к специальным ухищрениям для повышения показателя, по которому осуществляется ранжирование». Поэтому речь должна идти, по мнению авторов, о «*задачах многокритериального оценивания*»¹.

Слово ученым из разных дисциплин. Доктор физико-математических наук М.В. Фейгельман, доктор химических наук Г.А. Цирлина пишут: «Оценка научных индивидуальностей по СИ (цитатному

¹ Алескеров Ф.Т., Катаева Е.С., Писляков В.В., Якуба В.И. Оценка вклада научных работников методом порогового агрегирования // Наукометрия и экспертиза... С. 173.

индексу) — дело совершенно безнадежное... Опыт опросов в проекте «Корпус экспертов» показал, что люди со сравнительно невысоким цитированием составляют, в зависимости от области деятельности, от 10 до 50 % специалистов, авторитетных среди коллег. В то же время среди цитируемых специалистов... от 20 до 60 % — тоже в сильной зависимости от области знаний — не получают рекомендаций коллег как возможные эксперты»¹.

Зарубежные авторы Р. Адлер, Дж. Ирвинг, П. Тетлор отмечают: «Использовать лишь импакт-фактор при оценке журнала — это все равно, что при оценке здоровья человека учитывать только его вес»². Между прочим, против подобной «игры в цифирь» протестуют не только ученые, но и редакторы широкоизвестных мировых научных журналов. Главный редактор журнала «Nature» особенно озабочен тем, что излишнее сосредоточение на импакт-факторе журналов прямо и пагубно влияет на решение вопроса о продвижении ученых, на оплату их статей.

Доктор психологических наук А.В. Юревич и доктор экономических наук И.П. Цапенко указывают уже *на целый ряд* неблагоприятных факторов и обстоятельств, если речь идет об использовании цитатного индекса и импакт-фактора: при подсчитывании последнего «...игнорируется подавляющее большинство ссылок (!); с его помощью нельзя сравнивать журналы по разным дисциплинам и различные типы журналов». «Значительная часть цитирований носит «риторический», «признательный» и т. д. характер». Эти же авторы приводят совсем уж удивительные признания сотрудников Thomson Corp.: импакт-фактор следует брать в расчет только при учете... «многочисленных показателей, влияющих на цитируемость!»³

Завершить перечень, который мог бы быть куда более обширным, лучше всего следующим обобщением А.И. Орлова, одного из ответственных редакторов книги «Науковедение и экспертиза» (кстати, он одновременно доктор и технических, и экономических наук, а также кандидат физико-математических наук): «На Западе необоснованность использования таких расчетов для принятия решений в области управления наукой была выявлена достаточно давно. Международный союз математиков публично предостерег от неправильного

¹ Наукометрия и экспертиза ... С. 343.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 416.

использования статистики цитирований. Это предостережение было сделано на основе доклада, написанного по заказу Международного союза математиков в сотрудничестве с Международным советом по промышленной и прикладной математике и Институтом математической статистики...»¹

Теперь о знаменитом ныне (а ранее известном лишь специалистам) индексе Хирша. Можно присоединиться к заключению доктора технических наук, профессора Ю.Д. Григорьева, согласно которому значение индекса Хирша *падает как раз в случае ...выдающихся ученых*: «“Ученых” в возрасте 30–40 лет с $H=20$ –30 (H -индекс Хирша – *H.M.*) на Западе тысячи, хотя известно, что тех же математиков самого высокого класса больше пяти в стране не бывает. Стремление к безудержному повышению индекса Хирша превращается в спорт, что приводит к неправдоподобно большим его значениям (больше, чем у нобелевских лауреатов или признанных классиков науки). Совершенно очевидно, что индекс Хирша, как единственный индикатор силы ученого, не отражает всей палитры его научного потенциала, и в этом смысле он абсолютно бесполезен»².

Итак, представители разных дисциплин обратили внимание ещё на одно из весьма негативных явлений самого последнего времени. Стоило инстанциям «возвеличить» практическое значение этого индикатора (наверняка без понимания и его сути, и того, как его надо подсчитывать), как особенно ушлые «ученые» сколотили своего рода «бригады», задачей которых стали (применительно к ним самим и членам «бригад») искусственные повышения индекса Хирша (скажем, благодаря сговору журналов, отдельных учреждений и «ученых»). В результате взору изумленных наблюдателей предстала поистине удручающая картина: хорошо известные в той или иной науке, много публикующиеся ученые при «оценке» по индексу Хирша часто оказываются далеко позади тех, кто, видимо, понял, как его надо подделывать... Более того, обнаружилось – уже на шкале международного сопоставления, что в некоторых странах такая «техника подделок» освоена, что называется, полностью на массовом уровне. И вдруг оказалось, что у известных ученых стран с устойчивым международным научным авторитетом имеется большое отставание ...по индексу

---

¹ Наукометрия и экспертиза ... С. 540.

² Там же. С. 98.

Хирша. Могут спросить: а что если в других («по Хиршу» передовых) странах массово появились пока непризнанные научные гении? Это не исключено полностью, но маловероятно. Скорее всего сказанное свидетельствует, фигурально выражаясь, о немалой «емкости» злоупотреблений при использовании этого показателя — с помощью подделок, прямого мошенничества, на что абсолютизирующие его чиновники (со всей их отмеченной выше подозрительностью), вероятно, не рассчитывали. А скорее, вообще не задумывались над этим.

Если индекс Хирша вычислять добротнo и профессионально, то нужны объективные, ответственные и тончайшие специалисты и их большие, постоянные усилия. Такие предпосылки для науки в её массовых масштабах совершенно нереальны. Но даже если бы они были возможны, индекс Хирша, как показано, все равно был бы непригоден даже для фиксирования ни уже вполне ясного действительного научного вклада ученого, ни для поиска пока невыявленных талантов. (Далее, при обсуждении вклада «топ»-ученых, лауреатов высших международных премий, мы вернемся к этому пункту.)

Предлагаемая система критериев и подтверждений международного признания вклада российских ученых в развитие науки.

В дальнейшем будут предложены для обсуждений и дискуссий соображения относительно *качественных* критериальных факторов (дополненных обоснованными количественными параметрами), в данном случае отнесенными лишь к одной, но весьма важной проблеме. Эта проблема международного признания труда и вклада российских ученых в науку, которая по своему определению транснациональна и интернациональна. Поскольку верное «по определению» в науке, как и в других областях, имеет место в целом и в конечном счете, выражаясь через множество конкретно-исторических, национальных и т. п. форм, может возникнуть вопрос: а надо ли вообще — во имя оценок эффективности труда ученых и научных учреждений, в данном случае российских — принимать во внимание такой, казалось бы, сложно учитываемый субъективный фактор, как международное признание ученых и их вполне конкретного вклада в науку?

Представляется верным (чисто предварительно) ответить на вопрос примерно так. Во-первых, все оценки, кем бы и на какой бы основе они ни делались, тоже по определению субъективны. Поэтому и в данной области (в признании) в лучшем случае возможно отыскать

в субъективном «более объективные» параметры. Во-вторых, среди самих ученых (и внутри науки как социального института) по поставленному вопросу уже достигнуто (относительное, ибо иного не бывает) согласие ученых — притом интернациональное, интересубъективное. А именно: оно проявляется благодаря тому и в том, что ученые всегда должны опираться, а в конкретной работе ровно это и делают, на интернационально признаваемую и накапливаемую сокровищницу научных знаний. При этом и в науковедении, в истории, социологии науки нет принципиальных расхождений в принятии тезиса о том, что научное знание и познание интернациональны по самой их сущности (значит, по использованию, применению добываемого знания, пусть оно приобретает конкретно-исторические и национальные черты в своем развитии)¹.

Попутно замечу: сама возможность беспрепятственно осваивать, использовать научные знания, законы, формулы науки фактически означает их признание, признание авторства ученых разных эпох, стран, поколений (применительно к прошлому — на 99 % не только без цитирований, но даже без упоминаний сути законов и имен предшественников). Кто из ученых в современных точных науках специально упоминает и напоминает, что его (её) открытие было бы невозможно, скажем, без опоры на законы Ньютона и другие известные в науке законы, формулы, расчеты? Вот свежий пример, который привел в своей (в других отношениях спорной и небрежной) газетной статье нобелевский лауреат, бывший россиянин А. Гейм: «Многие ли знают, что неотъемлемой частью спутниковой навигации является теория относительности Эйнштейна?»². Сказанное верно и в отношении миллионов подобных «именных» или безымянных примеров.

Сделаю ещё одно важное предупреждение: предлагая впоследствии систему качественных и количественных критериев международного признания научного вклада российских ученых в развитие знаний (в их специальностях), я отнюдь не считаю, что применение этих и подобных критериев (даже взятых в системе, тем более по отдельности) способно привести к полностью «объективным» результатам. По той простой причине, что достигнуть таковых невозможно.

---

¹ Последние давно изучаются в науке о науке, в истории или социологии науки — без серьезной опасности для изучающих их исследователей подпасть под абсурдные подозрения осведомленных коллег в изоляционизме или чем-то подобном.

² *Гейм А.* Так жить дальше нельзя. АИФ, 2014. № 40. С. 10.

Речь идет лишь о существенно большем приближении системного учета к реальности, нежели в случаях использования одних количественных данных, особенно при слепом доверии к ним, чуть ли не при их «чиновном обожествлении» — и при требованиях преимущественной опоры на них, когда нужно принимать практические (кадровые, финансовые и т.д.) решения. Здесь нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что количественные подсчеты (при всем их специальном характере) на современном уровне так или иначе исполнимы, тогда как над формализацией и применением качественных критериев ещё предстоит поработать.

Должна сделать предварительно и такую оговорку. Я предложу далее *свою* систематизацию и *свои* доводы в её защиту. Но они во многом согласуются с теми многочисленными суждениями, которые высказываются и в специальной литературе, и в обсуждениях внутри института науки¹. Существенно также, что дискуссия ныне разворачивается (как показано ранее) в процессах противостояния ученых многочисленным неадекватным директивам, распоряжениям властных инстанций, которые у нас в стране и в других странах (хотелось бы сказать: «отвечают» за науку) *безответственно* «рулят» наукой. Иной раз говорят, что ведется «диалог» ученых с властью. Но ведь *никакого диалога тут нет...* «Формулу» такого обращения власти с наукой и образованием я недавно почерпнула в Санкт-Петербургском университете. Студенты пришли к одному средне-руководящему лицу с идеей высказать свой протест по поводу уже реализуемого плана слияния философского факультета с историческим. Тот человек сказал представителям студенческой молодежи: *«Конечно, высказывайте свои суждения прямо и гласно. Но учтите, что вопрос уже решен!»*. Диалога, стало быть, нет и, наверное, в близкое время не будет.. Теперь перейду к (краткой) характеристике и обоснованию обещанной системы критериев.

Система качественных критериев оценки международного признания труда и научного вклада российских ученых (с дополнением количественных факторов).

Само по себе нижеследующее перечисление факторов и критериев вряд ли содержит в себе что-то новое для самих ученых, для их по-

---

¹ Отдельные ссылки сделаны в первой части главы. Только из соображений экономии места не даю отсылку к богатейшей уже литературе.

вседневных и повсеместных суждений о своих “коллегах” (в широком смысле), о факторах признания и т. д. Да и чиновники от науки, скорее всего, понимают, сколь значимо все то, о чем далее пойдет речь. Тут, кстати, тоже возможно приводить и учитывать соответствующую цифирь. Но её — что важно! — ещё надо собирать, осмысливать, формализовать. Да и ученым подобные предложения могут показаться поводом к тому, чтобы исходящие от чиновников директивы разрослись до невероятных размеров... Но делать что-то нужно. И мое предварительное предложение состоит в частности, в следующем: *сами чиновные инстанции должны добывать соответствующие данные, уже имеющиеся на соответствующих сайтах, а не рассылать громоздкие директивные инструкции. Но обо всем по порядку.*

1. Наиболее высоким показателем международного признания ученого принято считать *присуждение ему Нобелевской премии* (полагаю, и номинации на неё должны ставиться на первые места). При этом отнюдь не отбрасываются суждения критического характера о процессах отбора, о процедурах её присуждения и т. д.

Конечно, речь идет о редком, сверхэлитарном показателе. Нельзя не учитывать, что есть немало дисциплин, представителям которым Нобелевских премий вообще не присуждают. Для отдельных стран — Россия в их числе — процессы продвижения к Нобелевке особенно неблагоприятны (даже применительно к наукам, в которых российские ученые и научные школы традиционно сильны). Есть и другие осложняющие обстоятельства (в их числе — секретность ряда исследований и их использований, в которых, что здесь существенно, открытия делаются на «переднем крае» точных и естественных наук).

Однако главное в данном случае соображение таково: когда и если Нобелевская премия присуждена каким-либо ученым (и даже в случаях, когда они были номинированы на эту премию), то здесь как бы ставится знак высочайшего качества их научных достижений, а также *прямого и явного их признания международной общественностью.*

Кстати, для учета других научных результатов и свершений весьма ценны *признания со стороны уже признанных* — например, в виде формальных и неформальных ссылок нобелевских лауреатов и лауреатов других премий на работу тех или иных ученых, институтов, лабораторий, исследовательских групп. Тем более если лауреаты честно упоминают о пусть не удостоенных Нобелевки теориях, методах, экспериментах и т. д. как о «базисных» предпосылках своих нобелевских

открытий. Ссылки «бенефициантов» на далеко отстоящие по времени идеи и методы — дополнительное доказательство удивительной, долговременной (иногда многовековой) и коллективной по характеру эффективности науки как целостного трансисторического организма.

2а. Близко к Нобелевской премии — особенно в актуальном плане — можно поместить Государственные премии России в области научных достижений. Кстати, при недавних чиновных нападках на РАН под предлогом её неэффективности как-то «забыли» о том, что при присуждениях российских премий лауреаты, создатели новейших технических систем, как правило, упоминают о своей опоре на фундаментальные исследования видных ученых РАН.

2б. На следующее место в предлагаемой системе критериев интернационального признания нужно было бы, по моему мнению, поместить высшие из традиционных и сегодня существующих *международных премий по особым группам дисциплин*. Таковы, например, премии Абея и Филдса в области математических наук. Что касается других премий, то их могут (и думаю, должны для пользы своих дисциплин) назвать и перечислить представители этих дисциплин. Но ведь и чиновники, управляющие наукой, должны предварительно составить для себя перечень таких премий (что сделать совсем нетрудно) — хотя бы для того, чтобы исключить для их лауреатов, а лучше для всех ученых унижительные и вздорные отчетные требования (вроде предписания измерять корешки опубликованных книг или сообщать номера ваковских дипломов своих аспирантов!).

2в. Есть немало высоких отличий, делаемых *ad hoc*, и специально для ученых — например, премии или даже государственные награды стран, чья культура, наука глубоко, ярко, последовательно исследуются в других странах. В случае российских ученых это высокие награды Германии или Франции (скажем, Орден почетного легиона) за их роль в исследовании и пропаганде французской или немецкой науки и культуры.

2г. Существуют престижные премии и стипендии международных научных фондов, которые присуждаются (на очень строгой конкурсной основе) иностранным ученым за особые достижения в их дисциплинах. (И хотя таких фондов немало, их число — величина конечная, так что сведения о них могут быть без труда получены благодаря соответствующим электронным данным.)

Приведу в качестве примера более известную мне деятельность одного из таких фондов. Это фонд им. Александра фон Гумбольдта — со

штаб-квартирой в ФРГ и с клубами-филиалами практически по всему миру. Основан фонд был в 1953 году; в 2013 году отмечалось его шестидесятилетие¹. Премии фонда им.А. фон Гумбольдта по всей совокупности научных дисциплин, включая социогуманитарные, очень престижны. Достаточно сказать, что из лауреатов фонда разных лет впоследствии выросло 20 Нобелевских лауреатов! Что касается России, то за послевоенное время премию фонда получили более 100 российских ученых из разных научных дисциплин. Особого упоминания заслуживает тот факт, что Фонд предоставляет хорошие стипендии и замечательные условия для двухгодичной работы в университетах Германии молодой научной поросли. Из России стипендиатами фонда становилось более 1000 ученых! Проходной барьер и для лауреатов, и для стипендиатов был и остается очень высоким. Так, на пути к премии, если она присуждается, проходит весьма солидная *международная экспертиза*: около 10 ученых той же и сходной специализации *из разных стран* должны высказаться в пользу присуждения такой премии. Со стипендиатами дело тоже обстоит достаточно строго – и в этом случае имеет место подтверждение интернационального признания научной перспективности молодого ученого. Например, в философии бывшие российские стипендиаты, члены “гумбольдтовской семьи”, теперь уже принадлежат к когорте наиболее квалифицированных, европейски образованных, успешных философов современной России.

3. Участие – на паритетных правах с учеными зарубежных стран – **в международных проектах**, особенно если они *крупные, масштабные, долгосрочные* и воплощаются в значимых научных результатах и публикациях. При этом совершенно необходимо конкретно учитывать, какие именно *функции* и какой объем работы выполняет отдельный ученый, тот или иной научный коллектив.

Имеются и могут быть отдельно учтены такие функции:

3.1. Со-руководителей проекта с российской стороны, которые выполняют *именно научные, концептуально-авторские задачи и цели*;

3.2. Участники проекта, выполняющие отдельную научную, авторско-концептуальную работу (в случае двуязычных изданий – высококвалифицированные, сведущие в своей науке переводчики);

---

¹ Об истории фонда и шестидесятилетних результатах его деятельности см.: Фонд им. Александра фон Гумбольдта. Хроника развития и успехов / Россия и Германия. № 2(6), 2013. С. 4–6.

3.3. Участники, выполняющие вспомогательные функции (но тоже требующие специализации в соответствующих дисциплинах).

4. Среди качественных параметров научной работы, предполагающих уже существующее международное признание ученых (и научных коллективов) и выводящих интернациональное сотрудничество на более высокий уровень, можно и нужно учитывать целый ряд нижеследующих легко фиксируемых и проверяемых факторов и показателей. Их я рассмотрю суммарно, без ранжирования сравнительной важности.

Имеются в виду:

– присуждение российским ученым почетных степеней, например, степени *honoris causa* зарубежных университетов и престижных отечественных университетов;

– членство российских ученых в редколлегиях международных журналов, альманахах, наиболее престижных в их научных отраслях (в этих случаях признанием можно считать уже тот факт, что на титульных страницах таких изданий имя российских исследователей ставится в один ряд с именами выдающихся ученых в их областях знания);

– приглашение российских ученых в качестве эдиторов значимых коллективных трудов, выпускаемых солидными зарубежными университетами и/или академическими научными учреждениями (требуется библиографическое описание уже вышедшего издания);

– участие в совместных трудах, вышедших в России и/или за рубежом, организованных отечественными и/или зарубежными учеными; если они созданы и опубликованы в нашей стране, то это предполагает доверие зарубежных ученых к российским коллегам, к соответствующим научным институциям, а потому тоже должно оцениваться как доказательство их международного признания;

– большее значение, чем статьям в журналах, надо придавать монографиям российских ученых, переведенным на иностранные языки и опубликованным в соответствующих странах; положительные рецензии на них — тоже знак высокого международного признания этого труда;

– участие видных зарубежных ученых в конференциях, симпозиумах, организованных в России (особенно при поддержке международных и российских фондов и организаций).

Скажу подробнее о молодых стипендиатах различных фондов (из известных мне немецких научных фондов, кроме вышеупомянутого

Фонда им. А. фон Гумбольдта, это DFG, DAAD и др.). Что касается философии, о которой у меня более точные сведения, бывшие стипендиаты этих фондов теперь — поистине золотой фонд наших дисциплин. Присуждение стипендии — не только знак признания, но и своего рода пропуск в перспективное научное будущее. Ибо после присуждения стипендии открываются многие возможности — глубокого изучения языка (языков), стажировки в лучших университетах (в данном случае Европы), контакты с выдающимися зарубежными учеными в тех или иных научных областях и т.п. Иногда талант и стечение обстоятельств ведут к большим удачам.

Приведу примеры из философии. Молодой российский философ Петр Резвых, стипендиат фонда им. А. фон Гумбольдта, в последние годы удостоился в Германии очень высокой чести — вместе с немецкими коллегами расшифровывать, готовить к печати, комментировать до сих пор неопубликованные, вновь обнаруженные рукописи великого немецкого философа Шеллинга! Другой гумбольдтианец, молодой профессор РГГУ Алексей Круглов сам разыскал в Германии ранее неизвестные тексты немецкого философа XVIII века Тетенса — и теперь издает их.

* * *

После всего сказанного уместно вернуться к вопросу о том, как коррелируются, и коррелируются ли вообще эти высококачественные, во многом ясные подтверждения международного признания ученых, их достижений, их вклада в науку.

По этому вопросу существуют специальные исследования — сопоставления (ранее упомянутых) доказанных свидетельств международного признания вклада ученых с их «оценками» согласно индексам цитирования, индексом Хирша, и относящимся, например, к продвинутым математическим и физическим наукам. Данные поразительны. Например, установлено, что в случае нобелевских лауреатов по физике (по подсчетам начиная с 1981 года) *корреляции либо очень слабые, либо — у математиков, лауреатов всемирно известных премий Абеля и Филдса, вообще отрицательные*, в том смысле, что у этих лауреатов, прославленных ученых, значения индекса Хирше *ниже, чем среднее значение для математических наук!* Разумеется, отмеченное несоответствие не лишает лауреатов засвидетельствованного премиями объективно высочайшего качества и бесспорного международно-

го признания в их науках, повторим, наиболее продвинутых из всех дисциплин внутринаучного комплекса. Но вот к определению сугубо вспомогательного значения упомянутых количественных показателей в деле оценки значимости и признания научного труда сказанное имеет самое прямое отношение.

Поскольку же отмеченные несовпадения не только возможны, но и по-своему типичны (о чем раньше шла речь), то возникают реальные опасения насчет того, что настойчивое стремление чиновников от науки агрессивно сделать количественные нормы и подсчеты главными критериями при оценке и организации такого «качественного» дела, как научное исследование и творчество, могут привести к пагубным последствиям если не к коллапсу в сфере науки и её применения.

И все же отсюда не следует, что количественные показатели и подсчеты лучше совсем отбросить. Их вполне можно поместить внизу предлагаемого перечня факторов и показателей (хотя бы для того, чтобы в очередной раз проверить, имеются ли вообще и какие имеются корреляции количественных данных с качественными).

Но и тут нужно сделать важные уточнения. В последнее время «сверху», от чиновников выдвигаются (и кажется, уже приняты директивно) требования, согласно которым данные отечественной системы РИНЦ собирать уже не надо, а в основу отчётности ученых следует положить количественные данные обсчетов, предоставляемые зарубежными, в основном американскими фирмами (данные Web of Science, Scopus и т. д.). Чиновники не понимают или не хотят понимать, что и их предложения, и шараханья из стороны в сторону, но неизменно в пользу зарубежных фирм (!) исключительно вредны для отечественной науки. РИНЦ — пока во многом несовершенная, но быстро прогрессирующая база данных (я сама, проанализировав сложившуюся внутри неё ситуацию в отношении философских дисциплин, сформулировала серьёзные критические замечания и поправки). В РИНЦ уже вложены серьёзные средства. Данные РИНЦ всё-таки полезно учитывать, к чему уже привыкли российские ученые — но, как показано в этой главе в согласии с суждениями многочисленных экспертов, специалистов в различных областях знания, *исключительно после и на основе выявления качественных параметров в виде сугубо второстепенных дополнений*. Есть весьма существенные поправки и относительно упомянутых рекомендаций министерских чиновников регулярно обращаться к названным выше американским системам.

Оказывая преференции названным американским системам, наши чиновники от науки пренебрегают тем фактом, что даже вход в их базы данных стóит немалых денег (и потому недоступен обедневшим российским ученым).

Однако главное в другом: для России и её науки, особенно для ряда наук (что я, на основе тщательного исследования, доказала применительно к философии), здесь сложилась по сути неблагоприятная, если не дискриминационная ситуация в смысле сугубой нерегулярности и неполноты учета достижений и вклада российских ученых, как и отражения деятельности научной периодики России.

Наука и общий кризис современной цивилизации(основные тезисы)

В этой главе, посвященной специальной проблематике, я не могу и не планирую подробно исследовать цивилизационные проблемы в их современном обострении¹. Но необходимо хотя бы кратко зафиксировать результаты осмысления общецивилизационных истоков и глубоких коллизий современного этапа истории применительно к науке. В частности, в рамках моего подхода необходимо обратить внимание на факты особых рецидивов варварства посреди сугубо современных достижений цивилизации, в том числе научных, научно-технических, коммуникационных и т. п.

К числу неожиданных всплесков варварства — соответственно новых цивилизационных противоречий — нельзя не назвать именно те явления, коих мы уже касались, подробно и конкретно говоря о валах бедствий, которые обрушились не только на науку, проявились в сферах science policy, но — еще раньше! — затронули школьное (и иное, например, среднее специальное) образование, университетское обучение и исследование. Бедствия эти исходят не от неких пришельцев, не от злобных «посланцев ада», а от ...самых обыкновенных, внешне «благопристойных» людей... Притом людей, (возможно) убежденных, что они призваны облагодетельствовать соотечественников, современников давно, дескать, назревшими реформами — в том виде, в котором они ими задуманы и проводятся в жизнь. Реформы разного рода — в образовании, науке, культуре — в самом деле назрели. Но вот типы реформ, способы их проведения, их последствия (не только в России, но и в других странах) вызывают обострение кризиса в совре-

---

¹ См. по этим темам: *Мотрошилова Н.В.* Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М., Канон+. 2010.

менном обществе. А всё это проблемы, уже относящиеся к ведению социальной философии, общей и специальной социологии науки.

«Реформирование» сфер образования и науки как прорыв антицивилизационного варварства

Почему я считаю оправданным говорить о *прорыве варварских тенденций* в сферах регулирования сфер образования, науки и культуры? Полный ответ на вопрос подразумевает, конечно, конкретный анализ, опирающийся на факты, документы, аргументы (таковыми я располагаю; они отчасти использованы). Развернуть их во всей полноте здесь невозможно. Могу дать лишь сжатый ответ на поставленный вопрос. Прорыв варварства в описываемой группе явлений и тенденций состоит, по моему мнению, в следующем.

1. По мере развития общества (в России эти тенденции, к сожалению, действуют особенно драматически, разрушительно, грубо) в сферах образования и науки имеет место не историческое наращивание цивилизационного качества, (что принадлежит к определителям цивилизационного прогресса или по крайней мере цивилизационной стабильности), а его лавинообразное снижение, если не разрушение. Ради справедливости и наибольшей точности суждений относительно актуального положения дел надо обязательно учитывать, сколь чувствительный удар — и в частности, по образовательным и научным сферам деятельности — был нанесен в глубоко кризисные, «лихие» 90-е годы. Но и при этом негативная роль скоропалительных, бездумных, неподконтрольных обществу «реформ», уже осуществленных и осуществляемых в этих областях в XXI веке, их уже выявленных и неминуемых в будущем поистине губительных исторических последствий — эта роль должна быть зафиксирована и проанализирована особо.

1а. Коротко — о сфере образования. Несомненно, в советское время в этой сфере были немалые недостатки. Но все добросовестные люди, учившиеся в школах СССР — зная и на себе ощущая пробелы в школьном образовании того времени, все же не могут не признать: оно обладало многими объективными преимуществами перед современным обучением. Это, например, приличное преподавание родного языка, литературы, других гуманитарных наук, точных дисциплин и соответствующие вполне содержательные, достаточно строгие экзаменационные требования. Словом, многое было на более высоком уровне, чем сейчас, и тому есть немало подтверждений и свидетельств.

Когда снижение качества началось и какими были ранее накопившиеся предпосылки его ухудшения — это совокупность проблем, которые специально разбираются в обширной литературе, убедительно подтверждающей справедливость вышесказанного.

Почему «реформы», осуществленные в данной области — во многих отношениях фундаментальной, исходно важной для всей культуры, включая науку — я причисляю к новейшим прорывам, всплескам варварства? Сжато говоря, по той главной причине, что они осуществлялись — когда бессознательно, когда вполне целенаправленно — по принципу: «старый мир разрушим, до основания, а затем...». Ибо эта «формула» (откровенно и без особых раздумий, спонтанно «напетая» в одной из революционных песен) оказалась концентрированным выражением сути любых варварских «преобразований» внутри цивилизации — вплоть до точного запечатления последствий таких «разрушений до основания»: «кто был ничем, тот станет всем...».

Не только в школьной сфере, но и во всех других «реформируемых» областях науки, культуры — это нетрудно показать и об этом уже многое написано, — тенденция: разрушим «до основания, а затем...» превалирует. В частности, в школьном образовании (с внедрением ЕГЭ, с сокращением, исчезновением ряда предметов и экзаменов — теперь «возвращаемых» предложениями самого президента! — и многими другими поистине роковыми для пары поколений «реформами») последствия уже выявились.

Для науки все сказанное имеет по крайней мере то значение, что в вузы, а потом в исследовательские учреждения имеют шанс проникнуть полуграмотные, а то и вовсе неграмотные выпускники, «покупающие» баллы через ЕГЭ, аттестаты об «успешном» окончании школы, а также «проходной бал» поступления в вузы без экзаменов.

16. Отмеченное коренное и исходное цивилизационно значимое упущение, само по себе вполне заслуживающее быть названным прорывом варварства, «дополняется» не менее варварским «реформированием» среднего специального и высшего образования. «До основания» обрушили специальное техническое образование, почему фактически ликвидировали вовсе неплохую, во всяком случае функциональную систему подготовки того слоя кадров для производства, который стал таким дефицитным в наше время — слоя высококвалифицированных рабочих и мастеров.

И ликвидировали эту подготовку совсем не потому, что современному производству такие кадры вовсе не нужны. Как раз наоборот: их роль и ответственность неизмеримо возросли и возрастают дальше, а не отпадают с изменением характера производства, особенно в наиболее «продвинутых», подлинно современных областях. Когда нам сообщили, что ракета стоимостью в несколько миллиардов распалась на куски вблизи от Земли из-за датчика, прикрученного «вверх ногами» (и притом еще вбитого какой-то «кувалдой»), стало очевидным: повторяющиеся случаи подобного рода связаны с *поистине варварским разрушением* системы подготовки кадров даже для таких отраслей, как космическая промышленность... А самолеты, в которые сажают в качестве пилотов людей неподготовленных?! Опасное *варварство* налицо.

О высших учебных заведениях и последних «реформах» в этих сферах нужен особый разговор. Скажу одно: управляющие инстанции (в их числе на первом месте — Министерство образования и науки) *своими решениями и лицензиями* расплодили на организмах совсем неплохого (что было признано и за рубежом) высшего образования, доставшегося в наследство от советского времени, раковые наросты коррупционных «организмов» и мафиозных групп. В провинции, в некогда славных университетах, уже правят далекие и от преподавания, и от науки, новые менеджеры. (Первое, что они сделали — назначили себе оклады и премии, многократно превышающие зарплату профессоров и преподавателей.)

Итак, сначала управители-кочевники устроили набеги на провинциальные университеты и утвердили там «верных» людей. Потом напали на корпус педагогов университетских центров, притом на лучших, свободолюбивых и самостоятельных специалистов. Проверить все это просто, если не элементарно...

Кстати, все делалось по-тихому: из администраций регионов немалое число «помощников», заблаговременно «защитивших» диссертации, попало в такие менеджеры; сами педагоги, а часто и студенты были под прессингом увольнения, сокращения часов, зарплат; «депутаты» разных уровней, пресса, телевидение — все молчали; население, которое пичкали рассказами о том, какие коррупционеры-педагоги расплодились в вузах, было, разумеется, настроено против коррупционеров.

Коллеги в других городах не знали о «реформаторском вале», пока он не докатывался до них. И всё — в таком духе. А потом — как бы в праведном гневе — те же министерские чиновники или ими создан-

ные подчиненные «инстанции» обрушились... на лучшие университеты, вузы страны с многолетней высокой репутацией. Последние годы они методически утесняют, под предлогом «оптимизации», «экономии», самые лучшие университеты страны (СПб. ГУ, РГГУ и др.), стремительно исполняя (несомненно, спущенные сверху) прожекты «слияния» факультетов, сокращения кафедр, часов, бюджетных студентов и т.д. (Сокращая полставочников, прогоняют, например, физиков, работающих на синхрофазотронах и потому преподающих на полставки...) Сейчас процесс разрушения новыми «реформаторскими» действиями — под предлогом «улучшения», «экономии», налаживания «современного управления» с помощью «менеджеров» и т.п. — в самом разгаре...

В этом блоке краткого анализа достаточно сделать такой вывод. Реформы в сфере школьного, среднего, высшего образования в России, безусловно, назрели. Но способы планирования и проведения этих реформ, притом а) без гласного, специально и постоянно проводимого обсуждения (с теми, кто является их объектами, например, в сфере школьного обучения — с учителями, с родителями, с мыслящими школьниками, с широким кругом специалистов, с учеными, деятелями культуры и искусства и т. п.) и, главное, б) без *всякого внимания* и уважения даже к ясно выражаемому общественному мнению (например — к тому, что в стране в целом отношение к подавленному и внедренному ЕГЭ было и остается сугубо отрицательным, что мощная коррупционная составляющая здесь несомненна и т.д.) — всё это говорит о насильственном, непродуманном, келейном характере реформ в тех сферах, в которых имеется поистине всенародная заинтересованность. Оправданно сказать сильнее, учитывая всё отмеченное: *«реформы» этого рода в целом и в своих последствиях носят варварски-разрушительный антицивилизационный характер.*

3. Всё ранее сказанное в этом и других моих разделах этой книги (а также доказанное в разных её разделах) о «реформе» РАН позволяет сделать вывод: и *применительно к российской науке* — с её вековыми традициями, в XX веке (со всеми не менее варварскими прорывами и отклонениями в процессе и после революции) все же набравшей высокий цивилизационный темп развития, эффективность и силу, *объективно применяются*, в основном, *разрушительные «реформаторские» усилия.* Авторы первоначального «проекта реформы» РАН (кстати, никто из них так и не признался в авторстве или со-авторстве) прогово-

рились, когда написали слово «ликвидация» применительно к основанной Петром I Российской академии наук! Тем самым варварский «принцип ликвидации», т.е. лозунг «до основания, а затем...» снова восторжествовал. И снова действовали в согласии с воспроизведенной выше «формулой»: «высказывайтесь, пишите, выражайте свои мнения (это к протестовавшим ученым России, к отделениям РАН по всей стране, к научным коллективам, к выразившим солидарность с РАН крупным зарубежным ученым, университетам, научным учреждениям); но имейте в виду, что вопрос уже решен»...

* * *

Далее кратко, без вхождения в детали, обозначу важные стороны, процедуры и акценты (продавленных) реформ во всех образовательных, научных сферах, которые — по самому определению — должны воплощать в себе культурные основания человеческой цивилизации и признаки её восхождения. И покажу, как и почему они также воплощают в себе, а порою отчетливо демонстрируют (несмотря на маскировочные одеяния) откаты к варварству.

1. Всё ранее охарактеризованное движение замаскировано якобы демократическими процедурами. В самом деле, нередко говорят публично противникам (и вероятно, думают про себя) горе-реформаторы, — разве реформы во всех обозначенных областях не назрели? Разве не требовалось «снять» все известные своей пагубностью наслоения советского времени? Почему, скажем, руководящие деятели РАН не проводили реформирование РАН своевременно? И разве не были проведены обсуждения в парламенте? Разве не имело место демократическое голосование? Эти вопросы — отнюдь не праздные.

Упреки в адрес руководящих структур РАН вполне обоснованы. Однако — заметьте — в книге «Российская академия наук. Хроника протеста» ни один научный коллектив из состава РАН не высказывался против самой необходимости реформ Академии, её учреждений. И достаточно часто, вполне обоснованно самими учеными высказывалось мнение о том, что назревшее самореформирование РАН запоздало. Но хотя время было упущено — реформы надо было проводить давно, — их ни в коем случае не следовало проталкивать, делать необдуманными, скороспелыми.

1а. «Мыслить, обдумывать, обсуждать и только после и на основе этого делать что-либо важное» — главнейший принцип цивилиза-

ции, важный и для отдельного человека, и тем более для жизненно важных сфер совместного социального бытия. Противоположен ему принцип варварского, в том числе нововарварского, действия – производить все, в том числе изменения, либо не слишком вдаваясь в их осмысление, и сделать грубо, топорно, методом проб и ошибок, принимая решения быстро, либо вовсе не задумываясь над последствиями и пренебрегая ими. И ещё: варвар больше всего доверяет вождям и их ближним (охранникам и советчикам) и подчиняется им, когда они «ведут» орду на массовые оргии разрушения¹.

Новейшее бюрократическое варварство – и это нетрудно доказать – правда, действует «на расстоянии», но его убойная (для образования и науки) сила огромна, а последствия разрушительны и для ученых, для образования и науки, а в конечном счете для судьбы будущего нашей страны, для России.

Здесь я вынуждена отвлечься от важнейших оттенков вопроса, для моей концепции цивилизации и варварства существенных. Наплыв варварства, о котором идет речь, имеет общецивилизационный характер. Это совокупный результат *общего состояния современной цивилизации и прорывов варварства на многих уровнях современного цивилизационного развития*². *И всё же есть немало стран, не поддавшихся варваризации рассматриваемых сфер; они стараются находить сдержки и противовесы, чтобы не загубить свои веками накапливаемые цивилизационные достижения. А некоторые государства, например Великобритания, поставили государственный заслон, они сбили, скажем, волну отчетной цифири в научной, университетской практике.*

На Россию, к несчастью, чиновники вполне, в лице определенных руководителей, представителей определенных ведомств, прямо-таки нагнали бурю цифири, которая усиливается и превращается в мощный ураган. А чиновники-инноваторы гонят всё новую и новую волну, изобретая (конечно, делая это анонимно для «подследственных» ученых) все новые «пункты» отчета. (Об этом говорилось выше.)

---

¹ См.: *Мотрошилова Н.В.* Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М., 2010.

² *Игнатов И.И.* Развитие инновационного процесса в США: исторические тенденции, сегодняшняя реальность и грядущая революция // Наука. Инновации, образование. Выпуск 6. Сентябрь 2008. С. 44.

См. также: *Hamel Gary and Breen Bill.* The future of management. Harvard Business School Press, 2007.

Hippel Eric von. Democratizing innovation. Cambridge, MA: MIT Press, 2005.

Используя современные «технологии», эти и будущие волны своих разрушительных действий они:

а) «узаконили», пробивая — с необходимой парламентской шумихой — соответствующие законы в кратчайшие сроки, строго следя за тем, чтобы главные разрушительные замыслы из-за поправок не претерпели изменений и убойной силы;

б) моментально создали нужные структуры вместо уничтожаемых (ФАНО — вместо Президиума РАН); в «мгновение ока» находили — вместо пусть и не стопроцентно эффективных руководителей — «менеджеров нового типа», может, и способных (как правило, молодых или очень молодых людей), но в основном отбирая их по одному «принципу» выбора: они не должны иметь никакого отношения к отрасли, которой им предстоит «рулить».

2. Менеджеризм, когда-то очень модный, особенно в США, сделался своего рода административно-кадровым «принципом веры» в России. Сделался в то время, когда в США он повсеместно, особенно применительно к руководству областями, по природе своей инновационными (а наука именно такова), пересматривается.

В доказательство приведу пространную цитату из статьи ещё 2008 года И.И. Игнатова, специалиста по science policy США: «Что же грядет на горизонте? Грядет совершенно новая модель организации бизнеса, да и образования тоже. Эта новая модель ограничит функционирование традиционных бизнес-иерархий принятием “базовых” решений (распределение ресурсов и “зон ответственности”, кадровые назначения, стратегическое планирование, определение корпоративных приоритетов, формулировка направлений будущего развития) и в значительной степени превратит компании и организации в сообщества автономных “самоуправляющихся” (self-directed) профессионалов, которые будут функционировать преимущественно в “горизонтальном” режиме, выстраивая отношения с равными по статусу. Именно равные по статусу работники будут в значительной степени направлять, оценивать работу друг друга. Вторжения в их сферу деятельности со стороны “вышестоящих органов” будут крайне редкими и эпизодическими. *Менеджерская, равно как и управленческая, работа все в меньшей степени будет выполняться профессиональными менеджерами и управленцами:* ожидается, что подобная деятельность будет “вмонтирована” в “систему жизнедеятельности” компании и по “функциональным кирпичикам” рассосется в среде “самоуправляю-

щихся мыслекратов”. Чаемое общество в значительной степени можно охарактеризовать как “постмодернистское”. Сама мысль о том, что можно мобилизовать человеческий труд и ум через иерархию надсмотрщиков, бюрократов и администраторов, станет крайне смешной и устарелой уже менее чем через десятилетие».

Этот материал (пятилетней давности, что означает: начавшись, процесс ориентации на инновации и инновативные, а не на менеджеристские силы, в США продолжался) убедительно свидетельствует о неоварварских тенденциях нашего развития, направленных против содержательных инноваций (здесь – в сфере управления).

А именно: по видимости устремляясь в погоню за крупными научно-инновационными державами, прежде всего за США, наши горе-реформаторы в управленческой практике повторяют «зады» их опыта, давно ими пересмотренного (хотя об «инновациях» у нас не говорят только очень ленивые руководители и управленцы).

Действительно инновационное-передовое, лучшее и именно инновационное в своей стране методически уничтожается, как сказано, по упомянутой истинно варварской модели – «до основанья, а затем...».

Что будет «затем»? Надеяться остается только на будущее, на суд истории, который она в конце концов всё-таки выносит.

ГЛАВА 11.

ТРАДИЦИОННАЯ БИБЛИОМЕТРИЯ: ПРОБЛЕМА РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ ДАННЫХ

Как отдельное научное направление библиометрия оформилась в 60-х годах XX в. О проблемах использования библиометрических методов широко известно (см. в частности главу 9 данной книги). Остановимся более подробно на одной малоизвестной, но чрезвычайно важной проблеме — репрезентативности корпуса данных для библиометрических замеров. Действительно, если корпус данных нерепрезентативен, то и любая статистическая оценка будет искажена.

Под репрезентативностью обычно понимается такой тип отображения проблемной области в корпус данных, при котором последний отражает все свойства проблемной области, релевантные для данного типа лингвистического исследования, в определенной пропорции, определяемой частотой изучаемого явления в проблемной области. Другими словами, относительная частота явления в корпусе должна быть близка его относительной частоте в проблемной области. Например, текстовые корпуса должны содержать в соответствующей пропорции тексты с базовыми, наиболее типичными макроструктурами, имеющимися в данной проблемной области. С другой стороны, лексические корпуса должны включать выбранные исследователем поля лексических единиц и т.д.

Требование репрезентативности в самом простом варианте отражается в пропорциональном сужении проблемной области. В этом случае можно говорить о **пропорциональной стратегии** организации корпуса данных. Пропозициональная стратегия результативна лишь в том случае, если проблемная область в силу тех или иных причин ограничена и позволяет непосредственно производить замеры относительной частоты изучаемого явления. Такая ситуация имеет место, например, в тех случаях, когда составляется корпус текстов какого-то конкретного писателя или поэта, а также какого-то конкретного

множества источников (газеты, журнала, других периодических изданий за фиксированный период времени).

Чаще всего непосредственные замеры проблемной области затруднены из-за того, что она безгранична. Тогда используются косвенные методы достижения репрезентативности. Они не дают стопроцентного результата, однако позволяют максимально учесть все релевантные явления проблемной области, даже если при этом нет гарантии отражения относительной частоты изучаемого феномена. Такие методы, стратегии достижения репрезентативности можно назвать **классификационными**. В подобном подходе выявляется максимальное количество релевантных параметров, образующих матрицу сочетаний значений признаков, в которой исчисляются все возможные комбинации значений параметров. На каждую допустимую комбинацию параметров в проблемной области ищется пример, который и вводится в корпус. Например, для корпуса заголовков газет могут быть сформулированы следующие релевантные параметры: 1) временной параметр (дата $d_1 \dots d_n$); 2) рубрика газеты («Передовые статьи», «Письма с мест», «Культура», «Спорт» и т.д.); 3) синтаксическая структура заметки («Повествовательное предложение», «Вопросительное предложение»; «Номинативное предложение» и т.д.); 4) наличие-отсутствие языковой игры и другие возможные параметры. Все допустимые комбинации значений параметров задают клетку матрицы, которую заполняет заголовок, найденный в проблемной области. Например, заголовок в корпусе может иметь в этом случае такой набор значений параметров: $\langle d_1; \text{«Письма с мест»}; \text{«Повествовательное предложение»}; \text{«Без языковой игры»} \{...\} \rangle$.

Чаще всего обращаются к технологически более простому способу достижения репрезентативности — **сплошному отбору данных**, который требует последующей оценки репрезентативности. При сплошном отборе в корпус последовательно помещаются все релевантные явления проблемной области, которые представляют интерес в связи с предполагаемым назначением корпуса или задачами исследователя. Основная проблема применения технологии сплошного отбора данных заключается, во-первых, в том, что оценка репрезентативности делается *post factum* и, во-вторых, в том, что способы оценки репрезентативности корпуса невозможно предсказать, они непосредственно зависят от тех феноменов, которые собираются в корпус.

В основе методики оценки репрезентативности, выбранной в данном случае, лежит идея **накопления и коррекции** относительной

частоты исследуемого явления (далее – «ИЯ»), достигаемая в процессе сплошного отбора контекстов употребления данного ИЯ. Предположим, что ИЯ в проблемной области имеет относительную частоту F_m . Пусть в некоторой выборке примеров A_1 это ИЯ получает частоту F_1 , которая, разумеется, отличается от частоты F_m , но тогда следует ожидать, что при тех же принципах отбора примеров при дальнейшем накоплении материала, равном выборке примеров A_2 , в результирующей выборке $A_1 + A_2$ относительная частота F_2 будет в большей степени приближаться к F_m . Конечно, это не обязательно произойдет сразу на втором замере в выборке $A_1 + A_2$. В общем случае это может произойти на n -м замере в выборке $A_1 + A_2 + \dots + A_n$. С какого-то момента, когда относительная частота ИЯ начинает приближаться к относительной частоте этого ИЯ в проблемной области, то есть с замера n , различие между относительными частотами F_n , F_{n+1} , F_{n+2} и т.д. будет все больше уменьшаться. Иными словами, разница между числами последовательности $Q_n (= F_n - F_{n-1})$, $Q_{n+1} (= F_{n+1} - F_n)$, $Q_{n+2} (= F_{n+2} - F_{n+1})$, характеризующими различия в относительной частоте между замерами, начиная с замера n , будет становиться все меньше и меньше.

Графически это должно отражаться движением кривой к некоторому пределу (относительной частоте модели M в проблемной области – F_m). Возможные возмущения могут быть связаны с различиями в принципах отбора ИЯ, которые неизбежны для тех случаев, когда корпус собирается разными исследователями. На графике это должно проявляться в виде незначительных колебаний кривой замеров в непосредственной близости от линии предела – F_m .

С чисто практической точки зрения модель оценки репрезентативности означает, что выявление тенденции движения кривой замеров к стабилизации, к некоторому пределу в виде горизонтали, проведенной от оси значений на графике от точки 0, будет свидетельствовать о достижении по крайней мере относительной репрезентативности корпуса.

Рассмотрим процедуру достижения репрезентативности корпуса данных на примере использования политических метафор в русском и немецком политическом дискурсе¹.

¹ Работа выполнялась в рамках проекта «Interkulturelle Analyse der Struktur kollektiver Vorstellungswelten», поддержанного DFG.

Для оценки репрезентативности был поставлен следующий эксперимент. Собранные корпуса данных по немецкой и русской политической метафорике были случайным образом разбиты на соответственно восемь и семь массивов¹. Немецкий корпус тем самым был разделен на восемь массивов M1, ..., M8. Первые семь массивов содержали по 1000 метафорических контекстов, а последний – восьмой массив – 1276 контекстов. Массивы русского корпуса по количеству метафорических контекстов распределялись следующим образом: R1 – 1000 контекстов, R2 – 924 контекста, R3, R4, R5, R6, R8 – по 1000 контекстов, R7 – 800 контекстов.

Поскольку репрезентативность корпуса в проекте связывается в первую очередь с адекватным отображением частотного распределения метафорических моделей, эксперимент проводился для сигнификативных дескрипторов, которые в метаязыке описания, разработанном в проекте, маркируют источниковые области метафор. Было выбрано 5 метафорических моделей, по которым были сделаны замеры в обоих корпусах. Для немецкого корпуса это модели: MUSIK, WEG, THEATER, KRANKHEIT, SPORT, а для русского корпуса – модели Музыка, Путь, Театр, Болезнь, Спорт. Выбор моделей также был произвольным. Единственное ограничение касалось того, что метафорическая модель должна была присутствовать в достаточном количестве контекстов и в немецком и русском корпусах.

Структура замеров включала ряд последовательных этапов. Пояним их на примере немецкого корпуса.

Этап 1. Для каждой метафорической модели считалась абсолютная частота употребления в каждом массиве (AF в массиве M1, ..., M8). После этого последовательно формировались замерные множества, каждое из которых представляет собой объединение всех предшествующих массивов плюс данный массив: замерное множество 1 = M1, замерное множество 2 = M1 + M2, замерное множество 3 = M1 + M2 + M3, замерное множество 4 = M1 + M2 + M3 + M4 и т.д. до замерного множества 8, равного M1 + M2 + M3 + M4 + M5 + M6 + M7 + M8.

Этап 2. В каждом замерном множестве определялась абсолютная (AF) и относительная (F) частота употребления выбранных метафорических моделей. Относительная частота употребления вычислялась как отношение абсолютной частоты употребления данной метафори-

---

¹ Различие в количестве выделенных массивов между немецким и русским корпусом носит чисто технический характер и в данном случае несущественно.

ческой модели (AF) к общему количеству употребления дескрипторов в данном замерном множестве. Такой способ вычисления правомерен, поскольку можно считать, что каждый сигнификативный дескриптор маркирует употребление метафорической модели того или иного уровня абстракции. Разумеется, тот факт, что дескрипторы могут быть различной степени абстракции, несколько искажает процедуру вычисления относительной частоты, однако в рамках поставленной задачи это не очень существенно.

Затем вычислялся **параметр отклонения Q**. Параметр отклонения Q_i ($1 \leq i \leq 7$) равен относительной частоте употребления метафорической модели в замерном множестве i минус относительную частоту употребления этой метафорической модели в замерном множестве $i-1$ ($F_i - F_{i-1}$). Легко вычислить, что каждая метафорическая модель для немецкого и русского корпусов будет иметь по семь значений параметра отклонения. Параметр Q характеризует приближение относительных частот употребления выбранных метафорических моделей в замерных множествах к относительным частоте употребления этих метафор в проблемной области. Иными словами, именно этот параметр позволяет судить о репрезентативности корпуса.

Этап 3. Для последовательности параметров отклонения, выделенной для каждой метафорической модели, строился график, который оценивался с точки зрения тенденции движения кривой в сторону стабилизации.

Рассмотрим сказанное на примере метафорических моделей КРАНКНЕИТ (немецкий политический дискурс) – Болезнь (русский политический дискурс).

Таблица 1. Абсолютная и относительная частота модели КРАНКНЕИТ

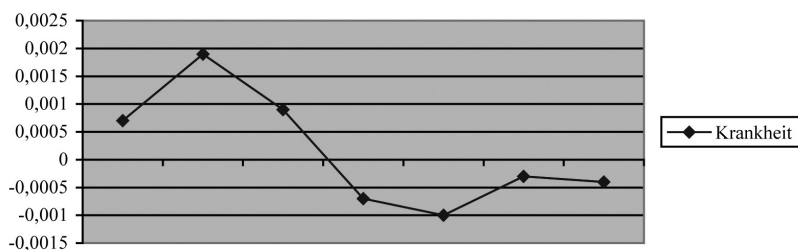
Замерные множества	M1 (2599)		M1+2 (5355)		F2-F1	M1+2+3 (8090)		F3-F2
	AF	F1	AF	F2	Q1	AF	F3	Q2
КРАНКНЕИТ	11	0,0042	26	0,0049	0,0007	55	0,0068	0,0019

Замерные множества	M 1+...+4 (10989)		F4-F3	M 1+...+5 (13889)		F5-F4	M 1+...+6 (16948)	
	AF	F4	Q3	AF	F5	Q4	Aб. F	F6
КРАНКНЕИТ	85	0,0077	0,0009	93	0,007	-0,0007	102	0,0060

Замерные множества	F6-F5	M 1+...+7 (19950)		F7-F6	M 1+...+8 (24187)		F8-F7
M-модель	Q5	AF	F7	Q6	AF	F8	Q7
KRANKHEIT	-0,0010	114	0,0057	-0,0003	127	0,0053	-0,0004

Рассматриваемая метафорическая модель характеризуется довольно незначительным разбросом значений параметра отклонения. Максимальная амплитуда между точками экстремумов не превышает по абсолютной величине 0,003. График 8 хорошо показывает, что максимальное варьирование относительной частоты метафорической модели KRANKHEIT приходится на начало сбора данных – на замерные множества M1, M1+M2, M1+M2+M3, M1+M2+M3+M4. В дальнейшем кривая замеров начинает приближаться к оси 0, хотя и не достигает ее. Иными словами, можно констатировать, что репрезентативность немецкого массива и по этой модели приближается к необходимому минимуму.

График 1. Динамика изменения параметра отклонения для метафорической модели KRANKHEIT

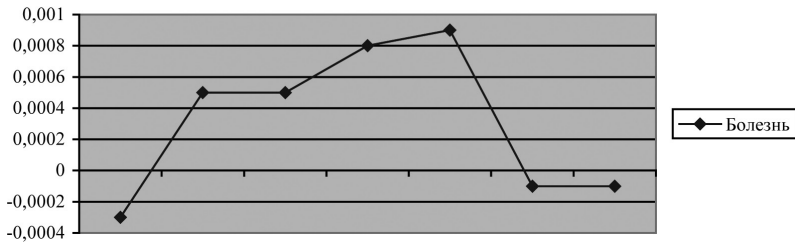
Амплитуда колебаний относительной частоты метафорической модели Болезнь в русском массиве оказывается еще меньше, чем аналогичной модели в немецком массиве (см. Табл. 1). Максимальное различие между значениями незначительно превышает 0,001. Это говорит об относительно быстром насыщении корпуса. Заметим, что График 1 показывает это плохо, поскольку он выполнен в другом масштабе, однако движение параметра отклонения в сторону оси 0 очень хорошо видно по последним двум измерениям (последний и предпоследний замерные массивы). Сравнительно небольшую амплитуду колебаний между значениями параметра Q можно интерпретировать как неточности в отборе материала. Вполне вероятно, что

такие отклонения будут иметь место и при дальнейшем увеличении материала, разумеется, при условии, что не изменятся принципы отбора данных.

Таблица 2. Значения параметра отклонения метафорической модели Болезнь

Болезнь	-0,0003	0,0005	0,0005	0,0008	0,0009	-0,0001	-0,0001

График 2. Динамика изменения параметра отклонения для метафорической модели Болезнь

Таким образом, для указанных ИЯ – конкретных метафорических моделей – репрезентативность достигнута.

Можно ли использовать указанные методы достижения репрезентативности применительно к библиометрическим данным, то есть применительно к множеству полнотекстовых документов, представленных в проблемной области?

Пропорциональная стратегия организации корпуса данных и, соответственно, достижения репрезентативности в данном случае невозможна, поскольку пропорциональная стратегия применима только к ограниченным корпусам данных. Между тем, проблемная область научной литературы принципиально не ограничена какими-то естественными рамками.

Использование классификационной стратегии также существенно затруднено прежде всего в силу того, что невозможно сформировать такой набор релевантных признаков публикаций, которые будут универсальными характеристиками для любого типа научных исследований и для любого ученого.

Сплошной отбор данных практически применим, однако он не обеспечивает репрезентативности в рассматриваемом случае в силу

того, что научная активность автора, во-первых, не ограничивается публикациями, во-вторых, не ясно, какие данные мы должны отбирать в корпус (по темам, по времени, по изданиям и т.д. — вариативность слишком велика), в-третьих, не ясен общий объем корпуса. Тем самым, не удастся с достаточной степенью правдоподобия определить даже относительную частоту в любом возможном замере.

В сетевой модели научной активности ученого проблема репрезентативности решается иным образом, как было показано ранее (см. главу 9).

* * *

В модели библиометрической сети репрезентативность данных достигается графически. Если узлы графа связаны друг с другом соответствующими связями, то исследуемый массив публикаций репрезентативен — по крайней мере, в первом приближении. Если в графе имеются подграфы, не связанные с общей сетью, то репрезентативность исследуемой области пока не достигнута. Разумеется, библиометрическая сеть более трудоемка, менее алгоритмизована, и менее формальна. Однако именно она позволяет создать адекватную модель научной активности исследователя.

А.А. Гусейнов
А.В. Рубцов

ГЛАВА 12.

НАУКА И ВЛАСТЬ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ

В последнее время инстанции управления все более активно вмешиваются в жизнь науки. Если учесть все опосредованные звенья и цепочки связей, иногда это просто на грани вторжения в исследовательский процесс. В полной мере это проявляется в науках социогуманитарного цикла. Естественно, никто пока еще не указывает ученым напрямую, как и что изучать и какие результаты при этом должны быть. Однако если внимательно проанализировать весь массив регулирования и контроля, а в особенности имеющиеся здесь тенденции, то окажется, что одни только формуляры отчетности реально влияют не только на жизнь, но и на профессиональную работу научного сообщества.

В данной главе мы попытались в сжатом виде изложить позиции и выводы исследования, имеющие, на наш взгляд, практическое и даже оперативное значение.

1. Регулирование науки: дисциплинарные техники

Это влияние осуществляется хотя и косвенно (в основном), через самоконтроль исследователей, через саморегулирование, часто даже вовсе безотчетное, однако его эффективность от этого ничуть не снижается, если не наоборот. В связи с этим повышенную актуальность приобретают вопросы:

- насколько такое вмешательство необходимо и где его пределы?
- каковы его реальные эффекты, локальные, суммарные и сверхсуммативные?
- те ли это эффекты, которые реально нужны науке, обществу, стране и в том числе власти, самим инстанциям управления?

Прежде всего надо объективно оценить масштаб формального

контроля и имеющиеся здесь тенденции.

При этом речь идет именно о формальном контроле: наращивание количества и объема заполняемых формуляров не приводит автоматически к повышению уровня контролируемости и управляемости. Часто даже наоборот. Пока отношения строятся на взаимном доверии и без избыточной бюрократии, оценка результата остается интегрально-интуитивной — и в этом смысле достаточно точной и объективной. Когда же интенсивно наращивается формальная составляющая, прежде всего планирование, отчетность и процедуры оценки результативности (в том числе количественные), сплошь и рядом оказывается, что обе стороны процесса вступают в «игру по правилам», а потому начинают пытаться обыграть друг друга, часто во вред общему делу.

Как это ни грустно, такие выводы — не моральное суждение, а установленный факт. В том числе установленный не только в системе взаимоотношений науки и власти, но и в рамках самого научного сообщества, в сфере его самоконтроля и саморегулирования (а этот формат куда более объективен и практически защищен от подозрений в желании науки сыграть на собственный цеховой интерес). Когда ученые пытаются более жестко формализовать оценку результативности своей работы и работы коллег, почти неизбежно происходит то, что в психологии называется «сдвигом мотива на цель» (А. Леонтьев). Люди начинают не только или даже не столько отчитываться по результату, сколько заранее подгонять результат под правильную, ожидаемую, поощряемую отчетность. Если кто-то думает, что это локальное отклонение, в особенности характерное для гуманитарных наук, а тем более для российского сегмента, это заблуждение. Такого рода закономерности зафиксированы в том числе: а) в мировой науке, в том числе западной, б) в точных и естественных науках, где, казалось бы, имитировать результативность практически невозможно.

Тем не менее тенденция к максимальной формализации регулирования и саморегулирования в науке у нас совершенно очевидна и в управленческой среде, судя по всему, рассматривается как единственно перспективная, стратегически безальтернативная, а также как методологически и методически безупречная. Что вовсе не очевидно.

С одной стороны, необходимо признать, что за такого рода формализацией стоят весьма серьезные тренды, прежде всего связанные с понятием постнеклассической науки. Одно из существенных отли-

чий заключается здесь в следующем. Наука перестает быть священной коровой, на которую молятся, которой позволено все и даже больше: начиная с траты ресурсов и заканчивая рискованными экспериментами, в том числе на живых людях. Теперь науке приходится выстраивать свои отношения с обществом на практически паритетной основе: объяснять, что она делает и зачем нужна, доказывать свою полезность или, как минимум, безвредность. В некоторых отраслях знания, например, в науках биомедицинского цикла, это во многом получается почти автоматически, едва ли не само собой: человечество пока еще более или менее легко верит, что скоро его разом накормят и вылечат (хотя и здесь уже осознаны серьезнейшие проблемы экспериментального риска и биоэтики). Однако другим наукам, уже успевшим напугать человечество масштабом расходов и угроз, например ядерной физике, приходится решать куда более сложные проблемы самооправдания и обоснования необходимости финансирования хотя бы в прежних объемах (проблема ЦЕРНа). В этой ситуации попытки как-то формализовать и объективизировать оценку результативности вполне понятны.

Вместе с тем эти общие тренды надо отделять от местных, туземных инициатив, которые вполне могут быть связаны с гораздо более прозаическими целями и интересами. В частности, нельзя не видеть наметившейся в последнее время общей тенденции к бюрократизации многих отраслей жизни и деятельности в России. Избыточное регулирование, распухание нормативной базы, дотошное, мелочное слежение за мельчайшими стадиями процесса — все это давно и не без оснований критикуется на политическом уровне как административный балласт, мешающий развитию экономики, технологий и, конечно же, науке. Чтобы в первом приближении оценить изменение ситуации, достаточно провести обычный статистический анализ формального документооборота, сравнив то, что есть сейчас, с тем, что было совсем недавно, а заодно и с объемом разного рода формальной отчетности в советский период, обычно критикуемый за чрезмерное, иногда просто абсурдное вмешательство государства в тонкие, не поддающиеся прямому администрированию процессы. Более того, можно увидеть здесь и общую тенденцию к наращиванию разнообразных форм регулирования и контроля, выступающих в качестве своего рода дисциплинарных техник, вырабатывающих привычные отношения в системе власти, господства — подчинения. Однако до обращения к

этим высоким материям придется столкнуться с куда более прозаическими вещами, в частности, с вопиющей проблемой качества этого контроля. В некоторых моментах вопрос даже не доходит до животрепещущего «много или мало» — все уже на дальних подходах к проблеме сводится к тому, что ТАК контролировать вообще нельзя, ни в больших дозах, ни в малых.

2. Антинаучная точность

Ярким примером такой ситуации является стремление уже сейчас, что называется с колес, использовать для оценки результативности отечественной науки разного рода библиометрические показатели: статистику публикаций, индексы цитирования, импакт-факторы и т. п.

Начнем с того, что избыточный, безоговорочный энтузиазм в отношении такого рода методик выглядит на данный момент проявлением не столько современности, сколько отсталости. В мировой науке уже поняли, что здесь и свои плюсы, но и подводные камни, начиная с искусственного раздувания числа публикаций, ссылок и т.п. и заканчивая циничным бизнесом на пристраивании заказных статей в ведущих научных журналах мира. Если эта проблема уже осознана как достаточно острая в мировой науке, с ее достаточно строгими традициями профессиональной научной этики, а также цехового и правового регулирования подобных ситуаций, можно представить себе, что может появиться в нынешней российской науке, когда ресурсное благополучие отраслей знания, институтов и отдельных исследований будет напрямую зависеть от такого рода формализованных показателей. Можно легко оказаться в положении, когда в самом профессиональном сообществе будет одна более или менее достоверная система признания авторитетов, а в зоне формальной отчетности — существенно другая. Это породит совершенно ненужный, лишний конфликт между научным сообществом и властью, дискредитирует институты управления, а с ними косвенно и политические инстанции, а главное, станет серьезным тормозом дальнейшего развития отечественной науки.

Особенно остро встанет эта проблема применительно к наукам социогуманитарного цикла, в том числе и к отечественной философии. Российская институциональная библиометрия, в частности Россий-

ский индекс научного цитирования, находится в зачаточном состоянии и принимать его данные за полную информацию, достаточную для принятия управленческих, а тем более политических решений, мягко говоря, было бы некорректно. Что же касается наиболее известных зарубежных баз данных, таких как, например, Web of Science, Scopus и т. п., то отечественная гуманитаристика по целому ряду объективных и субъективных обстоятельств представлена там не то чтобы не полно, а убогими несколькими процентами от того, что на самом деле имеет место в нашем корпусе публикаций и ссылок. Эти базы практически не реферируют наши журналы (единицы), избирательность в составлении такого рода списков более чем очевидна и имеет место не только в отношении России, существует практически непреодолимый языковой барьер. Совет, который иногда приходится слышать от администраторов — пишите по-английски, — выглядит либо некомпетентно, либо просто издевательски. Сплошь и рядом дело вовсе не в языке, а в том, что переводить практически нет смысла: эти публикации за рубежом не читают не потому, что они слабые, а просто потому что и не должны. Социология, этнография, история, литературоведение, лингвистика, целый спектр разделов философии — многое в этих и целом ряде других отраслей знания представляет огромный интерес для отечественной науки, для нашего общества, но совершенно не касается сферы интересов тех стран, которые занимаются переводом и изданием зарубежной научной литературы и одновременно контролируют наиболее известные базы данных. Это вполне естественное состояние для гуманитарных научных комплексов многих, если не большинства неанглоязычных стран мира, но, кажется, только в России есть такое слепое доверие к зарубежным методикам, которые на Россию вовсе не ориентированы.

Более того, гуманитарное знание основным модулем публикаций очень часто имеет вовсе не статью, а именно книгу. Однако стандартные базы данных книги практически игнорируют, останавливаясь на статьях в реферируемых журналах. Это с некоторыми оговорками может быть оправданно для точных и естественных наук, но дает фатально искаженную картину применительно к гуманитарному знанию.

Кроме того, в гуманитарном знании в ряде случаев вовсе не так строги требования к ссылочному аппарату, как в точных и естественных науках. Что же касается философии, то есть общепризнанные авторитеты и даже целые жанры, в которых ссылки в общепринятом

смысле вообще отсутствуют. Если это не учитывать, мы получим картину не просто заведомо искаженную — из поля зрения выпадет едва ли не половина авторов и работ, считающихся безусловно классическими.

Есть еще целый ряд обстоятельств, в силу которых механически скопированные статистические данные дают эффект не столько информации, сколько дезинформации. Мы можем оказаться в положении, когда для оценки науки будут использоваться данные, которые по всем показателям являются ненаучными, а при злонамеренном использовании и антинаучными. Библиометрия, конечно же, наука, но применять ее необходимо корректно и с таким же научным пониманием предмета. В противном случае некоторая польза, получаемая в усреднении усредненного, окажется ничтожной в сравнении с гигантским вредом, который может быть нанесен отечественной гуманитарной науке.

3. Социальный заказ и инерция контроля

Российские власти периодически проявляют оформленный интерес к повышению активности участия науки в жизни общества, в выработке стратегий, в принятии политических и управленческих решений, а также в мониторинге их реализации. Если проанализировать в данном контексте термин «наука», то окажется, что сюда попадает прежде всего знание социально-экономическое и общественно-политическое, а также гуманитарные науки в самых разных своих отраслях: этика, лингвистика, социальная психология, этнология, разного рода исторические исследования и пр. Есть направления гибридного характера, на грани знания точного и гуманитарного, например та же библиометрия, все более активно используемая при оценке результативности исследований, а в итоге и в принятии управленческих, политических, а возможно, и стратегических решений.

Особый интерес в этом контексте представляет пресловутая «проблема внедрения». Технологическая утилизация достижений естественнонаучного знания более или менее понятно устроена и также общеизвестны имеющиеся здесь острейшие системные проблемы. Однако что в этом плане представляет собой проблема «внедрения» для гуманитарной науки, для философии, для отраслей социально-

экономического и общественно-политического знания?

Проще всего все свести к обычным для науки академическим и (или) к популярным публикациям, к лекционно-просветительской деятельности и т.п.

Однако совершенно очевидно, что социальный заказ — и от общества, и от структур власти — выглядит существенно иначе и гораздо шире. Как раньше было принято выражаться, «партия и правительство» призывают философов, гуманитариев и пр. представителей «не естественных наук» активно участвовать в жизни общества, в выработке, оценке и реализации политических и управленческих решений. Оставим пока в стороне вопрос, насколько часто такой заказ бывает искренним и нацеленным на подлинное эффективное взаимодействие. Допустим даже, что система власти и управления в этом призыве всегда адекватна и готова всерьез прислушиваться к рекомендациям науки. Однако и в этом случае мы окажемся в нелепом и контрпродуктивном положении: система формализованной отчетности, по крайней мере в ее библиометрической составляющей, ориентированной на так называемые рецензируемые журналы, то есть на академические списки, не только не ориентирует «общественников» и гуманитариев на неакадемическую активность, но и фактически отвращает от нее, поскольку ресурс времени и сил у каждого ученого понятным образом ограничен. Вместе с тем, если бы библиометрическая статистика сподобилась учитывать не только публикации в интернете, но и общественную активность вокруг них, в частности ретрансляцию и сетевое тиражирование, ссылки и рекомендации, профессиональные комментарии и т.п., мы уже сейчас получили бы совершенно другую и куда более оптимистичную картину развития нашей гуманитарной науки и ее участия в жизни страны.

Это же относится и к участию науки в подготовке и экспертизе законопроектов, нормативных правовых актов, управленческих решений. Часто в этих разработках присутствует и собственно научный результат, который как таковой не эксплицируется, а потому не учитывается, хотя и получает известное распространение в соответствующих сегментах научного сообщества.

* * *

Все это не отрицает известной полезности применения формализованных и количественных методов при оценке результативности отече-

ственной науки. Однако необходимо в полной мере учитывать системные ограничения, накладываемые на применение этих методов спецификой гуманитарной науки вообще и отечественной гуманитаристики в особенности. В противном случае мы можем сами невольно сработать на принижение статуса и имиджа российской науки в мире. И тогда зачем затратные проекты, нацеленные на улучшение образа России?

Возможно, было бы больше пользы, если бы хотя бы малая часть этих средств была направлена на распространение и продвижение результатов нашей гуманитарной науки за рубежом. Тогда, возможно, у нас было бы меньше проблем и с мировыми базами данных.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Идеи и числа.
Основания и критерии оценки результативности
философских и социогуманитарных исследований

Директор издательства Б.В. Орешин
Зам. директора Е.Д. Горжевская

Формат 60×90/16
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 17,0 п.л. Тираж 800 экз. Заказ №

Издательство «Прогресс-Традиция»
119048, Москва, ул. Усачева, д. 29, корп. 9
Тел. 8-499-245-53-95

ISBN 9785898264482

9 785898 264482

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6.